

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

VOL. 8 , №1
TOM 8 , №1

2026

16+

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

- Coordination and popularization of oriental studies.
- Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.
- Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.
- Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.
- Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

- Координация и популяризация востоковедческих исследований;
- Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;
- Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;
- Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;
- Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 00.00.2025. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. /2025. Printed from finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary:

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 00.00.2025. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № /2025. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и дорепечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилович, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари:

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Uryvskaya T.A.</i> Methods of Oral and Written Translation of Multi-Digit Numbers in the Russian-Chinese Language Pair	6
<i>Semenova M.Yu., Abdikaiumov D.M., Galaeva M.S.</i> The Dungan language: Traditions of academic study and new research paradigms	21
<i>Yilmaz E.R., Gabdrachmanova I.I.</i> Cultural barriers in russian-turkish diplomatic communication and ways to overcome them	41
<i>Khabibullina E.K., Fatykhova A.M.</i> Media Representation of the 1980 Military Coup in the Republic of Turkey: An Analysis of Publications in Hürriyet, Milliyet, and Cumhuriyet	51
<i>Kholkina L.S.</i> Verbs with Locative Valence in Teaching Chinese: A Semantic-Syntactic Approach	60

HISTORICAL SCIENCES & INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Khrenov V.V. Chernyakova S.S.</i> Features of the Development of Inclusive Education in South Korea in 20th-21st centuries	72
<i>Nafikov I.Z.</i> Ideological and Political Motives in the Ottoman Periodical Press: Official Publications as a Tool for Implementing the Internal Political Agenda	86
<i>Alikberova A.R.</i> New Dimensions of Indian Policy for Central Asia	103
<i>Hasanov E.L.</i> On ethno-cultural aspects of research of the religion factors in the North-western China	113
<i>Grishin Y.Y., Nadyrov R.N., Kuanyshpekova K.T.</i> Memory of the events of the Great Patriotic War in the Republic of Kazakhstan as an element of the system of bilateral interstate relations between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan	129
<i>Borisova A.A.</i> Criticism of the Iemoto System and Attempts to Transcend Its Boundaries in Japanese Traditional Arts	143
<i>Sitdikova A.S., Khismatullin B.R.</i> Ways of preserving national and cultural heritage in the post-Imperial period	151
<i>Degtev I.A.</i> The Soviet-Japanese Neutrality Pact and its Perception in Diplomatic Circles (1939–1941)	159
<i>Khramova Y.V.</i> Official Visits and Summit Meetings between the Leaders of Japan and the People's Republic of China as an Indicator of the Normalization of Bilateral Relations (2014–2019)	178

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Phan Quoc Anh.</i> On Cham Ahiér Ethnic Community Brahmanism Transformations in Ninh Thuan and Binh Thuan Province, Vietnam (via Life Cycle Rituals Expression)	194
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS

Information for authors	206
Article formatting sample	211

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Урывская Т.А.</i> Методы устного и письменного перевода многозначных чисел в языковой паре русский-китайский	6
<i>Семенова М.Ю., Абдикаюмов Д.М., Галаева М.С.</i> Дунганский язык: традиции научного изучения и новые исследовательские парадигмы	21
<i>Йылмаз Э.Р., Габдрахманова И.И.</i> Культурные барьеры в российско-турецком дипломатическом общении и пути их преодоления	41
<i>Хабибуллина Э.К., Фатыхова А.М.</i> Медиа-репрезентация военного переворота Республики Турция 1980 г.: анализ публикаций в газетах <i>Hürriyet</i> , <i>Milliyet</i> и <i>Cumhuriyet</i>	51
<i>Холкина Л.С.</i> Глаголы с валентностью места в преподавании китайского языка: семантико-синтаксический подход	60

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ & МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Хренов В.В., Чернякова С.С.</i> Особенности развития инклюзивного образования в Южной Корее в XX-XXI вв.	72
<i>Нафиков И.З.</i> Идеолого-политические мотивы в Османской периодической печати: официальные издания как инструмент реализации внутривосточной повестки	86
<i>Аликберова А.Р.</i> Новые измерения индийской политики в Центральной Азии	103
<i>Гасанов Э.Л.</i> Об этно-культурном исследовании религиозных факторов в Северо-западном Китае	113
<i>Гришин Я.Я., Надыров Р.Н., Куанышпекова К.Т.</i> Память о событиях Великой Отечественной войны в Республике Казахстан как элемент системы двусторонних межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Казахстан	129
<i>Борисова А.А.</i> Критика системы измото и попытки преодоления её границ в японских традиционных искусствах	143
<i>Ситдикова А. С., Хисматуллин Б.Р.</i> Пути сохранения национально-культурного наследия в пост-танзиматский период	151
<i>Дегтев И.А.</i> Советско-японский пакт о нейтралитете и его восприятие в дипломатических кругах (1939–1941)	159
<i>Храмова Ю.В.</i> Официальные визиты и саммиты лидеров Японии и КНР как индикатор нормализации двусторонних отношений (2014-2019).	178

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Фан Куог Ань</i> О трансформации брахманизма в этнической общине Чам Ахиер в провинциях Ниньтхуан и Биньтхуан, Вьетнам (через выражение ритуалов жизненного цикла)	194
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Информация для авторов	206
Образец оформления статьи	211

Methods of Oral and Written Translation of Multi-Digit Numbers in the Russian-Chinese Language Pair

Методы устного и письменного перевода многозначных чисел в языковой паре русский-китайский

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-6-20](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-6-20)*Урывская Татьяна Александровна**Tatiana A. Uryvskaya**МГИМО МИД России, Москва, Россия**MGIMO University, Moscow, Russia**Автор, ответственный за переписку:**Corresponding author:**t.uryvskaya@my.mgimo.ru**t.uryvskaya@my.mgimo.ru**<https://orcid.org/0000-0002-0146-1365>**<https://orcid.org/0000-0002-0146-1365>*

АННОТАЦИЯ: Цель исследования — систематизация методов перевода многозначных чисел в языковой паре русский-китайский, описанных в отечественной научной и учебной литературе, а также подробное описание авторского метода ассоциаций. В работе анализируются структурные различия систем счета (трехразрядной в русском и четырехразрядной в китайском языках) и особенности записи многозначных чисел в КНР. Рассматриваются существующие подходы к переводу числительных, включая метод Цуй Чжэсюаня, арифметический алгоритм Румянцевой М. В. и Фроловой М. Г., а также метод «референтных точек». Особое внимание уделяется предложенному автором методу ассоциаций, основанному на мнемотехнике. В статье также перечисляются рекомендуемые инструменты для тренировки перевода. Проведенный анализ подтверждает, что перевод многозначных чисел представляет

ABSTRACT: The aim of this study is to systematize the methods of translating multi-digit numbers in the Russian-Chinese language pair as described in Russian academic and educational literature, and to provide a detailed description of the author's original method of associations. The paper analyzes the structural differences in counting systems (the three-digit classification in Russian versus the four-digit classification in Chinese) and the specific features of writing multi-digit numbers in the PRC. Existing approaches to numeral translation are examined, including the structural-analytical method of Cui Zhexuan, the arithmetic algorithm of M.V. Rumyantseva and M.G. Frolova, and the "reference points" method. Particular attention is paid to the author's mnemonic-based method of associations. The article also lists recommended tools for translation practice. The analysis confirms that translating multi-digit numerals presents a significant methodological

собой значительную методическую трудность, обусловленную структурными различиями систем счета. Делается вывод об отсутствии единого универсального метода обучения: эффективность достигается за счет комбинирования различных подходов, адаптированных к задачам перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Китайский язык, числительные, многозначные числа, перевод числительных, методы перевода числительных, устный и письменный перевод числительных, мнемотехника, методика обучения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Урывская Т.А. Методы устного и письменного перевода многозначных чисел в языковой паре русский-китайский. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 6-20 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-6-20>

challenge stemming from fundamental structural differences in counting systems. The study concludes that there is no single universal method for effective instruction; rather, efficiency is achieved through a combination of different approaches adapted to the specific tasks of translation.

KEYWORDS: Chinese language, numerals, multi-digit numbers, translation of numerals, methods of numeral translation, oral and written translation of numerals, mnemonics, teaching methodology

FOR CITATION: Uryvskaya T.A. Methods of Oral and Written Translation of Multi-Digit Numbers in the Russian-Chinese Language Pair. *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 6-20 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-6-20>

Современную цивилизацию, как, впрочем, и древнюю, невозможно представить без навыков и традиций счета, а числительные в том или ином виде представлены во всех языках мира. По мере формирования у различных народов такого инструмента коммуникации, как язык, естественным образом формируются своеобразные системы счета и записи числовых значений. И, сравнивая русский и китайский языки, нельзя не заметить существенных различий в их числительных.

Обязательным компонентом процесса профессиональной подготовки специалистов, владеющих китайским языком, независимо от их будущей сферы деятельности, является фор-

мирование навыков и умений чтения, анализа, устного и письменного перевода числительных в языковой паре русский-китайский. В профессиональной деятельности переводчику или профильному специалисту со знанием китайского языка приходится сталкиваться с большими объемами данных, которые неминуемо содержат в себе различные числа. Существующая структурная разница в числительных русского и китайского языков создает множество трудностей для начинающих китаистов. Особенно в этом спектре трудностей выделяется перевод многозначных чисел. Решение обозначенной трудности требует от преподавателей

китайского языка владения действующими методами обучения подобному переводу.

Целью данного исследования является выборка и систематизация уже описанных в отечественной научной и учебной литературе методов перевода многозначных чисел в языковой паре русский-китайский, а также подробное описание применяемого нами метода ассоциаций. Перечисленные в этом исследовании методы и рекомендации помогут оптимизировать процесс обучения переводу числительных у будущих китаистов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) проанализировать структурную разницу многозначных чисел в русском и китайском языках;
- 2) отметить некоторые особенности записи многозначных чисел в китайском языке;
- 3) перечислить существующие методы и рекомендации по переводу многозначных чисел в языковой паре русско-китайский;
- 4) детально описать метод ассоциаций;
- 5) перечислить рекомендуемые инструменты для тренировки перевода.

1. Структурная разница многозначных чисел в русском и китайском языках

Если говорить об изучении китайского языка как первого иностранного в вузе, уже, как правило, в первом семестре обучающиеся параллельно с преодолением сложностей освоения «китайской грамоты» учатся справляться

и со сложностями «китайской математики». На этом уровне важно объяснить обучающимся базовую структурную разницу многозначных чисел в русском и китайском языках. Заключается она в следующем: несмотря на использование десятичной системы счисления в обоих языках, классы многозначных чисел в русском языке — трехразрядные, в то время как в китайском языке они четырехразрядные. Простыми словами: в русском языке многозначное число, написанное арабскими цифрами, мы начинаем анализировать, разбивая на классы по 3 цифры (позиции) справа налево, обозначая тем самым переходы от класса единиц к классу тысяч, далее — к классу миллионов и т. д. Например:

1000000		1		0	0	0		0	0	0				
1000000000		1		0	0	0		0	0	0		0	0	0

Табл. 1. Анализ числительного с позиции русского языка.

В китайском же счете многозначное число, написанное арабскими цифрами, анализируется путем отсчитывания по 4 цифры (позиции) справа налево, обозначая тем самым переход от класса к классу.

10000			1		0	0	0	0						
1000000000			1		0	0	0	0		0	0	0	0	

Табл. 2. Анализ числительного с позиции китайского языка.

Таким образом, совершенно логично будет указать на корень большинства трудностей при переводе числительных в языковой паре русский-китайский: в многозначных числах от

9 999 высшие (старшие) классы (1 млн, 1 млрд и др.) при счете на русском языке не совпадают с высшими (старшими) классами при счете на китайском языке (万 ‘десять тысяч’, 亿 ‘сто миллионов’ и др.).

Ниже дана таблица №3, в которой соответствующие разряды числительных русского и китайского языков даны друг под другом, а с помощью жирных границ в первой строке таблицы обозначены четырехразрядные классы числительных в китайском, а во второй — трехразрядные классы числительных в русском языке.

Опишем типичную ошибку начинающих студентов-китаистов в переводе числительных на простом примере: числительное 1 000 (одна тысяча) переводится на китайский язык с использованием полноценного эквивалента 千. Правильный перевод “一千”. Однако числительное 10 000 (десять тысяч) на китайский язык категорически нельзя переводить дословно “十千”, такой перевод является грубой ошибкой. В данном случае нужно использовать числительное китайского языка 万 ‘десять тысяч’ и корректным вариантом перевода будет “一万”. Китайские исследователи Цай Юй и Пэн Цзяфа в своей статье “汉语多位数词特点”, сопоставляя традиции счета в китайском и английском языках, указывают на отсутствие в ан-

глийском языке слов, напрямую соответствующих китайским “万” и “亿”, а в китайском языке нет морфем, соответствующих англоязычным “million”, “billion” и “trillion” (Цай Ю., Пэн Ц. 2018, 94). Как и в английском, в русскоязычном счете также не существует понятий “万” и “亿”, мы лишь пользуемся их переводом на русский язык при работе с числительными китайского языка.

2. Некоторые особенности записи многозначных чисел в китайском языке

2.1. При записи числительных арабскими цифрами

С 2011 г. в КНР действует Государственный стандарт Китайской Народной Республики GB/T 15835-2011 ‘Правила употребления числительных в печатных изданиях’ (далее — Стандарт). Этот нормативный документ представляет собой расширенный список правил записи числительных почти во всех видах публикаций в Китае (исключением являются художественная литература и древние тексты). Согласно Стандарту, записанные арабскими цифрами многозначные числа, содержащие четыре и более разрядов, для удобства прочтения могут записываться двумя способами:

- 1) число разбивается при помощи запятой (“,”) на блоки по три цифры. Разбивка

万亿	千亿	百亿	十亿	亿	千万	百万	十万	万	千	百	十	个
трлн .	100 млрд	10 млрд	млрд	100 млн	10 млн	млн.	100 тыс.	10 тыс.	тыс.	сто	дес.	ед.

Табл. 3. Соответствие разрядов в русском и китайском языках.

на блоки производится справа налево. При этом, если количество разрядов в многозначном числе не больше четырех, то деление запятой можно не производить (GBT 15835-2011).

Например:

624000	→	624,000
1256	→	1256 или 1,256

Табл. 4. Первый способ записи многозначных чисел китайского языка при помощи арабских цифр.

Следует отметить, что такой вариант записи похож на запись многозначных чисел в английском языке и является неприемлемым в русском языке. Использовать запятую для разбивки на блоки (классы) многозначного числа в русскоязычном счете нельзя, так как подобная запись числительного неминуемо будет воспринята как десятичная дробь.

2) число разбивается при помощи пробела (промежуток шириной в четверть иероглифа или в половину ширины арабской цифры) на блоки по три цифры. Разбивка на блоки производится справа налево. При этом если количество разрядов в многозначном числе не больше четырех, то деление пробелом можно не производить (GBT 15835-2011).

624000	→	624 000
1256	→	1256 или 1 256

Табл. 4. Второй способ записи многозначных чисел китайского языка при помощи арабских цифр.

2.2. При комбинированной записи числительных от 10 тыс. и выше

Для удобства восприятия такой информации Стандарт допускает комбинацию арабских цифр и китайских иероглифических числительных 万, 亿.

650 000 (六十五万)	→	65万
1 400 000 000 (十四亿)	→	14亿

Табл. 5. Примеры комбинированной записи многозначных чисел в китайском языке.

Для достижения еще большей компрессии и удобства восприятия многозначных чисел в китайских СМИ, различной документации и т. д. часто можно увидеть не просто комбинацию арабских цифр и китайских числительных 万, 亿, а сочетание записанных арабскими цифрами десятичных дробей и китайских числительных 万 или 亿.

658 200 (六十五万八千二百)	→	65.82万
453 000 000 (四亿五千三百万)	→	4.53亿

Табл. 6.1. Примеры комбинированной записи многозначных чисел с использованием десятичной дроби.

Логика довольно простая: целая часть дроби сообщает о количестве 万 или 亿, а десятичная часть — о блоке с более младшими разрядами.

6	5	.	8	2	万	→	6	5	万	8	2	0	0
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

Табл. 6.2. Пояснение логики комбинированной записи многозначных чисел с использованием десятичной дроби.

Нельзя не отметить одну очень важную деталь — это использование точки. В китайском языке в десятичных дробях, записанных арабскими цифрами, целая часть от дробной отделяется точкой “.”, а не запятой. Учитывая факты, изложенные в пункте 2.1 настоящей работы, использование запятой при записи десятичной дроби в китайском языке может ввести читающего в заблуждение, и десятичная дробь может быть прочитана не как дробь, а как многозначное число.

По Стандарту производить комбинированную запись числительных можно только в случае использования числительных от 10 тыс. Если самый старший разряд в числе — это 千 ‘тысяча’, то в тексте на китайском языке это число можно записать либо арабскими цифрами (6300/6 300/ 6,300), либо китайскими иероглифическими цифрами (六千三百). Не рекомендуется записывать это числительное комбинированным образом — 6.3千.

3. Методы и подходы обучения переводу многозначных чисел в языковой паре русский-китайский

3.1. Взгляд на числительное «под углом китайского счета»

На начальном этапе изучения числительных китайского языка и их перевода на русский можно применять элементарную методику отделения справа налево четырехразрядных классов (блоков) вертикальной чертой. Это поможет быстро и эффективно зрительно фиксировать границы, на которых начинаются 万 и 亿.

Носители русского языка видят многозначное число так:

915 965 874

Однако переводить на китайский его будет удобнее, если смотреть на него так:

9 1596 5874

или так

9 | 1596 | 5874

3.2. Структурно-аналитический метод Цуй Чжэсюаня

В статье «Лингвистическая основа трудностей перевода больших числительных с русского на китайский язык» Цуй Чжэсюань предлагает эффективный авторский метод преодоления трудностей перевода многозначных чисел (Цуй 2023, 126). Методика предполагает использование созданной автором таблицы, изображенной ниже на рисунке 1.

Рис.1. Авторская таблица Цуй Чжэсюаня (Цуй 2023, 126).

Согласно методу автора, переводчику нужно лишь корректно вписать цифры в соответствующие зоны, а потом прочитать их. В инструкциях к таблице поясняется, что «использование алгоритма простое: например, если слышим «двадцать миллиардов триста миллионов двести пятьдесят тысяч», нужно просто вписать цифры 20, 300, 250 в соответствующие зоны» (Цуй 2023, 126). Таблица также может

применяться при переводе с китайского языка на русский: «когда нужно переводить с китайского языка, например, 二千三百四十七点零八亿, 2347.089亿, нужно тоже вписать цифры в правильное место — так, чтобы 7 попала в место, где написан уже 亿.... Читается: двести тридцать четыре миллиарда семьсот восемь миллионов девятьсот тысяч» (Цуй 2023, 126-127).

Подобные методы действительно помогают обучающимся лучше разобраться со структурной разницей многозначных чисел русского и китайского языков. На практике это очень удобно при письменном переводе или при устном последовательном, когда есть время и возможность вести запись. Однако в ситуации синхронного и последовательного перевода, безусловно, возникают ситуации, когда крупные числительные надо переводить сразу, без возможности сделать нужные записи. Как же быть? Распространенной и, пожалуй, единственной рекомендацией для таких случаев может быть только повышение частотности практики перевода многозначных числительных и доведение навыка перевода до автоматизма. Уверенное знание всех правил, касающихся числительных китайского языка, и высокая частотность тренировок обязательно дадут нужный результат. Наш личный преподавательский опыт свидетельствует о том, что студенты, которые всего лишь раз в неделю на занятии китайского языка выполняют десятиминутную разминку (перевод числительных с листа, со слайдов PPT и на слух), уже через 1 семестр выполняют перевод почти безупречно.

3.3. Арифметический алгоритм Румянцевой М.В. и Фроловой М.Г.

В отечественной учебной литературе описаны методы перевода числительных, более подходящие для устных тренировок. Так, например, в «Пособии по переводу на закрепление и повторение грамматики к „Практическому курсу китайского языка“ под редакцией А. Ф. Кондрашевского» Румянцева М.В. и Фролова М.Г. описывают следующую методику перевода числительных с русского языка на китайский:

- 1) «Переводя на китайский язык из тысяч в „вани“, начиная от 10 тысяч и до миллиона, делим на десять: 40 тысяч — 4 вани 四万...»;
- 2) «Переводя в „вани“ миллионы и десятки миллионов, умножаем на сто: 9 миллионов — 900 ваней 九百万...»;
- 3) «Когда переводим миллиарды в „и“, умножаем на десять: 0,5 миллиарда (500 миллионов) — 5 亿...» (Румянцева, Фролова 2018, 67-69).

3.4. Метод ассоциаций

Для тренировки устного перевода числительных мы также рекомендуем использовать мнемотехнику, а точнее — выработанный нами и изложенный ниже метод ассоциаций. «Мнемотехника — это наука о запоминании, предлагающая совокупность приемов, способов и искусственных ассоциаций, облегчающих запоминание, увеличивающих объем памяти и облегчающих вспоминание. Мнемотехника,

или мнемоника, основана на запоминании новой информации путем преобразования ее в образы и составления связей между ними» (Ревина 2017, 90).

Мы уверены, что для тренировки быстрого и эффективного перевода числительных в языковой паре русский-китайский будет полезно искусственно выделять стратегически важные рубежные числа — для удобства назовем их «большие круглые числа» — и запоминать их эквиваленты в языке перевода. Таким образом, для счета в русском языке в качестве «больших круглых чисел» удобно будет выделить «1 млн», «1 млрд» и «1 трлн». Их эквивалентами в китайском языке будут “一百万”, “十亿”, “一万亿” соответственно. А в китайском счете «большими круглыми числами» будут “一万”, “一亿” — «10 тыс.» и «100 млн» соответственно. На рисунке 2 схематично изображена последовательность «больших круглых чисел» в русском и китайском языке по возрастанию на пути от тысяч до триллионов.

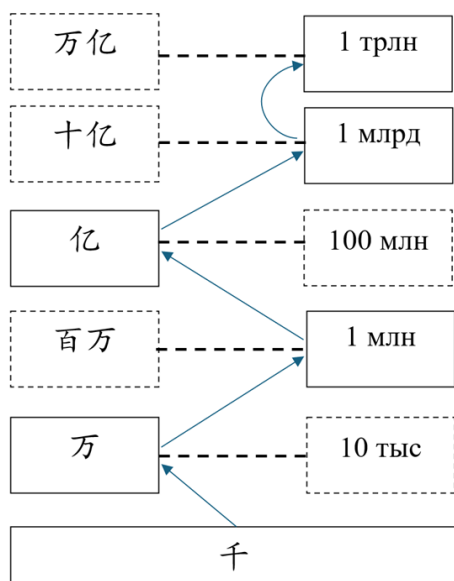

Рис.2. «Большие круглые числа» по возрастанию и их эквиваленты в языке перевода.

Так как разряды «единицы», «десятки», «сотни» и «тысячи» присутствуют в обеих системах счета, то именно тысяча будет комфортной общей базой для ориентации в более крупных числах. Траектория пути от тысяч до триллионов на рисунке 2 обозначена при помощи стрелок, «большие круглые числа» на этом пути в русском и китайском языке даны в блоках со сплошной границей, а их эквиваленты в языке перевода даны в блоках с пунктирными границами напротив каждого из «больших круглых чисел».

Устойчивая ассоциация между названиями «больших круглых чисел» на русском и китайском языках позволяет в момент перевода эффективно фокусироваться именно на том отрезке пути от тысяч к триллионам, в рамках которого идет перевод. Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих работу с предлагаемым методом:

- 1) при переводе числительного «три миллиона» на китайский язык следует мысленно или зрительно сфокусироваться на блоке с «большим круглым числом» «1 млн»: ассоциация ведет к китайскому эквиваленту “一百万”, в котором нужно лишь поменять “一” на “三” и получить в результате этой нехитрой операции точный перевод “三百万” или, в комбинированной записи, “300万”.
- 2) при переводе “8.5亿” на русский язык следует мысленно или зрительно сфокусироваться на блоке с «большим круглым числом» “亿”: ассоциация ведет к китайскому эквиваленту «100 млн». Соответственно,

8亿 переводится как 800 млн, а «5» из комбинированной записи “8.5亿” относится к разряду, который меньше 亿 (100 млн) на одну разрядную позицию. Перемещаясь слева направо от 100 млн на один разряд, мы оказываемся в десятках миллионов, следовательно, 0.5亿 — это 50 млн. В результате получаем перевод: 850 миллионов.

Немного усложним задачу, отойдем от перевода относительно комфортных круглых чисел, возьмем многозначные числа из современного общественно-политического дискурса:

3) «Товарооборот между Россией и Китаем за январь — октябрь 2025 года составил \$183,24 млрд».¹ Первым этапом перевода числа 183,24 млрд будет определение того самого «большого круглого числа», от которого нам удобнее всего будет начать поиск эквивалента в китайском языке. Учитывая варианты «больших круглых чисел» рисунка 2, базовым блоком, от которого следует начинать переводческий анализ, будет «1 млрд», а переводимое число будет размещаться на отрезке «свыше 1 млрд, но ниже 1 трлн». Если эквивалентом «1 млрд» в китайском счете является “十亿”, то «100 млрд» будет иметь перевод “千亿”. Простыми словами: 100 млрд больше 1 млрд на две разрядные позиции слева, следовательно, в переводе на китайский язык мы должны

также переместиться на две разрядные позиции влево от 十亿, что и будет 千亿. В таблице 7 схематично показано соответствие разрядных позиций в оригинале и переводе. Столбец с «большим круглым

1	8	3	,	2	4	млрд
↑	↑	↑		↑	↑	
千 亿	百 亿	十 亿		亿	千 万	

Табл. 7. Соотношение разрядов переводимого числа из примера 3.

числом», которое выступает отправной точкой переводческого анализа данного числа, залит серым цветом.

Перевод \$183,24 млрд на китайский язык будет записываться как “1832.4亿”или “一千八百三十二亿四千万”.

Рассмотрим еще пару примеров:

4) “对其他金砖国家出口57.3亿元”.² На первом этапе фиксируем разряд “亿”, далее анализируем количество разрядных позиций перед “亿” и делаем вывод, что работаем не просто с блоком “亿”, а с десятками “亿”, то есть с “十亿”. Согласно рисунку 2 “十亿” — это эквивалент «большого круглого числительного» «1 млрд». Фиксируем для себя перевод 50 亿 как «5 млрд», а на завершающей стадии перевода определяем разрядную принадлежность оставшихся цифр справа от 50 亿. Цифра «7» занимает место на один разряд ниже,

¹ <https://tass.ru/ekonomika/25558849>
² http://www.customs.gov.cn/customs/2025-12/24/article_2025122811420577927.html

чем «5», следовательно, «7» относится к сотням миллионов, а цифра «3» — к десяткам миллионов. Перевод числительного 57.3 亿元 на русский язык будет записываться как 5,73 млрд или 5 млрд 730 млн.

5	7	.	3	亿
↑	↑		↑	
млрд	100 млн		10 млн	

Табл. 8. Соотношение разрядов переводимого числа из примера 4.

- 5) “2025年能源重点项目投资额首超3.5万亿元”. Ориентируясь на “万亿” в комбинированной записи числа из приведенного примера, вспоминаем эквивалент “万亿” в русском счете — «трлн». Если помнить, что “万亿” = «трлн», становится понятно, что это конкретное крупное числительное, пугающее сначала своим масштабом, переводится намного проще, чем менее крупные числа. В переводе нужно лишь заменить “万亿” на «трлн», оставив десятичную дробь «3,5», поменяв при этом точку на запятую. Переводим 3.5 万亿元 как ‘3,5 трлн юаней’.

Несмотря на кажущуюся сперва сложность метода, он все же позволяет сэкономить время и постепенно начать быстрее выдавать корректный вариант перевода. Вместо того чтобы тратить драгоценное время, пытаться считать количество разрядных позиций в переводимом числе и «примерять» его как трафарет на китайский счет, предлагаемый метод позволяет моментально сфокусироваться на самом подходящем «большом круглом числе», быстро

вспомнить его эквивалент в языке перевода и сделать небольшое количество перемещений в разрядах слева или справа, получив точные ориентиры в нужном четырехпозиционном блоке китайского счета.

Как показывает наш опыт, использование вышеизложенного метода ассоциаций и регулярные тренировочные переводы с листа и на слух приводят к тому, что обучающийся запоминает не просто «большие круглые числа» и их эквиваленты, а эквиваленты каждой вариации чисел от тысяч до триллионов, то есть еще больше детализирует то, что изложено на рисунке 2. Другими словами, со временем обучающийся уже просто помнит, что, например, «10 млн» на китайский переводится “1000万”, а «100 млрд» переводится как “1000亿” и т. д.

Можно ли было бы не прибегать к мнемотехнике и просто как аксиому выучить перевод каждого большого числа? Можно. Более того, это один из эффективных методов обучения переводу числительных. Но не следует забывать о том, что каждый отдельный обучающийся имеет свои особенности восприятия, разные ведущие типы памяти, скорость реакции и т. д. Поэтому наличие разных методов обучения переводу одних и тех же чисел китайского языка позволяет выбрать для каждого обучающегося наиболее подходящий и эффективный.

3.5. Метод «референтных точек»

Параллельно с поиском описания методов перевода числительных в научной и учебной литературе мы консультировались с высококлассными переводчиками и опытными специалистами со знанием китайского языка. Среди

рекомендаций от профессионалов мы бы хотели выделить особенно любопытный метод: запоминание так называемых «референтных точек». По мере погружения в ту или иную профессиональную область переводчику в работе все чаще встречаются числовые данные, масштабы которых уже почти не подлежат сомнению. Например, специалист по внешней торговле прекрасно знает, что, если ему предстоит переводить данные, скажем, об объеме российско-китайской торговли за 2025 г.⁴, порядок величин на русском языке будет в пределах сотен миллиардов долларов США. Значит, в переводе на китайский язык будет задействовано числительное 千亿. А специалист в области сельского хозяйства РФ точно знает, что если речь зашла, например, об объемах собранных в РФ зерновых и зернобобовых культур в бункерном весе за 2025 г.,⁵ то в переводе ему следует сосредоточиться на сотнях миллионов тонн или, по-китайски, на числительном 亿. Более того, многие из подобных значений и показателей при многократном повторении естественным образом заучиваются и переводятся уже просто по памяти.

Студенты младших курсов бакалавриата, которые еще не приступили к тщательному изучению языка специальности, могут самостоятельно выбирать из учебной литературы и заучивать «референтные точки» лингвострановедческого характера. Например, говоря о численности населения КНР, в памяти должен моментально возникать разряд 十亿, так как

население КНР по состоянию на конец 2025 г. Составляло примерно 1,4 млрд жителей (140489万人)⁶. Зная эту «референтную точку» в русском и китайском языках, шанс ошибиться в похожем переводе будет сведен к минимуму.

3.6. Инструменты для тренировки перевода многозначных чисел

Как уже говорилось выше, пожалуй, единственной рекомендацией для тех, кто хотел бы повысить навыки перевода многозначных чисел, является повышение частотности практики перевода и доведение этого навыка до автоматизма. Как самостоятельно организовать ежедневную практику?

Во-первых, использовать учебные пособия, в которых есть упражнения на отработку письменного и/или устного перевода числительных.

Во-вторых, можно создавать себе:

а) физические карточки, на одной стороне которых будет числительное на китайском языке, а на обратной — его перевод на русский язык. Бесконечность и разнообразие тренировки обеспечивается тем, что при большом количестве карточек с разными числительными минимизируются повторы, а вероятность 50/50 достать карточку «русской» или «китайской» стороной к себе случайным образом будет менять язык перевода.

б) презентации в PowerPoint или наборы карточек в мобильных приложениях.

⁴ https://beijing.mid.ru/ru/news/o_rossiysko_kitayskoy_torgovle_v_2025_godu/

⁵ <http://specagro.ru/news/202510/v-rf-sobrano-137-mln-t-zernovykh-i-zernobobovykh-v-bunkernom-vese-lut>

⁶ https://www.stats.gov.cn/xgk/jd/sj2020/202601/t20260119_1962338.html

с) тренировочные аудиофайлы с числительными, созданные на AI-платформах для озвучки текста генератором голоса.

При составлении своих собственных карточек, презентаций и аудиофайлов важно соблюдать несколько принципов:

- 1) для качественного самоконтроля при составлении списка числительных для тренировочных материалов нужно убедиться в точности перевода каждого из них. Студентам младших курсов рекомендуется консультироваться с преподавателями или носителями китайского языка. В настоящее время не рекомендуем полагаться на перевод нейросетей без последующего фактчекинга. Не забывайте, что нейросети тоже еще учатся и порой галлюцинируют.
- 2) следует создавать тренировочные материалы для перевода с русского языка на китайский и наоборот в соотношении 50/50.
- 3) по мере освоения материала можно начинать усложнять числа в рамках одного упражнения. Уверенным переводчикам рекомендуем смешивать в одном упражнении не только перевод в обе стороны, но также разрядность и форму подачи переводимых чисел так, чтобы, например, в аудио за числом «шестьсот пятьдесят», следовало «восемьсот сорок миллионов», а затем — числительное «полторы тысячи».

Заключение

Проведенный анализ подтверждает, что перевод многозначных чисел в языковой паре русский-китайский представляет собой значительную методическую трудность, коренящуюся в фундаментальном структурном различии систем счета: трехразрядных классов в русском языке и четырехразрядных классов в китайском. Это различие, проявляющееся в несовпадении ключевых разрядных единиц («миллион», «миллиард» в русском и “万”, “亿” в китайском), является основной причиной ошибок у начинающих китаистов.

В данной работе была осуществлена выборка и систематизация существующих эффективных методов перевода многозначных чисел, таких как:

- структурно-аналитический метод Цуй Чжэсюаня, идеально подходящий для письменного перевода и подготовки к устному переводу;
- арифметический алгоритм, предложенный Румянцевой М.В. и Фроловой М.Г., полезный для тренировки быстрого устного перевода;
- мнемотехнические приемы, в частности подробно описанный метод ассоциаций, который позволяет создать устойчивые смысловые связи между «большими круглыми числами» и их эквивалентами в языке перевода; этот метод способствует развитию навыка моментальной ориентации в разрядной сетке и быстрого переключения между системами счета,

что особенно полезно в условиях подготовки к устному синхронному или последовательному переводу;

- контекстуальный подход, основанный на формировании так называемых «референтных точек» — запоминании типичных для конкретной профессиональной сферы числовых диапазонов и их эквивалентов, что приближает учебную тренировку к реальным профессиональным условиям.

Ключевым выводом исследования также является утверждение о том, что не существует единственного универсального метода эффективного обучения переводу числительных. Эффективность обучения достигается за счет комбинации различных подходов, адаптированных к индивидуальным когнитивным особенностям обучающегося и конкретной переводческой задаче. Мы уверены, что перечисленные в этом исследовании методы перевода вкупе с регулярными переводческими тренировками помогут выстроить эффективный практический комплекс, приносящий реальные результаты.

Список литературы

1. 蔡雨. 汉语多位数词特点 / 蔡雨, 彭家法 // 皖西学院学报. — 2018. — 第34卷第4期 — 93-98页 (Цай, Ю. Особенности многозначных числительных в китайском языке/Ю. Цай, Ц. Пэн // Ваньси сюэюань Сюэбао. — 2018. — Т. 34, № 4. — С. 93-98) (на кит. яз).
2. GBT 15835-2011. URL: <https://openstd.samr.gov.cn/bzgk/gb/newGbInfo?hcno=F5DAC3377DA99C8D78AE66735B6359C7> (дата обращения 15.02.2026).
3. Цуй, Ч. Лингвистическая основа трудностей перевода больших числительных с русского на китайский язык / Ч. Цуй // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 124-127.
4. Пособие по переводу на закрепление и повторение грамматики к «Практическому курсу китайского языка» под редакцией А. Ф. Кондрашевского / М. В. Румянцев, М. Г. Фролова. — М.: Издательский дом ВКН, 2018. — 128 с.
5. Ревина, Е. В. Использование мнемотехники при изучении иностранного языка / Е. В. Ревина // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2017. – № 2(34). – С. 89-95.
6. Барский, К. М. Числительные в китайском языке / К. М. Барский, Т. А. Урывская. – Москва : Международная издательская компания «Шанс», 2024. – 192 с.
7. Урывская, Т. А. Числительные современного китайского языка: иероглифические цифры vs арабские цифры / Т. А. Урывская // Focus on Language Education and Research. – 2025. – Т. 6, № 1-2. – С. 75-91.
8. Банкова, Л. Л. Китайские количественные разрядные числительные: философские предпосылки и лингвистические

особенности / Л. Л. Банкова // III Готлибские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Международной научной конференции, Иркутск, 10–16 сентября 2019 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2019. – С. 44-50.

9. Чу, Ц. Ч. О проблемах перевода числительных, входящих в семантическое поле "два" в русском и китайском языках / Ц. Ч. Чу // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2015. – № 1. – С. 80-94.
10. Ян, Ш. Перевод на русский язык числовых аббревиатур в китайском политическом дискурсе / Ш. Ян, Я. Янь // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5(107). – С. 338-348.
11. Типичные ошибки в переводе числительных в вывесках для туристов в Китае / Я. Лян, А. М. Кабанов, Н. Ю. Невраева [и др.] // Образование и право. – 2024. – № 5. – С. 169-174. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-5-169-174.

References

1. Cai, Y. The Characteristics of Chinese Long Numerals / Y. Cai, J. Peng // Journal of West Anhui University. — 2018. — Vol. 34, No. 4. — P. 93-98. (in Chinese).
2. GBT 15835-2011. URL: [https://openstd.samr.gov.cn/bzgk/gb/newGbInfo?](https://openstd.samr.gov.cn/bzgk/gb/newGbInfo?hcno=F5DAC3377DA99C8D78AE66735B6359C7)
3. Cui, Zh. Linguistic Basis of Difficulties in Translating Large Numerals from Russian into Chinese / Zh. Cui // Bulletin of Pyatigorsk State University. – 2023. – No. 2. – P. 124-127.
4. A Guide to Translation for Consolidation and Revision of Grammar for "A Practical Course of Chinese" edited by A. F. Kondrashevsky / M. V. Rumyantseva, M. G. Frolova. — Moscow: VKN Publishing House, 2018. — 128 p.
5. Revina, E. V. The Use of Mnemonics in Foreign Language Teaching / E. V. Revina // Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences. – 2017. – No. 2(34). – P. 89-95.
6. Barsky, K. M. Numerals in the Chinese Language / K. M. Barsky, T. A. Uryvskaya. – Moscow : International Publishing Company "Shans", 2024. – 192 p.
7. Uryvskaya, T. A. Numerals of the Modern Chinese Language: Chinese Character Digits vs. Arabic Digits / T. A. Uryvskaya // Focus on Language Education and Research. – 2025. – Vol. 6, No. 1-2. – P. 75-91.
8. Bankova, L. L. Cardinal Numbers in the Chinese Language: Philosophical Background and Linguistic Features / L. L. Bankova // III Gotlib Readings: Oriental and Asian-Pacific Regional Studies in the Focus of Modernity:

Proceedings of the International Scientific Conference, Irkutsk, September 10–16, 2019. – Irkutsk: Irkutsk State University, 2019. – P. 44-50.

9. Chu, J. Ch. On The Translation Issues of Numerals “2” in the Russian and Chinese Languages / J. Ch. Chu // Bulletin of Moscow University. Series 22: Theory of Translation. – 2015. – No. 1. – P. 80-94.
10. Yang, Sh. A Study on the Russian Translation of Numerical Abbreviations in the Chinese Political Discourse / Sh. Yang, Ya. Yan // Political Linguistics. – 2024. – No. 5(107). – P. 338-348.
11. Typical Mistakes in the Translation of Numerals in Signages for Tourists in China / Ya. Liang, A. M. Kabanov, N. Yu. Nevraeva [et al.] // Education and Law. – 2024. – No. 5. – P. 169-174. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-5-169-174.

Сведения об авторе

Урывская Татьяна Александровна

к. филол. н., доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков

МГИМО МИД России

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

t.uryvskaya@my.mgimo.ru

Information about the Author

Tatiana A. Uryvskaya

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Department of Chinese, Vietnamese, Burmese, Thai, Lao, and Khmer Languages

MGIMO University

76, Vernadsky Prospect

Moscow, 119454, Russia

t.uryvskaya@my.mgimo.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.01.2026

Принята к публикации: 15.01.2026

Information about the article

The article was submitted: 15.01.2026

Approved after reviewing: 15.01.2026

Accepted for publication: 15.01.2026

The Dungan language: Traditions of academic study and new research paradigms

Дунганский язык: традиции научного изучения и новые исследовательские парадигмы

УДК 81'42:811.581.19 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-21-40](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-21-40)

*Семенова Марина Юрьевна¹,
Абдикаюмов Далер Маратович¹,
Галаева Марем Салангиреевна¹*

*¹Донской государственный технический
университет, Ростов-на-Дону, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
msemenova@donstu.ru*

<https://orcid.org/0000-0003-2654-2409>

*Marina Yu. Semenova ¹,
Daler M. Abdikaiumov ¹,
Galaeva S. Marem¹*

*¹Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

*Corresponding author:
msemenova@donstu.ru*

<https://orcid.org/0000-0003-2654-2409>

АННОТАЦИЯ: В статье представлен комплексный анализ эволюции научных подходов к изучению дунганского языка на протяжении XX – начала XXI вв. На основе ретроспективного обзора корпуса научных работ выявлены основные этапы формирования дунгановедения как особой лингвистической дисциплины. Проведена систематизация исследований по странам, хронологии и методологическим направлениям, представленная в виде аналитических таблиц и диаграмм. Особое внимание уделено смене научных парадигм: от структурно-исторического описания к междисциплинарным исследованиям, интегрирующим методы социолингвистики, корпусной лингвистики,

ABSTRACT: The article provides a comprehensive analysis of the evolution of scientific approaches to the study of the Dungan language throughout the 20th and early 21st centuries. Based on a retrospective review of a corpus of scholarly works, the main stages in the formation of Dungan studies as a distinct linguistic discipline are identified. The studies are systematized by country, chronology, and methodological direction, presented in the form of analytical tables and diagrams. Particular attention is paid to the shift in scientific paradigms: from structural and historical description to interdisciplinary research integrating methods of sociolinguistics, corpus linguistics, digital humanities, and artificial intelligence. It is

цифровой гуманитаристики и искусственного интеллекта. Делается вывод о том, что современный этап характеризуется переходом от документации и описания к прогнозированию языковых изменений и технологиям сохранения языкового наследия, что вносит вклад в теорию языкового контакта и методику сохранения миноритарных языков. .

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Дунганский язык, социолингвистика, языковой сдвиг, цифровая гуманитаристика, синтез речи, научные парадигмы, языковой контакт

ФИНАНСИРОВАНИЕ: исследование проводится в рамках субсидии из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Семенова М.Ю., Абдикаюмов Д.М., Галаева М.С. Дунганский язык: традиции научного изучения и новые исследовательские парадигмы. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 21-40 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-21-40>

concluded that the current stage is characterized by a transition from documentation and description to the forecasting of language changes and technologies for preserving linguistic heritage, which contributes to the theory of language contact and the methodology of preserving minority languages.

KEYWORDS: Dungan language, linguistics, sociolinguistics, language shift, digital humanities, speech synthesis, scientific paradigms, language contact

FUNDING: the study was supported by a grant in the form of a subsidy from the federal budget to educational organizations of higher education for the implementation of activities aimed at supporting student scientific communities.

FOR CITATION: Semenova M.Yu., Abdikaumov D.M., Galaeva M.S. The Dungan language: Traditions of academic study and new research paradigms. *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 21-40 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-21-40>

Введение

Дунганский язык представляет собой уникальный лингвистический феномен, сформировавшийся на основе северо-западных (ганьсуйских и шэньсийских) диалектов китайского языка и прошедший сложный путь автономного развития в центральноазиатской диаспоре. После миграции, вызванной Дунганским восстанием (1862–1877 гг.), группа

хуэйцзу оказалась в иноязычном окружении, что предопределило становление их идиома как самостоятельного языка.

Изучение дунганского языка представляет значительный интерес не только для синологии и тюркологии, но и для общей теории языка, выступая «живой лабораторией» и моделью для исследования процессов языкового контакта, трансформации и сохранения идентичности

в иноэтничном окружении. Несмотря на относительно небольшую численность носителей, дунганский язык обладает развитой письменной традицией, богатым литературным наследием и сложной социально-лингвистической историей, что делает его ценным объектом для комплексного научного анализа.

Цель данного исследования — систематизировать и проанализировать основные этапы и методологические подходы в научном изучении дунганского языка, выделив традиционные направления и новые исследовательские парадигмы. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

1. Создать ретроспективную классификацию исследований дунганского языка.
2. Провести количественный и качественный анализ научных публикаций по хронологическому, географическому и тематическому принципам.
3. Выявить доминирующие методологические парадигмы на разных этапах изучения языка.
4. Определить перспективные направления для будущих исследований.

Гипотеза исследования: изучение дунганского языка само по себе претерпело значительные изменения, отражая более широкие сдвиги в гуманитарных и социальных науках. На протяжении большей части XX в. исследования были сосредоточены на неотложных задачах описания, стандартизации и развития литературного творчества. Однако по мере того, как

язык подвергался растущему давлению со стороны доминирующих языков, таких как русский и государственные языки республик Центральной Азии, исследовательский фокус неизбежно расширился. Исследователи начали изучать сами предпосылки своей работы, выходя за рамки внутренней механики языка, чтобы исследовать его внешние социальные функции и его неопределенное будущее.

Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления накопленного опыта изучения дунганского языка в контексте современных вызовов, связанных с глобализацией, цифровизацией и языковым сдвигом. Комплексный анализ исследовательских практик позволяет не только оценить достижения дунгановедения, но и наметить пути его дальнейшего развития.

Материал и методы

Материалом для исследования послужил корпус из 42 научных публикаций, охватывающие период с начала XX в. по 2025 г. Источники были отобраны по принципу репрезентативности и охвата основных направлений исследования дунганского языка. Ограничением в сборе материала исследования выступила возможность использовать исключительно научные публикации, находящиеся в открытом доступе. Процесс отбора был разработан с целью обеспечения репрезентативности и научного влияния. Он основывался на комплексном поиске в ведущих академических базах данных (Scopus, Web of Science, Google Scholar, RSCI, CyberLeninka) по таким ключевым словам, как «дунганский язык», «дунганское языкознание»,

«хуэйская диаспора» и их эквивалентам на русском, английском и китайском языках.

Основными критериями отбора были следующие:

1. Основополагающий статус: работы, признанные фундаментальными в данной области.
2. Методологическая репрезентативность: публикации, демонстрирующие особый исследовательский подход (например, структурный анализ, социолингвистические исследования, применение искусственного интеллекта).
3. Цитируемость: работы, вызвавшие активное обсуждение в академическом сообществе.
4. Хронологический охват: сбалансированное представление различных исторических периодов для точного отслеживания смены парадигм.

Для анализа применялись методы систематизации, сравнительно-исторического анализа, контент-анализа и классификации, что позволило выделить ключевые векторы в эволюции научного знания о дунганском языке.

Аналитическая методология сочетает систематический обзор литературы с элементами библиометрического и тематического анализа: использованы методы систематизации и срав-

нительно-исторического анализа для группировки публикаций в целостные парадигмы. Кроме того, был проведен качественный и количественный тематический анализ для выявления основных исследовательских вопросов, теоретических рамок и повторяющихся результатов в рамках каждой парадигмы. Этот двойной подход позволяет нам отобразить не только хронологию исследований, но и интеллектуальную архитектуру области.

Для визуализации данных использовались методы статистической графики, позволившие отразить распределение исследований по хронологии, географии и тематической направленности. Методологическую основу исследования составили принципы историографии науки и социолингвистики.

Результаты и обсуждения

1. Историография изучения дунганского языка

Проведенный анализ научных публикаций позволил выявить основные тенденции в изучении дунганского языка. Хронологическое распределение исследований представлено в таблице 1 и на рисунке 1.

Период	Количество исследований	Доминирующие темы
1900-1950 г.	2	Фонетика, создание письменности
1960-2000 гг.	11	Грамматика, лексикография
2010-2020 гг.	29	Социолингвистика и языковой контакт, компьютерная и корпусная лингвистика

Табл.1. Хронологическое и тематическое распределение исследований дунганского языка.

Table 1. Chronological and thematic distribution of Dungan studies.

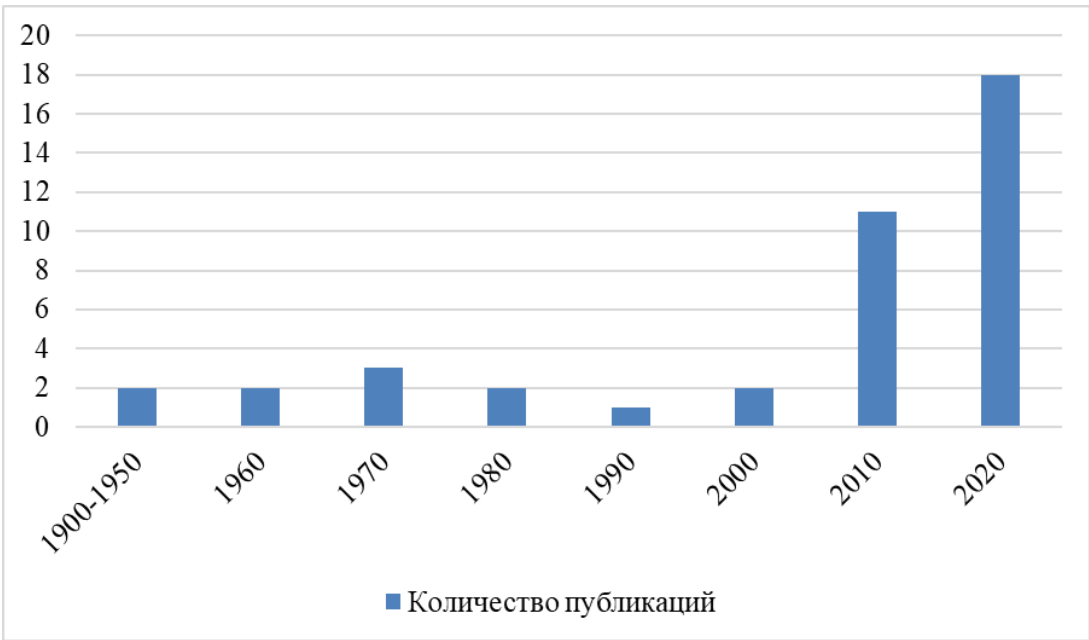

Рис.1. Распределение исследований дунганского языка по десятилетиям.

Fig. 1. Distribution of Dungan studies by decades.

Как показывает рисунок 1, наблюдается экспоненциальный рост интереса к дунганскому языку в XXI в., что связано как с общим усилением внимания к миноритарным языкам, так и с появлением новых методологических возможностей.

Географическое распределение исследовательских центров демонстрирует международный характер современных исследований (таблица 2).

Страна	Количество исследований	Основные направления
СССР	12	Структурная лингвистика, системное описание языка
Кыргызстан	10	Социолингвистика, образование
Китай	8	Цифровая лингвистика, литература
Казахстан	4	Языковой контакт, культурология
Узбекистан	3	Языковой сдвиг, идентичность
Россия	3	Историческая лингвистика, этнография
США	1	Системное описание языка
Финляндия	1	Диалектология

Табл.1. Географическое распределение исследований дунганского языка.

Table 1. Geographic distribution of Dungan studies.

Примечательной особенностью является лидерство центральноазиатских исследователей, представленных как в советском языкознании (10 из 12 отобранных для данного исследования работ), так и в языкознании постсоветского пространства, где особенно выделяется Кыргызстан. Таблица 2 также отражает растущий академический интерес Китая к своей диаспоре и использование современных технологических подходов, основанных на больших данных и методах машинного обучения.

2. Традиционная парадигма изучения дунганского языка

Начальный этап изучения дунганского языка, охватывающий период с начала XX в. до 1960–1970-х гг., характеризовался необходимостью описания и кодификации. После миграции язык существовал преимущественно в виде набора устных диалектов. Первостепенной задачей ученых было документирование его структуры и создание инструментов для стандартизации его как литературного языка. Поэтому исследования носили преимущественно описательный и структурный характер. В рамках данного подхода заложены основы фонетического и грамматического описания дунганского языка, зафиксированы его архаичные черты, восходящие к среднекитайскому языку, и уникальные инновации, например, билабиальная трель (Zavyalova 2017). Также было доказано, что дунганский язык подвергся позиционной нейтрализации – в конечной позиции оба тона реализуются как восходящие. Вокализм претерпел значительные изменения: произошло сокращение назальных финалей до четырех вариантов (против восьми в путунхуа)

и монофтонгизация дифтонгов (Поливанов 1968; Zavyalova 2017).

Этот период был связан с созданием и развитием графической основы для дунганской письменности: от арабской графики к латинице в 1928 г. (Поливанов 1928; Madzhun 2022) и, наконец, к кириллице 1953 г. (Комиссаров и др. 2017), что соответствовало советской национальной политике и способствовало интеграции дунган в советскую систему образования. Создание письменности дало импульс развитию литературы, издательского дела и школьному образованию на дунганском языке (Маджун 2017).

В советский период сформировалась устойчивая традиция грамматических и лексикологических исследований, направленных на кодификацию литературной нормы. Исследования были сосредоточены на консолидации и систематизации всех уровней дунганского языка (фонетики и графики (Имазов 1972; Имазов 1975; Имазов 1977; Zavyalova 2017; Korsakoff 1967), грамматики (Драгунов 1940; Имазов 1982; Имазов 1987; Калимов 2015) и лексики (Имазов 1981)), часто в рамках идеологического запроса на консолидацию «социалистической национальной культуры» (Ortiqov 2024). Отдельным блоком стоят работы по комплексному описанию всей системы дунганского языка (Драгунов 1940; Zavyalova 2017; Ашнин и др. 2015).

Исследователи этого периода начали каталогизировать сложные слои дунганского лексикона. Было выявлено ядро архаичных китайских корней (например, *жэту* «солнце»), значительный пласт арабо-персидской религиозной

терминологии (например, *сўадигы* от *şadaqāh*, «милостыня») и растущий массив русских заимствований и калек советского периода (например, *тонббин* «диабет», букв. «сахарная болезнь») (Zavyalova 2017).

3. Социолингвистический подход к изучению дунганского языка

С конца XX в. на первый план выходят социолингвистические проблемы. Исследователи начинают анализировать дунганский язык не как изолированную систему, а как элемент сложного этнокультурного комплекса. Изучаются процессы дву- и многоязычия (Хаваза 2019; Иванов 2018), вопросы формирования и трансформации идентичности (Ortiqov 2023a; Ortiqov 2023b; Himenez-Tovar 2016), языкового сдвига и ассимиляции (Imyarova et al. 2021; 2022; Li 2024).

Анализ антропонимии становится маркером трансформации идентичности от китайской к среднеазиатской. Исследователи выделяют три этапа эволюции дунганских антропонимов и как следствие идентичности: от китайских имен к арабо-персидским в дунганской фонетике и далее к именам в тюркской/русской адаптации. Так, если у старшего поколения 63% имен сохраняли традиционную фонетику, то у школьников этот показатель упал до 10%, что свидетельствует о глубоких ассимиляционных процессах и поколенческом спаде на 84% (Джон и др. 2015).

В рамках социолингвистического описания важности языкового контакта для эволюции дунганского языка, казахстанский ганьсуйский дунганский описывается как контактный

язык, подвергшийся беспрецедентному для китайских языков структурному влиянию русского не только на лексическом, но и на фонетическом (редукция слогов, палатализация) и грамматическом (заимствование союзов, модальных конструкций) уровнях. В частности, в бытовой коммуникации доля русской лексики может достигать 50%, причем заимствуются не только существительные, но и глаголы (Honkasalo 2024).

В Узбекистане, где языковая поддержка минимальна, дунганский язык находится на грани исчезновения, уступая узбекскому и русскому в публичной сфере. В регионах, где язык утрачен (например, Андижан), наблюдается размывание этнического самосознания, и он начинает использоваться лишь как символический среди пожилых людей. Дунгане Ферганской долины, перешедшие на узбекский, сохраняют лишь отдельные элементы культуры, что свидетельствует о глубокой ассимиляции (Ortiqov 2023a; Ortiqov 2023b). Это контрастирует с относительно более активной поддержкой дунганского языка в Кыргызстане, где он сохраняет более сильное присутствие в сельской местности, что подчеркивает роль государственной политики и сплоченности общества в сохранении языка (Джон и др. 2015).

Динамика многоязычия и языкового сдвига в связи с дунганским языком, полученная на основании опросов и полевых исследований, рисует подробную картину сложной многоязычной реальности дунганских общин (Казакевич 2019). Исследования показывают, что, хотя большинство студентов (62,5%) считают дунганский своим родным языком, его

фактическое использование часто ограничивается частной, бытовой сферой, составляя всего лишь 30,8% коммуникативных ситуаций. Русский язык остается доминирующим языком межэтнического общения, используемым до 95% учащихся в повседневном общении, в то время как государственные языки (казахский, киргизский) все чаще используются в качестве родных языков молодым поколением, особенно в городских районах (Ян 2023). Глубокий структурный контакт и гипотеза «контактного языка». Наиболее глубокие выводы этой парадигмы касаются структурного влияния контактных языков. Исследование языка ганьсуйских дунган в Казахстане показывает, что русское влияние выходит далеко за рамки лексики. Он документирует фонетическое разрушение, приводящее к появлению нетипичных для китайских языков согласных кластеров (например, /ʂ'əthù/ → [ʂthù] «камень»), а также к заимствованию грамматических частиц и синтаксических структур (например, использование русских союзов «и», «или», «но» и пропуск связки *сы*, отражающий русские грамматические структуры) (Honkasalo 2024). Это привело к характеристике данного идиома как «контактного языка», что ставит под сомнение предположения о непроницаемости китайской грамматики, а также поднимает важный фундаментальный вопрос о классификации китайских языков (Salmi 2007) и категоризации идентичности дунган и других миноритарных народов, переживших миграцию и испытавших на себе последствия демаркации государственных границ (Сапрынская 2024).

4. Новые технологические парадигмы в исследовании дунганского языка

XXI в. открыл новую парадигму, определяемую инструментами цифровых гуманитарных наук и компьютерной лингвистики. Столкнувшись с насущной угрозой утраты языка, исследователи используют технологии не только для изучения дунганского языка, но и для его активного сохранения и возрождения.

Современный этап характеризуется активным внедрением цифровых технологий. Создаются электронные корпуса дунганского языка с использованием мультимодальных инструментов аннотации, таких как ELAN (Lian et al. 2021). Это позволяет не только документировать язык, находящийся под угрозой исчезновения, но и проводить тонкий анализ диалектных вариаций, заимствований и стилистических регистров. Обработка аудио- и видеоматериалов, включающих естественные диалоги, фольклорные песни и радиопередачи, создает основу для будущих лингвистических и культурологических исследований, прежде всего, с целью фиксации диалектных вариаций, анализа языкового сдвига и переключения кодов, а также документирования стилистических регистров, которые исчезают из повседневного использования.

Синтез речи на базе искусственного интеллекта значительно затруднен для малоресурсных языков, к которым относится дунганский. Важнейшим достижением этой новой парадигмы является применение глубокого обучения к синтезу дунганской речи. Фундаментальная проблема «дефицита данных» была

гениально решена с помощью трансферного обучения. Модель, предобученная на обширном мандаринском корпусе (13.389 предложений) и дообученная на 6 часах дунганской речи (4.615 примеров), демонстрирует высокое качество синтеза. Модель достигла уровня разборчивости 98,47% и среднего балла оценки (MOS) 4,2/5, что значительно превосходит показатели моделей, обученных только на дунганских данных (Liu et al. 2024). Данная технология находит непосредственное применение в создании образовательных инструментов, голосовых помощников и цифровых архивов, предлагая ощутимые средства противодействия языковому сдвигу.

Аналогичные результаты были получены в исследовании, где сравнение методов показало преимущество глубоких нейросетей (DNN) при достаточном объеме данных (MOS 3,59/5) (Chen et al. 2018). Эти разработки открывают путь для создания образовательных приложений, голосовых помощников и цифровых архивов, что является практическим ответом на вызовы языкового сдвига.

5. Междисциплинарный синтез: язык, культура и фольклор дунган

Современные дунганские исследования все больше выходят за рамки узких дисциплинарных границ, способствуя эффективному междисциплинарному диалогу, который обогащает понимание языка как основного компонента культурной системы (Kokaisl 2025; Liu et al. 2023; Hong 1999).

Изучение дунганского фольклора раскрывает механизмы культурного синкретизма, где

китайские нарративные традиции сплавляются с тюркскими и исламскими мотивами (Имазов 2005). Так, анализ англоязычного издания дунганских сказок и легенд, подготовленного Кеннетом Дж. Инем, позволил выявить ранее неизученные варианты международных сюжетов в дунганской традиции, такие как «Белая лиса» — локальная версия общеевразийского сюжета «Сестра-людоедка» (Starostina 2023). Цифровой анализ таких текстов, демонстрирующих синкретическую смесь китайских повествовательных традиций с тюркскими и исламскими мотивами, позволяет систематически сравнивать дунганский фольклор с международными базами данных фольклора, что позволяет более точно определить пути культурной передачи.

Анализ сатирической и военной литературы показывает, как дунганские писатели творчески адаптировали русские литературные модели, наполняя их национальным содержанием. В дунганской прозе заимствуются такие приемы, как саморазоблачение героя (по гоголевской модели), контраст (в чеховской традиции), использование «некультурной» речи (в духе зощенковского сказа). При этом подчеркивается, что эти приемы наполнялись местным содержанием, отражая специфические дунганские реалии и ценности (Сы 2021; Сы 2025).

Исследование традиционных свадебных обрядов дунган в Казахстане демонстрирует избирательный характер аккультурации. Степень сохранности традиций прямо коррелирует с уровнем изоляции общины: например, в селе Сортобе (90% дунган) сохранились архаичные ритуалы, тогда как в урбанизированных

поселках до 40% браков стали межэтническими, а традиции существенно упростились (Имярова и др. 2020).

Наконец, исследование исламского образования связывает сохранение языка с религиозной и социальной историей (Imyarova et al. 2021; Imyarova et al. 2022). Традиционная система мактабов с ее уникальными инструментами, такими как костяные «сланцы» (щяанбанзы), и акцентом на заучивание Корана служила оплотом против ассимиляции как в Китае, так и в Российской империи. Постсоветское возрождение этих образовательных форм, включая обучение студентов в Пакистане и ОАЭ, иллюстрирует, как религиозные институты продолжают оставаться ключевой площадкой для согласования языковой и культурной идентичности (Маджун 2017).

6. Систематизация исследовательских парадигм в дунгановедении

Как показывает рисунок 2, антропологические и этнографические исследования занимают ведущее положение в современном дунгановедении. Сред собственно лингвистических направлений доминирует системное описание как дунганского языка в целом, так и его отдельных уровней, а также социолингвистическая парадигма, отражающая актуальность проблем языкового сдвига и идентичности.

Развитие описанных выше парадигм не было простым и линейным. В его основе лежат интеллектуальные противоречия, отражающие более широкие дискуссии в лингвистике (таблица 3). Традиционный структуралистский

подход с его акцентом на «чистой» системе иногда может рассматривать социолингвистическую и технологическую ориентацию на изучение дунганского языка как отход от основного объекта исследования. Исследователи сталкиваются с научной дилеммой: концентрироваться на документировании идеальной форме языка или искать способы отразить его сложную, изменчивую реальность.

Напротив, технологическая парадигма с ее стремлением к эффективности и масштабируемости рискует свести живой опыт языка к наборам данных и алгоритмам. Однако эти противоречия все чаще разрешаются благодаря синергии. Убедительные данные о языковых изменениях, предоставляемые социолингвистикой (например, антропонимическими исследованиями), создают потребность в технологическом вмешательстве. Цифровые корпуса предоставляют исходный материал для структурного и социолингвистического анализа в беспрецедентных масштабах. Таким образом, парадигмы лучше всего рассматривать как взаимодополняющие системы, каждая из которых раскрывает отдельную грань сложной реальности дунганского языка.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных наблюдений о состоянии и перспективах дунгановедения. Во-первых, эволюция подходов к изучению дунганского языка зеркально отражает общие тенденции в мировой лингвистике: от структурализма к социальному повороту, а затем к цифровой трансформации гуманитарных наук. Однако дунганский материал придает этим процессам уникальную

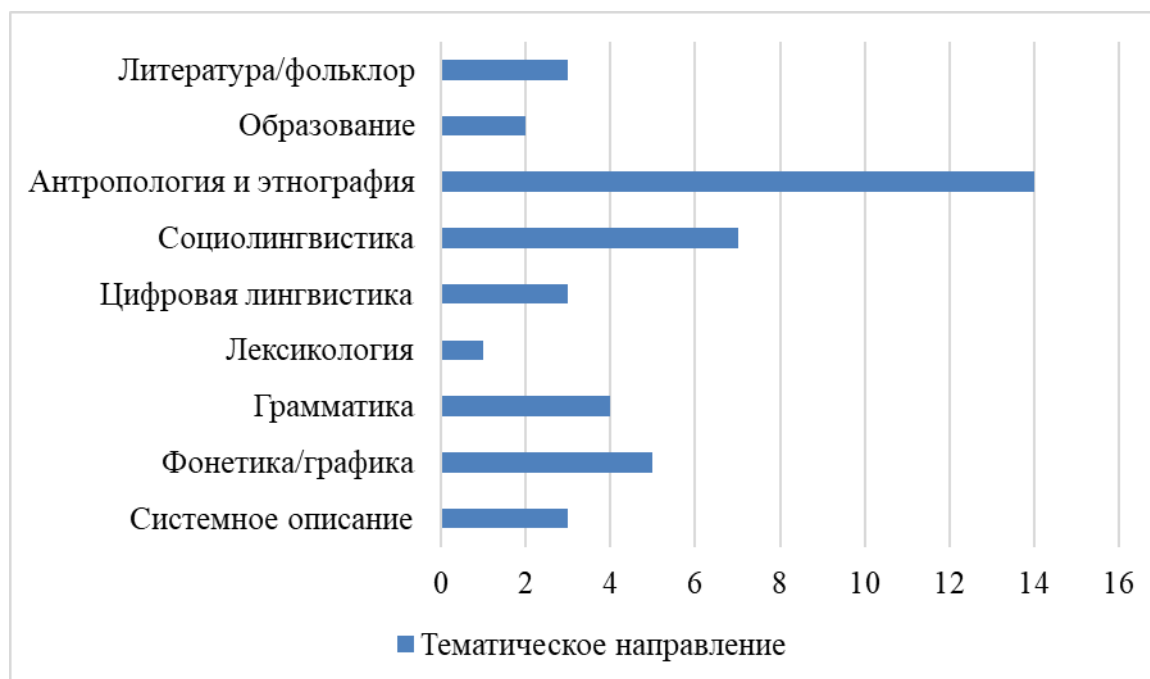

Рис.2. Распределение исследований по тематическим направлениям.

Fig. 2. Distribution of research by subject area.

специфику, обусловленную его «островным» положением и интенсивным мультилингвальным давлением.

Анализ публикаций позволяет четко разграничить фокусы внимания отечественных и зарубежных исследований. Отечественная наука (российская и центральноазиатская) традиционно сильна в области структурной лингвистики, исторической диалектологии и полевой этнолингвистики. Работы О.В. Завьяловой или Д.С. Маджун отличает глубокое погружение в исторический контекст и внимание к деталям языковой системы. Зарубежные исследования (западные и китайские) часто делают акцент на теоретических аспектах: дунганский язык рассматривается как кейс для проверки теорий языкового контакта (С. Хонкасало), диаспоральной идентичности (С. Хименес-Товар) или применяются самые современные

технологические методы (китайская школа синтеза речи).

Конкретные отличия между традиционной и современной парадигмой носят принципиальный характер. Если традиционная парадигма отвечала на вопросы «КАК устроен язык?» и «КАКОВА его история?», то современная парадигма смещает акцент на вопросы «ПОЧЕМУ язык изменяется именно так?», «КАКИЕ социальные факторы определяют его судьбу?» и «КАКИМИ технологиями можно замедлить его исчезновение?». Традиционная лингвистика видела в дунганском, прежде всего, объект описания, тогда как современная — объект сохранения и ревитализации.

Выводы

Изучение дунганского языка прошло путь от проекта национальной кодификации до

Парадигма и хронология	Ключевой объект	Основные методы	Примеры исследований
Структурно-историческая (1900-е – 1970-е гг.)	Внутренняя структура языка (фонетика, грамматика, лексика)	Сравнительно-исторический, структурный анализ	Е.Д. Поливанов, О.И. Завьялова
Социолингвистическая (1980-е – 2010-е гг.)	Язык в социальном контексте (идентичность, контакты, сдвиг)	Полевые исследования, анкетирование, интервью	А.А. Джон, С. Хонкасало, Я.А. Ортиков
Технологическая / Цифровая (2010-е гг. – н.в.)	Цифровая документация и ревитализация языка	Корпусная лингвистика, машинное обучение, ИИ	М. Лю, Ц. Лянь, Л. Чэнь

Табл.3. Эволюция исследовательских парадигм в дунгановедении.

Table 3. Evolution of research paradigms in Dungan studies.

многогранной междисциплинарной области, находящейся на переднем крае цифровых гуманитарных наук и социолингвистики. Мы проследили этот путь через три доминирующие парадигмы: «традиционную», которая заложила структурную основу языка; «социолингвистическую», которая интегрировала его в процессы идентичности и изменения; и «технологическую», которая разрабатывает инновационные инструменты для его сохранения.

Выявленные тенденции свидетельствуют о нескольких ключевых трансформациях в исследовательской практике:

От изолированного лингвистического анализа к междисциплинарным исследованиям, интегрирующим данные антропологии, культурологии и цифровых гуманитарных наук.

От синхронного описания к диахроническому анализу языковых изменений в условиях

интенсивного контактирования.

От теоретического изучения к прикладным разработкам, направленным на практическое сохранение языка.

Ретроспективный анализ корпуса научных публикаций о дунганском языке позволяет сделать следующие конкретные выводы.

1. Вклад традиционной парадигмы заключается в создании прочного фундамента: были описаны фонетика и грамматика, создана письменность, заложены основы литературной нормы. Работа О.В. Завьяловой является своего рода итогом этого этапа, предлагая сжатое, но исчерпывающее структурное описание языка.

2. Социолингвистические исследования кардинально расширили понимание роли языка в жизни диаспоры. Конкретные данные, приведенные в статьях А.А. Джона и Ф.Н. Хаваза об

антропонимии или Я.А. Ортикова о ситуации в Узбекистане, перевели абстрактные разговоры об ассимиляции в плоскость измеримых и доказуемых фактов. Исследование С. Хонкасало стало поворотным, доказав, что языковой контакт может приводить к глубинным структурным изменениям в языке, традиционно считавшемся морфологически устойчивым.

3. Технологический прорыв последних лет, отраженный в работах китайских исследователей М. Лю, Л. Чэнь и др., демонстрирует смену приоритетов. Научное сообщество не просто констатирует угрозу исчезновения, а активно разрабатывает инструменты для его сохранения. Синтез речи на основе глубоких нейросетей превращается из теории в практический инструмент, способный вернуть язык в цифровую среду.

Таким образом, современное дунгановедение представляет собой динамичную, междисциплинарную область, где филологический анализ соседствует с большими данными, а полевые записи становятся «сырьем» для алгоритмов искусственного интеллекта. Дальнейший прогресс в изучении и сохранении дунганского языка видится в укреплении международного сотрудничества, объединении усилий лингвистов-теоретиков, социологов и ИТ-специалистов для создания комплексной цифровой экосистемы, способной обеспечить будущее этого уникального лингвокультурного феномена.

Дальнейшие перспективы исследований видятся в углублении междисциплинарного диалога, расширении цифровых корпусов, раз-

работке систем автоматического перевода и углубленном изучении динамики языковых контактов в условиях глобализации. Особую актуальность приобретают лонгитюдные исследования языкового сдвига, позволяющие прогнозировать дальнейшую судьбу дунганского языка в различных социолингвистических контекстах Центральной Азии.

Судьба дунганского языка, находящегося на перекрестке культурных влияний, продолжает оставаться «живой лабораторией» для изучения фундаментальных вопросов лингвистики. Комплексный подход к его исследованию, сочетающий традиционные методы описательной лингвистики с современными технологическими разработками, может служить моделью для изучения других миноритарных языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Список литературы

1. Zavyalova O. Dungan Language. *Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics*. Leiden; Boston: Brill, 2017; Vol. 2. Pp. 141-148. https://www.academia.edu/42869092/Dungan_Language (дата обращения 02.11.2025)
2. Поливанов Е.Д. Фонетика дунганского языка. *Труды по восточному языкознанию*. Москва: Наука, 1968. С. 234-256.
3. Поливанов Е.Д. *Стенографический отчет третьего пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в г. Казани от 18-го по 23-е декабря 1928 г.* Казань: Всесоюзный центр.

- ком-т нового тюрск. алфавита, 1928.
4. Madzhun D.S. The Problem of Preserving the Dungan Language in the Republics of Central Asia. *Multiethnic Societies of Central Asia and Siberia Represented in Indigenous Oral and Written Literature*. 2002. Pp. 63-67. <https://doi.org/10.17875/gup2022-2059> (дата обращения 02.11.2025)
5. Комиссаров С.А., Фролова А.А. Дунгане: этнос внутри этноса. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2017; Т. 23. С. 481-485 <https://sciup.org/dunganejetnos-vnutri-jetnosa-145145525> (дата обращения 02.11.2025)
6. Маджун (Мусарова) Д.С. Исламское образование у дунган Киргизстана и Казахстана: прошлое и настоящее. *Ислам в современном мире*. 2017; Т. 13(1). С. 39-56. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2017-13-1-39-56> (дата обращения 02.11.2025)
7. Имазов М.Х. *Основы дунганской фонетики*. Фрунзе: Мектеп, 1972.
8. Имазов М.Х. *Фонетика дунганского языка*. Фрунзе: Илим, 1975.
9. Имазов М.Х. *Орфография дунганского языка*. Фрунзе: Илим, 1977.
10. Korsakoff S. *Soviet Dungan: The Chinese language of Central Asia. Alphabet, Phonology, Morphology*. Indiana University, Asian Studies Research Institute, 1967. Pp. 352-421.
11. Драгунов А.А. *Исследования в области дунганской грамматики. Категория вида и времени в дунганском языке: (Диалект Ганьсу)*. Москва, Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1940.
12. Имазов М.Х. *Очерки по морфологии дунганского языка*. Фрунзе: Илим, 1982.
13. Имазов М.Х. *Очерки по синтаксису дунганского языка*. Фрунзе: Илим, 1987.
14. Калимов, А.А. Дунганский язык: особенности грамматического строя. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2017; Т. 17(2). С. 78-84.
15. Имазов М.Х. *Русско-дунганский словарь*. Фрунзе: Илим, 1981.
16. Ortiqov Y. Dunganshunoslik tadqiqotlari tarixshunosligi (1990-2023) [Historiography of Dungan studies (1990-2023)]. *Scienceproblems.uz*. 2024; Vol. 6(4). Pp. 23-34. <https://www.lens.org/065-441-282-920-122> (дата обращения 02.11.2025)
17. Ашнин Ф.Д., Насилов В.М. Дунганский язык. *Языки мира: Китайские языки*. Москва: Academia, 2015. С. 234-248.
18. Хаваза Ф.Н. Влияние поликультурной среды на язык дунган Центральной Азии. *Вестник Бишкекского гуманитарного университета*. 2019; Т. 2(48). С. 3-8.
19. Иванов С.Н. *Дунганский язык и проблемы китайско-тюркских языковых контактов*. Вопросы языкознания. 2018; Т. 4. С. 45-62.
20. Ortiqov Y. National Language as a Factor of Ethno-Cultural Identity in the Dungans of Uzbekistan. *Journal of Eurasian Studies*. 2023; Vol. 14

- (1). Pp. 45-62. <https://www.researchgate.net/publication/370603866> (дата обращения 02.11.2025)
21. Ortiqov, Y. Changes in the ethno-cultural identity of Dungans of Uzbekistan (in the example of the Dungan language). *Educational Research in Universal Sciences*. 2023; Vol. 2(4). Pp. 144-151. <https://www.researchgate.net/publication/370584126> (дата обращения 02.11.2025)
22. Himenez-Tovar S. The boundaries of the diaspora concept in Central Asia in the context of Dungan multiple identity. *Central Asian Survey*. 2016; Vol. 35(3). Pp. 387-404. <https://doi.org/10.1080/02634937.2016.1151626> (дата обращения 02.11.2025)
23. Imyarova Z.S., John A.A. The impact of the ethnic environment on the traditional culture of Chinese muslims (Dungan) in Central Asia. *History of the Homeland*. 2021; Vol. 96 (4). Pp. 239-247. <https://www.lens.org/180-752-846-730-154> (дата обращения 02.11.2025)
24. Imyarova Z.S., John A.A. Migration processes and the problem of preserving ethnic culture (on the example of the Dungan ethnic group). *Central Asian Survey*. 2022; Vol. 41(2). Pp. 234-251.
25. Li R. Identity Transformation and Authority Reconstruction: The Social Organization of Dungan Elites in Central Asia after the Collapse of the USSR. *Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ХАБАРШЫСЫ. Педагогика. Психология. Әлеуметтану сериясы*. 2024; Т. 3(148). С. 304-313. <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2024-148-3-304-313> (дата обращения 02.11.2025)
26. Джон А.А., Хаваза Ф.Н. Изменения в антропологии дунган (хуэйцзу) как маркер идентичности. *Китай: история и современность*. 2015. С. 63-70.
27. Honkasalo S. Kazakhstani Gansu Dungan as a Contact Language: An Analysis of Russian Influence. *Languages*. 2024; Vol. 9(2). Art. 59. <https://doi.org/10.3390/languages9020059> (дата обращения 02.11.2025)
28. Казакевич О.А. Миноритарные языки в полиэтническом государстве: социолингвистический портрет дунган Казахстана. *Социолингвистические проблемы миноритарных языков*. Москва: Языки славянской культуры, 2019. С. 134-156.
29. Ян Г. Опрос об использовании языков дунганскими студентами // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. 2023. С. 210-218. [https://doi.org/10.58649/1694-8033-2023-2\(114\)-210-218](https://doi.org/10.58649/1694-8033-2023-2(114)-210-218) (дата обращения 02.11.2025)
30. Salmi O. Central Asian Dungan as a Chinese Dialect. *Journal of Chinese Linguistics*. 2007; Vol. 35(2). Pp. 345-367.
31. Сапрынская Д.В. Переселенцы (уйгуры и дунгане) и проблема их категоризации в период демаркации русско-китайской границы (1851-1915 гг.). *Человеческий*

- капитал.* 2024; Т. 10 (190). С. 32-45.
<https://doi.org/10.25629/HC.2024.10.03>
(дата обращения 02.11.2025)
32. Lian J., Kang X. The Application of Multi-modal Discourse Annotation and Analysis Tool ELAN in the Construction of Cross-border Endangered Chinese Dialect-Dungan Corpus. *Proceedings of the 2021 International Conference on Culture, Design and Social Development*. 2021. Pp. 45-52. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.211206.001> (дата обращения 02.11.2025)
33. Liu M., Jiang R., Yang H. Using Transfer Learning to Realize Low Resource Dungan Language Speech Synthesis. *Applied Sciences*. 2024; Vol. 14(14). Art. 6336. <https://doi.org/10.3390/app14146336> (дата обращения 02.11.2025)
34. Chen L., Yang H., Wang H. Research on Dungan speech synthesis based on Deep Neural Network. *International Symposium on Chinese Spoken Language Processing*. 2018. <https://doi.org/10.1109/ISCSLP.2018.8706713> (дата обращения 02.11.2025)
35. Kokaisl P. Dungan ethnicity in transformation: from totalitarianism to contemporary adaptation. *Central Asian Survey*. 2025. Pp. 1-21. <https://www.lens.org/184-341-587-868-843> (дата обращения 02.11.2025)
36. Liu S., Li Y. A survey of learning motivation and attitudes of Hui heritage language users. *International Journal of Social Science and Education Research*. 2023; Vol. 8(11). Pp. 3380-3399. <https://doi.org/10.46609/IJSSER.2023.v08i11.004><https://ijsser.org/more2023.php?id=251> (дата обращения 02.11.2025)
37. Hong D. *Studies on Dungan Culture*. Beijing: Central University for Nationalities Press, 1999.
38. Имазов М.Х. *Дунганская энциклопедия*. Бишкек: Илим, 2005. С. 267-356.
39. Starostina A. Review of the book *Dungan Folktales and Legends* by K.J. Yin. *Orient. Afro-Asian Societies: Past and Present*. 2023; Vol. 4. Pp. 273-277. <https://doi.org/10.31857/S086919080026223-2-1> (дата обращения 02.11.2025)
40. Сы Ц. Влияние русской сатиры на дунганскую сатирическую прозу в Центральной Азии. *Известия Саратовского университета*. 2025; Т. 25(1). С. 99-103.
41. Сы Ц. Русская и дунганская литература о войне: сравнительный аспект. *Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка*. 2021; Т. 3(341). С. 125-133.
42. Имярова З.С., Джон А.А. Особенности традиционных свадебных обрядов дунган в Казахстане: сравнительно-исторический анализ. *Вестник антропологии*. 2020; Т. 1 (49). С. 147-162.

References

1. Zavyalova O. Dungan Language. *Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics*. Leiden; Boston: Brill, 2017; Vol. 2. Pp. 141–148. https://www.academia.edu/42869092/Dungan_Language (accessed: 02.11.2025)
2. Polivanov E.D. Phonetics of the Dungan Language. *Works on Eastern Linguistics*. Moscow: Nauka, 1968, pp. 234–256.
3. Polivanov E.D. *Verbatim Report of the Third Plenum of the All-Union Central Committee of the New Turkic Alphabet, Which Met in Kazan from December 18 to 23, 1928*. Kazan: All-Union Central Committee of the New Turkic Alphabet. alphabet, 1928.
4. Madzhun D.S. The Problem of Preserving the Dungan Language in the Republics of Central Asia. *Multiethnic Societies of Central Asia and Siberia Represented in Indigenous Oral and Written Literature*. 2002. Pp. 63–67. <https://doi.org/10.17875/gup2022-2059> (accessed: 02.11.2025)
5. Komissarov S.A., Frolova A.A. Dungans: An Ethnos Within an Ethnos. Problems of Archeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. 2017; Vol. 23. Pp. 481–485. <https://sciup.org/dunganejetnos-vnutri-jetnosa-145145525> (accessed: 02.11.2025)
6. Madzhun (Musarova) D.S. Islamic education among the Dungans of Kyrgyzstan and Kazakhstan: past and present. *Islam in the modern world*. 2017; Vol. 13(1). Pp. 39–56. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2017-13-1-39-56> (accessed: 02.11.2025)
7. Imazov M.Kh. *Fundamentals of Dungan phonetics*. Frunze: Mektep, 1972.
8. Imazov M.Kh. *Phonetics of the Dungan language*. Frunze: Ilim, 1975.
9. Imazov M.Kh. *Orthography of the Dungan language*. Frunze: Ilim, 1977.
10. Korsakoff S. *Soviet Dungan: The Chinese language of Central Asia. Alphabet, Phonology, Morphology*. Indiana University, Asian Studies Research Institute, 1967. Pp. 352–421.
11. Dragunov A.A. *Research in the Field of Dungan Grammar. The Category of Aspect and Tense in the Dungan Language: (Gansu Dialect)*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940.
12. Imazov M.Kh. *Essays on the Morphology of the Dungan Language*. Frunze: Ilim, 1982.
13. Imazov M.Kh. *Essays on the Syntax of the Dungan Language*. Frunze: Ilim, 1987.
14. Kalimov, A.A. The Dungan language: features of grammatical structure. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*. 2017; Vol. 17 (2). Pp. 78–84.
15. Imazov M.Kh. Russian-Dungan dictionary. Frunze: Ilim, 1981.
16. Ortiqov Y. Dunganshunoslik tadqiqotlari tarixshunosligi (1990–2023) [Historiography of Dungan studies (1990–2023)]. *Scien-*

- ceproblems.uz. 2024; Vol. 6(4). Pp. 23–34. <https://www.lens.org/065-441-282-920-122> (accessed: 02.11.2025)
17. Ashnin F.D., Nasilov V.M. The Dungan language. *Languages of the World: Chinese languages*. Moscow: Academia, 2015, pp. 234–248.
18. Khavaza F.N. The influence of a multicultural environment on the Dungan language of Central Asia. *Bulletin of the Bishkek Humanitarian University*. 2019; Vol. 2(48). Pp. 3–8.
19. Ivanov S.N. The Dungan language and problems of Sino-Turkic language contacts. *Vo-prosy yazykoznaniya*. 2018; Vol. 4. Pp. 45–62.
20. Ortiqov Y. National Language as a Factor of Ethno-Cultural Identity in the Dungans of Uzbekistan. *Journal of Eurasian Studies*. 2023; Vol. 14(1). Pp. 45–62. <https://www.researchgate.net/publication/370603866> (accessed: 02.11.2025)
21. Ortiqov, Y. Changes in the ethno-cultural identity of Dungans of Uzbekistan (in the example of the Dungan language). *Educational Research in Universal Sciences*. 2023; Vol. 2 (4). Pp. 144–151. <https://www.researchgate.net/publication/370584126> (accessed: 02.11.2025)
22. Himenez-Tovar S. The boundaries of the diaspora concept in Central Asia in the context of Dungan multiple identity. *Central Asian Survey*. 2016; Vol. 35(3). Pp. 387–404. <https://doi.org/10.1080/02634937.2016.1151626> (accessed: 02.11.2025)
23. Imyarova Z.S., John A.A. The impact of the ethnic environment on the traditional culture of Chinese muslims (Dungan) in Central Asia. *History of the Homeland*. 2021; Vol. 96 (4). Pp. 239–247. <https://www.lens.org/180-752-846-730-154> (accessed: 02.11.2025)
24. Imyarova Z.S., John A.A. Migration processes and the problem of preserving ethnic culture (on the example of the Dungan ethnic group). *Central Asian Survey*. 2022; Vol. 41(2). Pp. 234–251.
25. Li R. Identity Transformation and Authority Reconstruction: The Social Organization of Dungan Elites in Central Asia after the Collapse of the USSR. *Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ХАБАРШЫСЫ. Педагогика. Психология. Әлеуметтану сериясы*. 2024; Vol. 3(148). Pp. 304–313. <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2024-148-3-304-313> (accessed: 02.11.2025)
26. John A.A., Khavaza F.N. Changes in Dungan (Hui) Anthroponymy as an Identity Marker. *China: History and Modernity*. 2015. Pp. 63–70.
27. Honkasalo S. Kazakhstani Gansu Dungan as a Contact Language: An Analysis of Russian Influence. *Languages*. 2024; Vol. 9(2). Art. 59. <https://doi.org/10.3390/languages9020059> (accessed: 02.11.2025)
28. Kazakevich O.A. Minority Languages in a Multiethnic State: A Sociolinguistic Portrait of the Dungans of Kazakhstan. *Sociolinguistic Problems of Minority Languages*. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2019. Pp. 134–156.

29. Yang G. Survey on the Use of Languages by Dungan Students. *Bulletin of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn*. 2023. Pp. 210–218. [https://doi.org/10.58649/1694-8033-2023-2\(114\)-210-218](https://doi.org/10.58649/1694-8033-2023-2(114)-210-218) (accessed: 02.11.2025)
30. Salmi O. Central Asian Dungan as a Chinese Dialect. *Journal of Chinese Linguistics*. 2007; Vol. 35(2). Pp. 345–367.
31. Saprynskaya D.V. Migrants (Uighurs and Dungans) and the Problem of Their Categorization during the Demarcation of the Russian-Chinese Border (1851–1915). *Human capital*. 2024; Vol. 10(190). Pp. 32–45. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.10.03> (accessed: 02.11.2025)
32. Lian J., Kang X. The Application of Multimodal Discourse Annotation and Analysis Tool ELAN in the Construction of Cross-border Endangered Chinese Dialect-Dungan Corpus. *Proceedings of the 2021 International Conference on Culture, Design and Social Development*. 2021. Pp. 45–52. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.211206.001> (accessed: 02.11.2025)
33. Liu M., Jiang R., Yang H. Using Transfer Learning to Realize Low Resource Dungan Language Speech Synthesis. *Applied Sciences*. 2024; Vol. 14(14). Art. 6336. <https://doi.org/10.3390/app14146336> (accessed: 02.11.2025)
34. Chen L., Yang H., Wang H. Research on Dungan speech synthesis based on Deep Neural Network. *International Symposium on Chinese Spoken Language Processing*. 2018. <https://doi.org/10.1109/ISCSLP.2018.8706713> (accessed: 02.11.2025)
35. Kokaisl P. Dungan ethnicity in transformation: from totalitarianism to contemporary adaptation. *Central Asian Survey*. 2025. Pp. 1–21. <https://www.lens.org/184-341-587-868-843> (accessed: 02.11.2025)
36. Liu S., Li Y. A survey of learning motivation and attitudes of Hui heritage language users. *International Journal of Social Science and Education Research*. 2023; Vol. 8(11). Pp. 3380–3399. <https://doi.org/10.46609/IJSSER.2023.v08i11.004> <https://ijsser.org/more2023.php?id=251> (accessed: 02.11.2025)
37. Hong D. *Studies on Dungan Culture*. Beijing: Central University for Nationalities Press, 1999.
38. Imazov M.Kh. *Dungan Encyclopedia*. Bishkek: Ilim, 2005. Pp. 267–356.
39. Starostina A. Review of the book *Dungan Folktales and Legends* by K.J. Yin. *Orient. Afro-Asian Societies: Past and Present*. 2023; Vol. 4. Pp. 273–277. <https://doi.org/10.31857/S086919080026223-2-1> (accessed: 02.11.2025)
40. Si J. The Influence of Russian Satire on Dungan Satirical Prose in Central Asia. *Bulletin of Saratov University*. 2025; Vol. 25(1). Pp. 99–103.
41. Si J. Russian and Dungan Literature about War: A Comparative Aspect. *Newsletter of Luhansk National University named after Taras Shevchenko*. 2021; Vol. 3(341). Pp. 125–133.

42. Imyarova Z.S., John A.A. Features of traditional Dungan wedding rites in Kazakhstan: comparative historical analysis. *Bulletin of Anthropology*. 2020; Vol. 1(49). Pp. 147–162.

Сведения об авторах

Семенова Марина Юрьевна,

Канд. филол. н., доц., зав. каф.

«Интегративная и цифровая лингвистика», научный руководитель СНК

«Интеллектуальные системы транслингвального кодирования»

Донской государственный технический университет

Пл. Гагарина, 1 (ауд. 8-603а), Ростов-на-Дону, 344000, Россия

msemenova@donstu.ru

Абдикаюмов Далер Маратович,

Член СНК «Интеллектуальные системы транслингвального кодирования»

Донской государственный технический университет

Пл. Гагарина, 1 (ауд. 8-603а), Ростов-на-Дону, 344000, Россия

abdukayumov.daler@mail.ru

Галаева Марем Салангиреевна,

Член СНК «Интеллектуальные системы транслингвального кодирования»

Донской государственный технический университет

Пл. Гагарина, 1 (ауд. 8-603а), Ростов-на-Дону, 344000, Россия

galaevamarem47@gmail.com

Information about the authors

Marina Semenova,

PhD, Associate Professor, Chair of Integrative and Digital Linguistics, scientific supervisor of the student scientific circle «Intelligent Systems of Translingual Coding»

Don State Technical University

1 Gagarina sq. (office 8-603a), Rostov-on-Don, 344000, Russia

msemenova@donstu.ru

Daler Abdikayumov,

Member of the student scientific circle

«Intelligent Systems of Translingual Coding»

Don State Technical University

1 Gagarina sq. (office 8-603a), Rostov-on-Don, 344000, Russia

abdukayumov.daler@mail.ru

Galaeva Marem,

Member of the student scientific circle

«Intelligent Systems of Translingual Coding»

Don State Technical University

1 Gagarina sq. (office 8-603a), Rostov-on-Don, 344000, Russia

galaevamarem47@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.01.2026

Принята к публикации: 15.01.2026

Information about the article

The article was submitted: 15.01.2026

Approved after reviewing: 15.01.2026

Accepted for publication: 15.01.2026

**Cultural barriers in russian-turkish diplomatic
communication and ways to overcome them**

**Культурные барьеры в российско-турецком
дипломатическом общении и пути их преодоления**

УДК 81-23 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-41-50](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-41-50)

**Йылмаз Эльвира Рафиловна¹,
Габдрахманова Ильвина Ильгизовна²**

¹ Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

² Магистрант, Казанский (Приволжский)
федеральный университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:
el-vira-hadieva@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5649-6995>

**Elvira R. Yilmaz ¹,
Ivina I. Gabdrahmanova²**

¹Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

²Master's Student, Kazan (Volga Region)
Federal University, Kazan, Russia

Corresponding author:
el-vira-hadieva@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5649-6995>

АННОТАЦИЯ. Статья анализирует культурные барьеры в российско-турецком дипломатическом общении в условиях интенсификации политического диалога и двустороннего сотрудничества. Теоретическую основу составляют теория культурных измерений Г. Хофстеде и концепция высоко- и низкоконтекстных культур Э. Холла в сопоставлении с отечественными исследованиями. Эмпирическая база включает официальные заявления, экспертные оценки и материалы подготовки дипломатических кадров; применяются качественный анализ дипломатического дискурса и контент-анализ. Выявлено, что коммуникативные сбои обусловлены различиями в правилах интерпретации

ABSTRACT. The article examines cultural barriers in Russian-Turkish diplomatic communication amid intensified political dialogue. Drawing on G. Hofstede's cultural dimensions and E. Hall's high-/low-context theory, the study analyses official statements, expert commentaries, and training materials using qualitative discourse and content analysis. It shows that misunderstandings arise primarily from differing conventions of meaning interpretation rather than information gaps, creating risks of false mutual understanding. The article substantiates institutional and educational measures aimed at reducing communicative failures and enhancing the predictability of diplomatic interaction.

информации и создают риск ложного взаимопонимания. Обоснованы институциональные и образовательные меры по снижению данных рисков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российско-турецкие отношения; дипломатическое общение; межкультурная коммуникация; культурные барьеры; дипломатический дискурс; лингвокультурная медиация; стратегическая глубина.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Йылмаз Э.Р., Габдрахманова И.И. Культурные барьеры в российско-турецком дипломатическом общении и пути их преодоления. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 41-50 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-41-50>

KEYWORDS: Russian–Turkish relations; diplomatic communication; intercultural communication; cultural barriers; diplomatic discourse; linguocultural mediation; strategic depth.

FOR CITATION: Yilmaz E.R., Gabdrahmanova I.I. Cultural barriers in russian-turkish diplomatic communication and ways to overcome them. *Modern Oriental Studies*. Year; Volume 8 (№1). P. 41-50 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-41-50>

За последние два десятилетия российско-турецкие отношения превратились в один из ключевых факторов региональной безопасности на Ближнем Востоке и в Черноморском регионе. Эволюция от взаимоотношений «заклятых друзей» к прагматическому партнёрству сопровождалась как формированием устойчивых механизмов политического диалога, так и чередой острых кризисов — от инцидента со сбитым российским самолётом в 2015 г. до разногласий по поводу сирийского урегулирования и расширения НАТО (Долгов 2021; 14; Ягья 2014).

В литературе подчёркивается, что на фоне серьёзных расхождений в интересах России и Турции именно способность лидеров выстраивать личную коммуникацию позволяла сторонам неоднократно «перезапускать» отношения после кризисов (Долгов 2021; Ягья

2014). Однако устойчивость такого «лидероцентричного» формата взаимодействия ограничена, если дипломатические и экспертные сообщества не обладают развитой межкультурной компетентностью и воспроизводят на уровне рабочего общения накопленные культурные барьеры.

Цель статьи — выявить основные типы культурных барьеров в российско-турецком дипломатическом общении и предложить практические меры по их преодолению.

Методологически работа опирается на теорию культурных измерений Г. Хофстеде, концепцию высоко- и низконтекстных культур Э. Холла, российскую и турецкую литературу по межкультурной коммуникации, а также исследования по эволюции российско-турецких отношений и идеологическим основаниям

внешней политики двух стран (Ахмедов 2019; Аватков 2017; Долгов 2021; Глаголев 2016; Межуев; Ягья 2014). Используются методы качественного анализа дипломатического дискурса, контент-анализ официальных документов и экспертных материалов, элементы сравнительно-исторического подхода.

Современная отечественная литература трактует межкультурную коммуникацию как сложный комплекс взаимодействий носителей различных лингвокультурных кодов, реализуемых в конкретных институциональных контекстах (Боголюбова 2009, с. 12-22; 4, с. 31-40; Глаголев 2016, с. 5-12). Культурный барьер при этом понимается либо как совокупность устойчивых различий в ценностях, нормах и моделях поведения, затрудняющих взаимопонимание участников коммуникации, либо как субъективно переживаемое ощущение непонимания и «чуждости» партнёра (Глаголев 2016; Михельсон 2016).

В зарубежной традиции большое влияние оказали работы Э. Холла, выделившего различия между высоко- и низконтекстными культурами, а также исследования Г. Хофстеде, предложившего систему измерений культуры — дистанция власти, индивидуализм–коллективизм, избегание неопределённости, маскулинность–фемининность, долгосрочная ориентация и снисходительность–сдержанность (Hall 1976; Hofstede 1980). Для дипломатического общения принципиально важно сочетание контекстуальности, отношения к иерархии и допустимого уровня неопределённости при принятии решений.

С точки зрения функциональной типологии культурных барьеров целесообразно раз-

личать: а) когнитивные барьеры (различия в базовых представлениях о мире, истории и справедливости); б) коммуникативные барьеры (особенности речевого поведения, жанров и формальной этики общения); в) институциональные барьеры (различия бюрократических процедур и норм дипломатического протокола); г) языковые барьеры и связанные с переводом смысловые потери (Боголюбова 2009; Глаголев 2016; Михельсон 2016; Сафонова 2018). Все указанные измерения в различной степени проявляются в российско-турецком дипломатическом дискурсе.

Отдельный пласт исследований посвящён профессиональной межкультурной компетентности специалистов в области международных отношений и дипломатии. Показано, что успешность коммуникации определяется не только знанием языка, но и владением стратегиями лингвокультурной медиации, умением интерпретировать неявные сигналы и учитывать культурные ожидания партнёра (Зоткина 2018; Михельсон 2016). Для российско-турецкого направления это особенно важно в связи с высокой политической чувствительностью повестки и плотным историческим контекстом (Ахмедов 2019; 2; Долгов 2021; Ягья 2014).

Исторически взаимодействие России и Турции развивалось как сочетание жёсткого соперничества и периодов прагматического сближения. В XXI веке на первый план вышла логика «ограниченного партнёрства», основанного на совпадении ряда тактических интересов при сохранении серьёзных стратегических разногласий (Долгов 2021; 14; Ягья 2014).

Исследователи выделяют несколько ключевых сюжетов: энергетическое сотрудничество, сирийское и ливийское урегулирование, черноморскую безопасность, военно-техническое взаимодействие (поставки ЗРК С-400), туризм и гуманитарные связи (Долгов 2021; Дружинин 2016; 14; Ягья 2014).

Российские авторы подчеркивают, что политика Турции в отношении России строится в логике «многовекторности» и стремления Анкары усилить собственный статус региональной державы, опираясь на концепт «стратегической глубины» А. Давутоглу (Ахмедов 2019; Долгов 2021; Межуев 2019; Davutoğlu 2001). Турецкая внешняя политика объединяет элементы неоосманизма, пантюркизма и евразийства, что определяет специфическое восприятие России одновременно как партнёра, конкурента и необходимого балансира западного влияния (Надыров, 2022).

С российской стороны формируется образ Турции как важного, но потенциально непредсказуемого партнёра, способного быстро менять тактические установки под влиянием внутренней политической динамики и конъюнктуры отношений с Западом (Долгов 2021; Дружинин 2016; Ягья 2014). В этих условиях особое значение приобретает качество дипломатической коммуникации, которая должна одновременно учитывать культурные особенности партнёра и защищать долгосрочные интересы России.

И Россия, и Турция относятся к культурным типам с относительно высокой контекстуальностью, однако степень зависимости смысла

высказывания от неявного контекста и социального окружения различается (Аватков 2017; Davutoğlu 2001). Турецкий дипломатический дискурс, опирающийся на османскую традицию и исламскую риторику, допускает более широкое использование метафор, аллюзий и религиозно окрашенных образов. Российский дискурс, несмотря на наличие идеологических компонентов, тяготеет к более юридизированному и «текстуально ориентированному» стилю публичных заявлений (Долгов 2021; Ирхин 2021; Межуев 2019).

Это различие проявляется, в частности, в трактовке публичных сигналов. Жёсткие заявления турецкого руководства, рассчитанные на внутреннюю аудиторию и воспринимаемые в Анкаре как элемент привычной политической риторики, в Москве нередко интерпретируются как пересечение «красных линий» (Долгов 2021; Ягья 2014; Davutoğlu 2001). В свою очередь, осторожно сформулированные российские комментарии могут на турецкой стороне восприниматься как недостаток ясности или признак скрытого недовольства, что стимулирует эскалацию символических жестов.

Существенным источником недоразумений являются различия во временных установках и деловой этике. Российская дипломатическая культура сочетает ориентацию на формальные сроки с высокой гибкостью в организации процесса переговоров, допускающей перенесение встреч и многократную корректировку повестки. Турецкая дипломатическая традиция, особенно в последние годы, усиливает акцент на оперативности принятия решений

и персональной ответственности лидера, что повышает чувствительность к затягиванию процедур и к «необъяснимым паузам» в диалоге (Долгов 2021; Ирхин 2021; Davutoğlu 2001; Hofstede 1980).

Исследования межкультурной деловой коммуникации показывают, что различия в представлениях о допустимых задержках, структуре встречи и соотношении формальной и неформальной частей переговоров нередко становятся источником скрытого раздражения и взаимных обвинений в непрофессионализме (Михельсон 2016; Hofstede 1980). Для российско-турецкого диалога это проявляется, например, в ожидании турецкой стороны закрепления договорённостей в кратчайшие сроки и стремлении к «пакетным» решениям, в то время как российская сторона склонна к более пошаговой логике и разнесению политических и экономических соглашений во времени (Долгов 2021; 14; Ягья 2014).

Важным культурным барьером выступают различия в ценностных установках и цивилизационных нарративах. Российская внешняя политика в официальных документах апеллирует к идеям суверенного равенства государств, многополярности и приоритета международного права (Ирхин 2021). Турецкая внешняя политика, особенно в трактовке А. Давутоглу, опирается на представление о Турции как «центральной стране» с особой исторической миссией в прилегающих регионах (Davutoğlu 2001). Эти различия усиливают конкуренцию интерпретаций в отношении Сирии, Кавказа, Черноморского региона.

С точки зрения восприятия справедливости и статуса Россия и Турция демонстрируют повышенную чувствительность к символическим аспектам взаимодействия — месту встречи, формату протокола, структуре совместных заявлений. Любое нарушение ожидаемого баланса — от неудачной формулировки пресс-релиза до очередности выступлений на совместной конференции — может восприниматься как сигнал неуважения и провоцировать жёсткую риторику (Ахмедов 2019; Долгов 2021; Ирхин 2021; Ягья 2014; Davutoğlu 2001).

Лингвокультурный анализ российско-турецкого дипломатического дискурса показывает различия в употреблении ключевых понятий, таких как «партнёрство», «безопасность», «справедливость», «терроризм», «суверенитет». Например, турецкое понимание «справедливого мира» в риторике тезиса «Мир больше пяти» строится вокруг критики структурной несправедливости нынешней системы ООН и западного доминирования (Ирхин 2021). Российская риторика делает акцент на недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и на необходимости «неделимой безопасности» (Долгов 2021; Ирхин 2021).

Даже при использовании схожих терминов стороны вкладывают в них различное содержание, что ведёт к возникновению «ложного взаимопонимания» — ситуациям, когда партнёры уверены, что договорились, но на самом деле исходят из разных интерпретаций ключевых понятий (Боголюбова 2009; Глаголев 2016; Михельсон 2016; Сафонова 2018; Hall 1976). Дополнительные сложности создаёт

перевод дипломатических формулировок между русским и турецким языками, в том числе различия в степени прямоты/косвенности речевых актов и употреблении смягчающих конструкций.

Ряд исследований, выполненных на материале Дипломатической академии МИД России и других профильных вузов, показывает, что системная работа по формированию профессиональной межкультурной компетентности способна существенно снизить риск коммуникативных сбоев (Зоткина 2018; Михельсон 2016). Ключевую роль играет сочетание языковой подготовки с освоением теоретических основ межкультурной коммуникации и практикой анализа конкретных кейсов российско-турецкого взаимодействия.

В рамках образовательных программ целесообразно выделять специальные модули, посвящённые турецкой политической культуре, историческим этапам и современным направлениям внешней политики Турции, особенностям дипломатического протокола и риторики Анкары (Ахмедов 2019; Аватков 2017; Долгов 2021; Межуев 2019; Davutoğlu 2001). Важно, чтобы эти модули включали анализ оригинальных турецких источников и публичных выступлений, а не ограничивались пересказом российских комментариев.

Дополнительным направлением является переподготовка уже работающих дипломатов и военных атташе по программам повышения квалификации, предполагающим моделирование переговорных ситуаций, разбор реальных кризисных эпизодов и отработку стратегий по-

ведения в условиях жёсткого медиадавления (Зоткина 2018; Михельсон 2016; Попова 2018; 14).

В российской методической литературе подчёркивается роль лингвокультурной медиации как интегральной компетенции специалиста по международным отношениям, предполагающей способность сознательно управлять переходом между кодовыми системами различных культур (Боголюбова 2009; Боголюбова 2023; Глаголев 2016; Сафонова 2018). Для российско-турецкого направления особое значение имеет подготовка переводчиков и референтов, способных не только корректно передавать текст, но и объяснять сторонам прагматические импликации высказываний партнёра.

Опыт двусторонних визитов и многосторонних форматов показывает, что наличие в делегации экспертов, хорошо ориентирующихся в политической риторике другой стороны, позволяет вовремя смягчать или пояснять потенциально конфликтные формулировки, а также предлагать альтернативные варианты совместных заявлений, приемлемые для обеих сторон (Зоткина 2018; Михельсон 2016; Сафонова 2018; 14).

Многочисленные кейсы российско-турецкого взаимодействия показывают, что существенную роль в поддержании диалога играют не только официальные переговоры, но и так называемые форматы трек-2 и трек-1,5 – экспертные площадки, форумы, совместные исследовательские проекты (Дружинин 2016; 14; Ягья 2014). В рамках таких площадок культурные барьеры частично сглаживаются за счёт

меньшей жёсткости протокола и возможности более детально обсуждать мотивацию и ограничения каждой из сторон.

Расширение российско-турецких академических обменов, совместных программ магистратуры и школ молодёжной дипломатии позволяет формировать новый слой специалистов, для которых культурная специфика партнёра не является «чужой» и не вызывает избыточных эмоций (Дружинин 2016; Зоткина 2018; Михельсон 2016; 14). При условии институциональной поддержки эти форматы могут стать важным ресурсом долгосрочного смягчения культурных барьеров в официальном дипломатическом общении.

Таким образом, что культурные барьеры в российско-турецком дипломатическом общении носят многоуровневый характер и связаны как с различиями в коммуникативных стилях и ценностных установках, так и с особенностями институциональной среды и языкового посредничества. Высокая контекстуальность, акцент на статусе и исторической миссии, различия в трактовке справедливости и безопасности создают значительный потенциал недопонимания, который особенно ярко проявляется в кризисные периоды (Ахмедов 2019; Долгов 2021; Ирхин 2021; 14; Davutoğlu 2001).

В то же время устойчивость прагматического партнёрства России и Турции во многом зависит от способности сторон выстраивать каналы системной, а не эпизодической межкультурной адаптации. Ключевыми элементами такой стратегии являются: интеграция российско-турецкого измерения в программы под-

готовки дипломатов и специалистов-международников; развитие лингвокультурной медиации и профессиональной подготовки переводчиков; институционализация форматов трек-2 и трек-1,5 дипломатии; укрепление экспертных и академических обменов (Дружинин 2016; Зоткина 2018; Михельсон 2016).

Практическая значимость исследования состоит в том, что выявленные типы культурных барьеров и предложенные механизмы их преодоления могут быть использованы при разработке учебных курсов по межкультурной коммуникации, проектировании программ повышения квалификации для сотрудников МИД и других ведомств, участвующих в российско-турецком диалоге, а также при подготовке аналитических материалов для органов внешнеполитического планирования.

Список литературы

1. Долгов Б. В. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 3. С. 147–160.
2. Ягья В. С., Соломина Д. В. Отношения России и Турции в XXI веке: тенденции и трудности. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 1. С. 127–138.
3. Ахмедов В. М. Турецкий выбор. Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 2 (8). С. 214–220.

4. Аватков В. А., Павлова А. И. Особенности межкультурной коммуникации в Республике Турция. Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1. С. 65–75.
5. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ культуры и искусств, 2009. 416 с.
6. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Межкультурная коммуникация: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 582 с.
7. Михельсон С. В. Культурные и коммуникативные (языковые) барьеры в международном бизнесе. Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 8 (390). Сер. Философские науки. Вып. 41. С. 41–43.
8. Сафонова В. В. Лингвокультурная медиация как стратегическое общеевропейское направление в развитии современного языкового образования. Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. М.: КДУ, Университетская книга, 2018. С. 179–183.
9. Дружинин А. Г. Российско-турецкие отношения в постсоветском евразийском контексте. Научная мысль Кавказа. 2017. № 4 (92). С. 5–14.
10. Зоткина И. В. Межкультурная коммуникативная и профессиональная компетентность студентов Дипломатической академии МИД РФ. Язык, культура, перевод, коммуникации: сб. науч. тр. М., 2018. Т. 2. С. 216–220.
11. Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти» или справедливость по-турецки: основные идеи внешнеполитической концепции Р. Т. Эрдогана. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91–107.
12. Надыров Р.Н. Тюркский фактор в международных отношениях в Центральной Азии: 1992-2019 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. - Казань, 2022. - 229 с.
13. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: учебное пособие. 2-е изд., ред.-сост. В. С. Глаголев. М.: Проспект, 2016. 247 с.
14. Межуев Б. В. Турция, Россия и Европа с позиции «цивилизационного реализма». Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 53–66.
15. Попова Е. А. Подготовка преподавателя иностранного языка к формированию профессиональной межкультурной компетенции студентов-международников. Вестник МГЛУ. 2018. № 1 (790). С. 73–81.
16. Углубление российско-турецких отношений: доклад № 41. Российский совет по международным делам. М., 2017. (Электронный ресурс). URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/uglublenie-rossiysko-turetskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 26.12.2025).
17. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: *Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 611 p.
18. Hall E. T. *Beyond Culture*. New York: Anchor Books, 1976. 298 p.

19. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills: Sage, 1980. 475 p.

References

1. Dolgov B. V. Rossiia i Turtsiia v regional'nom i geopoliticheskom prostranstve. Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2021. Vol. 14. No. 3. P. 147–160.
2. Iag'ia V. S., Solomina D. V. Otnosheniia Rossii i Turtsii v XXI veke: tendentsii i trudnosti. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 6: Philosophy, Cultural Studies, Political Science, Law, International Relations. 2014. No. 1. P. 127–138.
3. Akhmedov V. M. *Turetskii vybor*. Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN. 2019. No. 2 (8). P. 214–220.
4. Avatkov V. A., Pavlova A. I. *Osobennosti mezhkul'turnoi kommunikatsii v Respublike Turtsiia. Kontsept: filosofii, religiia, kul'tura*. 2017. No. 1. P. 65–75.
5. Bogoliubova N. M., Nikolaeva Iu. V. *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia i mezhdunarodnyi kul'turnyi obmen: uchebnoe posobie*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Culture and Arts, 2009. 416 p.
6. Bogoliubova N. M., Nikolaeva Iu. V. *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia: uchebnik dlia vuzov*. Moscow: Iurait, 2023. 582 p.
7. Mikhel'son S. V. Kul'turnye i kommunikativnye (iazykovye) bar'ery v mezhdunarodnom biznese. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. No. 8 (390). Series: Filosofskie nauki. Issue 41. P. 41–43.
8. Safonova V. V. Lingvokul'turnaia mediatsiia kak strategicheskoe obshcheevropeiskoe napravlenie v razvitii sovremennogo iazykovogo obrazovaniia. Iazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiia: sbornik nauchnykh trudov. Moscow: KDU, Universitetskaia kniga, 2018. P. 179–183.
9. Druzhinin A. G. *Rossiisko-turetskie otnosheniia v postsovetском evraziiskom kontekste*. Nauchnaia mysl' Kavkaza. 2017. No. 4 (92). P. 5–14.
10. Zotkina I. V. *Mezhkul'turnaia kommunikativnaia i professional'naia kompetentnost' studentov Diplomaticheskoi akademii MID RF. Iazyk, kul'tura, perevod, kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 2018. Vol. 2. P. 216–220.
11. Irkhin A. A., Moskalenko O. A. "Mir bol'she piati" ili spravedlivost' po-turetski: osnovnye idei vneshnepoliticheskoi kontseptsii R. T. Erdogan. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia. 2021. Vol. 21. No. 1. P. 91–107.
12. Nadyrov R.N. The Turkic factor in international relations in Central Asia : 1992-2019: dissertation... Candidate of Historical Sciences . - Kazan, 2022. - 229 p.
13. *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia v usloviakh globalizatsii: uchebnoe posobie*. 2nd ed. Ed. by V. S. Glagolev. Moscow: Prospekt, 2016. 247 p.
14. Mezhuev B. V. *Turtsiia, Rossiia i Evropa s pozitsii "tsivilizatsionnogo realizma"*. Polis. Politicheskie issledovaniia. 2019. No. 6. P. 53–66.

15. Popova E. A. *Podgotovka prepodavatel'ia in-
ostrannogo iazyka k formirovaniu profession-
al'noi mezhkul'turnoi kompetentsii studentov-
mezhdunarodnikov*. Vestnik MGLU. 2018. No. 1 (790). P. 73–81.
16. *Uglublenie rossiisko-turetskikh otnoshenii*: Report No. 41. Russian International Affairs Council. Moscow, 2017. (Electronic resource). Available at: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/uglublenie-rossiysko-turetskikh-otnosheniy/> (accessed: 26.12.2025).
17. Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 611 p.
18. Hall E. T. *Beyond Culture*. New York: Anchor Books, 1976. 298 p.
19. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills: Sage, 1980. 475 p.

Сведения об авторах

Йылмаз Эльвира Рафиловна,

К.ф.н, доцент кафедры алтаистики, тюркских и центрально азиатских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Россия

e-mail: el-vira-hadieva@yandex.ru

Габдрахманова Ильвина Ильгизовна,

1 курс магистр.

Наименование организации (ИМОИиВ)

Казанский (Приволжский) федеральный

Адрес организации 420008, Казань, ул.

Пушкина, д. 1/55.

e-mail: ilvina_gabdrahmanova@mail.ru

Information about the authors

Elvira R. Yilmaz

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Altaic, Turkic and Central Asian Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russia

e-mail: el-vira-hadieva@yandex.ru

Ilvina I. Gabdrahmanova

1st year Master's degree.

Organization (IMOliV) Kazan (Volga Region)

Federal University

Mailing address 1/55 Pushkin Street, Kazan, 420008.

e-mail ilvina_gabdrahmanova@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.01.2026

Принята к публикации: 15.01.2026

Information about the article

The article was submitted: 15.01.2026

Approved after reviewing: 15.01.2026

Accepted for publication: 15.01.2026

**Media representation of the 1980 military coup
in the republic of turkey: analysis of publications
in the newspapers hürriyet, milliyet, and cumhuriyet**

**Медиа-репрезентация военного переворота
Республики Турция 1980 г.: анализ публикаций
в газетах Hürriyet, Milliyet и Cumhuriyet**

УДК 81-23+070 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-51-59](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-51-59)

*Хабибуллина Эльмира Камилевна¹,
Фатыхова Алисия Мунировна²*

*¹ Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

²Свободный исследователь, Казань, Россия

*Автор, ответственный за переписку:
minabova@mail.ru*

<http://orcid.org/0000-0003-1709-275X>

*Elmira K. Khabibullina¹,
Alisya M. Fatykhova ²,*

*¹Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

²Free researcher, Kazan, Russia

*Corresponding author:
minabova@mail.ru*

<http://orcid.org/0000-0003-1709-275X>

АННОТАЦИЯ: Национальные средства массовой информации Турции играют значительную роль в формировании общественного мнения и политического дискурса внутри страны. Анализ публикаций ведущих турецких газет показывает, что события военного переворота 1980 г. освещались неоднородно, что отражало влияние армии и идеологии кемализма на медиaprостранство Турции. Сравнительный анализ материалов позволил выявить различия в интерпретации причин и последствий

ABSTRACT: National media in Turkey play a significant role in shaping public opinion and political discourse within the country. An analysis of the media demonstrates that leading Turkish newspapers covered the events of the 1980 military coup in different ways, reflecting the influence of the army and Kemalist ideology on the media space. Comparative analysis of the publications made it possible to identify differences in the assessment of the causes and consequences of the coup, as well as to show how media discourse

переворота, а также продемонстрировать, каким образом через медиадискурс формировалось восприятие политической ситуации и легитимировались определённые нарративы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на наличие значительного числа работ по смежным проблемам, вопрос освещения военного переворота Республики Турция 1980 г. в периодической печати остаётся недостаточно изученным в российской историографии. Анализ публикаций ведущих турецких изданий позволяет проследить процессы формирования исторической памяти о данном событии, выявить доминирующие нарративы и оценить их влияние на общественное сознание, что особенно важно с учётом неоднозначного восприятия переворота в современном турецком обществе.

Научная новизна исследования заключается в отсутствии в российской научной литературе комплексных работ, посвящённых отражению военного переворота 1980 г. в турецких средствах массовой информации. Проведённый сравнительный анализ публикаций газет *Hürriyet*, *Milliyet* и *Cumhuriyet* позволяет выявить различия в их идеологических позициях, определить особенности формирования политического медиадискурса и реконструировать более целостную картину информационного и политического ландшафта Турции начала 1980-х годов.

Целью исследования является анализ публикаций турецких изданий *Hürriyet*, *Milliyet* и *Cumhuriyet*, содержащих упоминания военного переворота 1980 г., а также определение

contributed to the formation of public perceptions of the political situation. Thus, the study contributes to a deeper understanding of the role of Turkish mass media in the development of public opinion and the political landscape of Turkey.

The relevance of this study is обусловлена the fact that, despite the existence of a large number of works on related topics, the issue of media coverage of the 1980 military coup in the Republic of Turkey remains insufficiently explored in Russian historiography. An analysis of the leading Turkish newspapers of that period makes it possible to understand how historical memory of the event was formed, which narratives dominated, and how they influenced public opinion. This is especially important given that perceptions of the coup remain ambiguous to this day.

The scientific novelty of the study lies in the absence, until now, of comprehensive research in Russian academic literature devoted to the representation of the 1980 military coup in Turkish mass media. The comparative analysis of publications in leading Turkish newspapers makes it possible to identify differences in their ideological positions, determine the features of media discourse formation, and reconstruct a more holistic picture of Turkey's information and political landscape in the early 1980s.

The aim of this research is to analyze publications in the Turkish newspapers *Hürriyet*, *Milliyet*, and *Cumhuriyet* containing references to the 1980 military coup and to determine how leading Turkish newspapers assessed this event. Using the method of analysis, newspaper articles addressing the 1980 military coup were examined, while the

способов оценки данного события ведущими газетами страны. В ходе работы были использованы методы анализа, сравнительно-сопоставительный и описательный методы, что позволило выявить общие и отличительные черты изученных текстов и систематизировать полученные результаты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: турецкие газеты, анализ СМИ, военный переворот 1980 г., политический дискурс, армия, кемализм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хабибуллина Э.К., Фатыхова А.М. Медиа-репрезентация военного переворота Республики Турция 1980 г.: анализ публикаций в газетах Hürriyet, Milliyet и Cumhuriyet. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 51-59 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-51-59>

comparative method made it possible to identify common features and differences among the texts. The descriptive method was used to present the findings of the study.

KEYWORDS: Turkish newspapers, media analysis, 1980 military coup, political discourse, military, Kemalism

FOR CITATION: Khabibullina E.K., Fatykhova A.M. Media Representation of the 1980 Military Coup in the Republic of Turkey: An Analysis of Publications in Hürriyet, Milliyet, and Cumhuriyet. *Modern Oriental Studies*. Year; Volume 8 (№1). P. 51-59 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-51-59>

Пресса занимает значительную роль в общественно-политической жизни государства. Существование различных журналов, многочисленных газет с политическим плюрализмом позитивно отражается на формировании социального сознания населения, проживающего в стране. Периодические издания выполняют множество функций. Они информируют общественность о текущих событиях, актуальных проблемах и представляют интересную аналитическую информацию (Йылмаз, 2025). Новости и статьи также служат индикатором общественного мнения, отражая отношение граждан к политической ситуации, оценку деятельности власти и приоритетные общественные запросы. Не менее важно и то, что средства массовой информации выступают в качестве

инструмента политического влияния, позволяя государству формировать желаемый общественный нарратив в интересах правящего режима. Турецкие СМИ, достигшие своего расцвета именно в период Республики, когда газеты и журналы использовались властью в целях пропаганды новой идеологии, освещения положительных сторон республиканской Турции и преимуществ вестернизации, стали играть немаловажную роль в формировании общей картины страны. Переворот 1980 года оказал глубокое и длительное влияние на политическую систему Турции, заложив основы для последующих политических процессов и институциональных изменений. В результате событий 12 сентября была утверждена конституция, действующая в Турции по сей день.

12 сентября 1980 г. был осуществлен третий военный переворот в истории Республики Турция (Ahmad, 1993, 180). По всей стране было объявлено военное положение, введен комендантский час, проведены масштабные обыски и досмотры, за которыми последовали массовые задержания и аресты. Политическая деятельность была прекращена. С 12 сентября 1980 года и до 7 ноября 1983 г., то есть до формирования Президентского совета Великого национального собрания, Турцией де-факто управлял Совет национальной Безопасности (СНБ), который состоял из четырех главнокомандующих Вооруженных сил во главе с начальником штаба Кенаном Эвренем (Ahmad, 1993, 181). Прежние поправки к конституции были признаны недостаточными, и были приняты попытки разработать новую конституцию. Обещались масштабные и глубокие изменения практически во всех сферах турецкой жизни, кроме внешней политики и программы экономической стабилизации, начатой правительством Демиреля под руководством Тургута Озала. После объявления чрезвычайного положения в Турции все газеты, издаваемые в стране, оказались под жёстким контролем. Впервые цензура в полной мере затронула все периодические издания, а не только те, что издавали в Анкаре и Стамбуле. Закон №2302 ("1402 Sayılı Sıkıyönetim Kanununun Bazı Hükümlerinin Değiştirilmesine ve Bazı Hükümler Eklenmesine Dair Kanun") легитимировал установление цензуры, ограничивание или прекращение всех видов вещания и связи, включая передачи Турецкой радиотелевизионной корпорации. Кроме того, в этот период были пере-

смотрены и введены в действие статьи 311 и 312 Уголовного кодекса Турции, которые на долгие годы стали серьезным фактором давления как на журналистов, так и на другие слои общества. Согласно поправкам, вступившим в силу 10 января, статья 311 ("Ceza Muhakemeleri Usulü Kanununun Bazı Maddelerinin Değiştirilmesine ve Kanuna Yeni Bir Madde Eklenmesine Dair Kanun") предусматривала удвоение наказания в случае публичного подстрекательства к совершению преступления через прессу и вещательные СМИ. Статья 312 ("Ceza Muhakemeleri Usulü Kanununun Bazı Maddelerinin Değiştirilmesine ve Kanuna Yeni Bir Madde Eklenmesine Dair Kanun") устанавливала срок тюремного заключения от одного года до трех лет и штраф в размере от 3000 лир до 12000 лир за нарушение статьи 311. Для избежания критики и негативных комментариев от СМИ правительство ввело запрет на обсуждение ограничений и решений, принятых командованием (Kösedağ, 2019, 492). Отдельные пункты закона также запрещали писать статьи, делать устные или письменные заявления и комментарии, которые вводят в заблуждение общественное мнение и оказывают влияние на заинтересованных лиц в отношении политических партий, рабочих и профессиональных организаций, политических деятелей, которые находятся под следствием и преследованием, до открытия публичного дела. 28 декабря 1982 года в Военное положение были внесены очередные радикальные изменения ("13/5/1971 Tarihli ve 1402 Sayılı Sıkıyönetim Kanununun Bazı Maddelerinin Değiştirilmesi Hakkında Kanun"), которые значительно расширяли возможности власти по

отношению к прессе. Те, кто в личных целях распространяли необоснованные, преувеличенные новости и информацию, вызывающую общественную тревогу и волнение, приговаривались к тюремному заключению на срок от 6 месяцев до 2 лет. Как видно из множества введенных в действие правовых норм, новая эра, начавшаяся в Турции с государственного переворота 1980 года, стала одним из самых мрачных этапов для турецкой прессы.

Тем не менее военное вмешательство 12 сентября 1980 г., которое можно оценить как совокупность нарастающей анархии, экономических проблем, политических тупиков, терроризма и десятков других проблем, которые не удавалось преодолеть по всей стране, было одобрено широким кругом людей, включая национальные и местные СМИ, и получило широкое освещение в прессе. 13 сентября 1980 года газета *Hürriyet* объявила о военной интервенции под заголовком «Последствия терроризма: продолжение пути Ататюрка Советом национальной безопасности» (*“Terörün Sonucu: Yönetim Milli Güvenlik Konseyinde Atatürk Yolunda Devam”*). В последствии, издание уделяло более пристальное внимание и лексике, используемой в статьях, избегая выражений, которые бы могли привести к неоднозначным реакциям. Таким образом, газета *Hürriyet* ни разу не использовала слово «задержание» в отношении членов политических партий, профсоюзных деятелей в дни после военной интервенции, с целью избежания ненужных полемик в обществе. 14 сентября газета опубликовала новость о необходимости демонтирования вывесок политических партий, и удаления написанных на

стенах лозунгах согласно декларации 12 сентября (*“İstanbul’da parti tabelaları indirildi”*). Примечательно то, «чистка», которая является приказом, в газете *Hürriyet* упоминается как праздник демократии. В новости под названием «Все, от мала до велика, моют стены» на главной странице *Hürriyet* от 18 сентября 1980 года говорится, что «во многих районах граждане потихоньку начали кампанию по уборке стен» (*“Genç, yaşlı herkes duvarları temizliyor”*). 15 сентября в газете появилась статья, в которой говорилось о начале нового дня и новой эры, когда «предатели, хулиганы, и все остальные силы, коррумпирующие демократию, были отброшены назад» – «Еще один гвоздь был забит в фундамент Турции Ататюрка» (*“Atatürk Türkiye’sinin temeline bir çivi daha çakıldı”*). Октай Экши, один из главных редакторов газеты, 17 сентября в своей статье призвал поддержать новую администрацию, заявив, что Турция вступила в режим полной политической реставрации, которая будет проводится согласно принципам Ататюрка (*“Basın Toplantısının İzlenimleri”*). Примерно через неделю после переворота на страницах газет стали чаще появляться новости о реализации программы экономической стабилизации и формировании нового правительства.

Газета *Milliyet* заявила, что приход армии к власти был положительно воспринят за рубежом (*“Ordunun yönetime gelmesi dışta olumlu karşılandı”*), а 14 сентября на первой странице была опубликована статья «Жизнь вернулась к нормальному порядку», в которой указывалось, что транспортная связь вновь начинает работать в прежнем режиме (*“Hayat normale*

döndü”). В другой публикации на той же странице было сделано краткое сравнение 12 сентября с военным переворотом 27 мая, указывая на то, что граждане должны верить в операцию и доверять военным, если хотят, чтобы Турция добилась успеха и вернулась к демократии. Отмечалось, что в стране, где каждый день «льется кровь, 12 сентября 1980 года стало первым за многие годы бескровным днем» (*“Demokrasi İçin, 12 Eylül’ün Başarısı Şarttır”*). Таким образом газета поддержала события 12 сентября, заявив, что ответственность за эти события лежит на представителях власти и народ должен спокойно следить за событиями и выполнять свои обязанности. Редактор Мустафы Истеми в своей статье отметил, что «теперь можно было свободно передвигаться в местах, куда не могли войти пресса, политики, а иногда и полиция...» и, хотя 11 сентября анархия была на пике и люди даже боялись выходить на улицу, 12 сентября, когда к власти пришли военные, анархия внезапно исчезла, и люди обрели мир и спокойствие (*“Kurtarılmış Bölgelerde Operasyonlar Sürdürülüyor”*).

Журналист Октай Акбал в газете *Cumhuriyet* охарактеризовал ситуацию, в которой находилась Турция, как экономический и политический тупик, и добавил, что теперь открылся новый этап, когда будут «сделаны передовые шаги на пути к революционной демократии» (*“Yeni Bir Tarih Yaprağı”*). Редактор Угур Мумджу в своей колонке под названием «Отныне» утверждает, что процесс военного вмешательства в администрацию начался с переходом Турции к многопартийной системе. Он пояснил, что Джемаль Гюрсель и командование

12 марта подарили стране гражданскую администрацию, но политики не смогли воспользоваться этой возможностью (*“Bundan Sonra”*). Вспоминая историю Турции 27 мая и 12 марта в другой колонке, Мумку заявляет, что 12 сентября отличается от двух других переворотов. В своей статье в поддержку 12 сентября он заявил, что тяжелая депрессия, пережитая в Турции, привела к такому результату, ведь «там, где есть терроризм, невозможно говорить о Конституции, правовом государстве, свободных выборах и независимой судебной власти. В странах, где царит терроризм, Конституция не что иное, как клочок бумаги, а парламент не что иное, как груда камней...» (*“Terörsüz Özgürlük”*).

Анализ публикаций в газетах *Hürriyet*, *Milliyet* и *Cumhuriyet*, посвященных военному перевороту 1980 года, показал значительную схожесть в их медиа-репрезентации событий, несмотря на некоторые различия в акцентах. Все три издания описывают военное вмешательство как что-то неизбежное и необходимое для восстановления порядка и мира в стране. Редакторы неоднократно использовали апелляцию к авторитету, упоминая в своих публикаций Ататюрка и его идеи становления государства, формируя таким образом картину, где военная администрация выступает приемником первого президента Республики Турция. Также сравнения общественной обстановки до переворота и после с помощью различных эмоционально-окрашенных словосочетаний воспринимается читателями как разделение жизни на до и после: хаос, смерть сменились тишиной и спокойствием. Это может свидетельствовать о давлении со стороны военного режима и ограниче-

ниях свободы прессы в тот период. Редакторами неоднократно отмечалось, что переворот был проведён очень грамотно и без применения насилия и жестокости. Однако вскоре пресса столкнулась с обратной стороной администрации 12 сентября, когда авторам начали грозить штрафами, закрытием изданий и арестами, при публикации статей с критикой правительства и переворота. В результате складывалось впечатление, что военная интервенция не критиковалась никем, пока авторы, публикующие редкие, но все же негативные комментарии подвергались арестам.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением анализа медиадискурса военного переворота 1980 года на другие турецкие СМИ того периода, включая региональные газеты и журналы, что позволит выявить более широкий спектр интерпретаций и стратегий подачи информации. Также представляется актуальным исследование визуального и аудиовизуального контента, а не только текстовых публикаций, для понимания комплексного медиапредставления переворота. Лингвокогнитивный подход может быть применён к изучению влияния медиадискурса на формирование коллективной памяти и исторических нарративов в Турции, а сравнительно-сопоставительный анализ с освещением аналогичных политических кризисов в других странах поможет выявить универсальные и локальные механизмы медиа-влияния. Дополнительно перспективным направлением является исследование долгосрочных последствий медиафрейминга для общественного восприятия армии, политических институтов и демократии.

Список литературы | References

1. Йылмаз Э.Р., Магдеев Р.Р. «Метафоры с лексемой «goz» в заголовках турецких СМИ». Современные востоковедческие исследования. 2025; Том 7 (4). С. 39-48.
2. Ahmad F. The making of modern Turkey. London: Routledge, 1993. URL: <https://archive.org/details/makingofmoderntu00-ahma/mode/2up> (дата обращения: 28.01.2026)
3. 1402 Sayılı Sıkıyönetim Kanununun Bazı Hükümlerinin Değiştirilmesine ve Bazı Hükümler Eklenmesine Dair Kanun. T. C. Resmî gazete. 1980. 21 Eylül (№17112). S. 1. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/17112.pdf> (дата обращения: 28.01.2026)
4. Ceza Muhakemeleri Usulü Kanununun Bazı Maddelerinin Değiştirilmesine ve Kanuna Yeni Bir Madde Eklenmesine Dair Kanun. T. C. Resmî gazete. 1981. 10 Ocak (№17216). S. 6. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/17216.pdf> (дата обращения: 28.01.2026)
5. Köseadağ M. S. Sıkıyönetim Dönemlerinde Türk Basını. Selçuk İletişim. 2019. №12(1). S. 475-501. URL: <https://goo.su/01hzi> (дата обращения: 28.01.2026)
6. 13/5/1971 Tarihli ve 1402 Sayılı Sıkıyönetim Kanununun Bazı Maddelerinin Değiştirilmesi Hakkında Kanun. T. C. Resmî gazete. 1982. 30 Aralık (№17914). S. 1- 2. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/17914.pdf> (дата обращения: 28.01.2026)

7. Terörün Sonucu: Yönetim Milli Güvenlik Konseyinde Atatürk Yolunda Devam. Hürriyet. 1980. 13 Eylül (№11648). S. 1. URL: <https://www.anakitap.com/13-eylul-1980-hurriyet-gunluk-mustakil-siyasi-gazete> (дата обращения: 28.01.2026)
8. İstanbul'da parti tabelaları indirildi. Hürriyet. 1980. 14 Eylül (№11649). S. 1. URL: <https://goo.su/8jL8T> (дата обращения: 28.01.2026)
9. Genç, yaşlı herkes duvarları temizliyor. Hürriyet. 1980. 18 Eylül (№11653). S. 1. URL: <https://satis.hurriyet.com.tr/DateSelect.aspx?catid=1&pid=1> (дата обращения: 28.01.2026)
10. Atatürk Türkiye'sinin temeline bir çivi daha çakıldı. Hürriyet. 1980. 15 Eylül (№11650). S. 1. URL: https://www.kitantik.com/product/HURRIYET-GAZETESI-15-EYLUL-1980-PAZARTESI-YIL-33-SAYI-11650-Demirell-ve-Ecevit-burada-kalıyor_0z8kgljt63x98dv1wxi (дата обращения: 28.01.2026)
11. Ekşi O. Basın Toplantısının İzlenimleri. Hürriyet. 1980. 17 Eylül (№11652). S. 3. URL: https://www.kitantik.com/product/17-eylul-1980-carsamba-hurriyet-gazetesi-ic-sayfalari-mevcuttur_1br9qfwl62qxnei1579 (дата обращения: 28.01.2026)
12. Ordunun yönetime gelmesi dışta olumlu karşılandı. Milliyet. 1980. 13 Eylül (№11808). S. 1. URL: <https://gazetearsivi.milliyet.com.tr/liste?tarikh=1980.09.13> (дата обращения: 28.01.2026)
13. Hayat normale döndü. Milliyet. 1980. 14 Eylül (№11809). S. 1. URL: <https://gazetearsivi.milliyet.com.tr/liste?tarikh=1980.09.14> (дата обращения: 28.01.2026)
14. Demokrasi İçin, '12 Eylül'ün Başarısı Şarttır. Milliyet. 1980. 14 Eylül (№11809). S. 1. URL: <https://gazetearsivi.milliyet.com.tr/liste?tarikh=1980.09.14> (дата обращения: 28.01.2026)
15. İstemi M. Kurtarılmış Bölgelerde Operasyonlar Sürdürülüyor. Milliyet. 1980. 15 Eylül (№11810). S. 4. URL: <https://gazetearsivi.milliyet.com.tr/liste?tarikh=1980.09.15> (дата обращения: 28.01.2026)
16. Akbal O. Yeni Bir Tarih Yaprığı. Cumhuriyet. 1980. 13 Eylül (№20164). S. 2. URL: <https://egazete.cumhuriyet.com.tr/oku/192/1980-09-13/0> (дата обращения: 28.01.2026)
17. Mumcu U. Bundan Sonra. Cumhuriyet. 1980. 14 Eylül (№20165). S. 1-7. URL: <https://egazete.cumhuriyet.com.tr/oku/192/1980-09-14/0> (дата обращения: 28.01.2026)
18. Mumcu U. Terörsüz Özgürlük. Cumhuriyet. 1980. 15 Eylül (№20166). S. 1-5. URL: <https://egazete.cumhuriyet.com.tr/oku/192/1980-09-15/0> (дата обращения: 28.01.2026)

Сведения об авторах

Хабибуллина Эльмира Камильевна

Доктор филологических наук, доцент,
кафедра алтаистики, тюркологии и цен-
тральноазиатских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Россия
minabova@mail.ru

Фатыхова Алися Мунировна,

Свободный исследователь
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Россия
afatyhowa@gmail.com

Information about the article

The article was submitted: 15.01.2026

Approved after reviewing: 15.01.2026

Accepted for publication: 15.01.2026

Information about the authors

Khabibullina Elmira Kamilevna

PhD in Philology, Associate Professor, De-
partment of Altaic, Turkic and Central Asian
Studies
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
minabova@mail.ru

Fatyhova Alisya Munirovna

Free researcher, Kazan, Russia
afatyhowa@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.01.2026

Принята к публикации: 15.01.2026

Verbs with Locative Valence in Teaching Chinese:

A Semantic-Syntactic Approach

Глаголы с валентностью места в преподавании
китайского языка: семантико-синтаксический подходУДК 811.581.11 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-60-71](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-60-71)*Холкина Лилия Сергеевна**Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия**kholkina.liliya@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0001-9602-539X>**Liliya S. Kholkina**Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
kholkina.liliya@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0001-9602-539X>*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме усвоения локативной конструкции с предлогом 在 *zài* в китайском языке русскоязычными студентами. Цель работы — обосновать семантический подход к объяснению позиции локативной конструкции в предложении с учетом валентностных свойств глагола. Материалом исследования послужили лексикографические источники, корпусные примеры и типичные ошибки студентов. Применяются методы семантического и синтаксического анализа, сопоставительный метод, обобщение педагогического опыта. В статье показано, что выбор препозитивной (在 *zài* + место + глагол) или постпозитивной (глагол + 在 *zài* + место) конструкции определяется семантическим типом глагола: глаголы действия (работать, есть) требуют препозиции, локативные глаголы

ABSTRACT. The article addresses the problem of teaching the locative construction with the preposition 在 *zài* in Chinese to Russian-speaking students, which is complicated by native language interference. The aim of the work is to substantiate a semantic approach to explaining the position of the locative construction in a sentence, taking into account the valency properties of the verb. The research material includes lexicographic sources, corpus examples, and typical student errors. The study employs methods of semantic and syntactic analysis, the comparative method, and the synthesis of pedagogical experience. It is shown that the choice between the prepositional (在 *zài* + place + verb) and postpositional (verb + 在 *zài* + place) construction is determined by the semantic type of the verb: action verbs (to work, to eat) require preposition, while locative verbs

(сидеть, класть) — постпозиции. Внутри класса локативных глаголов предложено разграничение стативных (жить, лежать) и динамических (класть, парковать), что позволяет объяснить вариативность порядка слов в зависимости от коммуникативного акцента. В статье предлагается поэтапная система упражнений и мнемонических приемов, направленная на формирование устойчивого навыка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преподавание китайского языка, валентность глагола, локативная конструкция, предлог 在 *zài*, семантическая классификация глаголов, интерференция, глаголы действия, локативные глаголы, порядок слов

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Холкина Л.С. Глаголы с валентностью места в преподавании китайского языка: семантико-синтаксический подход. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 60-71 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-60-71>

(to sit, to put) require postposition. Within the class of locative verbs, a distinction is proposed between stative (to live, to lie) and dynamic (to put, to park) verbs, which explains word order variability depending on the communicative focus — whether the emphasis is on the location of the action or its result. The article offers a step-by-step system of exercises and mnemonic techniques aimed at developing a stable linguistic skill.

KEYWORDS: teaching Chinese as a foreign language, verb valency, locative construction, preposition 在 *zài*, semantic classification of verbs, interference, action verbs, locative verbs, Chinese word order

FOR CITATION: Kholkina L.S. Verbs with Locative Valence in Teaching Chinese: A Semantic-Syntactic Approach. *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 60-71 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-60-71>

1. Введение

Преподавание китайского языка как иностранного сталкивается с рядом методических вызовов, связанных с его типологическими особенностями. Будучи языком изолирующего строя с очень бедной морфологией, китайский язык переносит основную нагрузку на синтаксис и семантику. Ключевыми средствами выражения грамматических значений здесь выступают порядок слов и служебные слова. При этом синтаксические структуры относительно легко поддаются формальному описанию,

и именно с них традиционно начинается обучение, а семантические механизмы, определяющие выбор той или иной структуры, зачастую остаются вне поля зрения преподавателей и студентов, их значение остается недооцененным.

Между тем для правильного построения высказывания и выбора соответствующей синтаксической структуры необходимо учитывать семантику лексических единиц и их валентностные свойства. Под валентностью понимается способность глагола сочетаться с определенными типами зависимых слов, семантически

обязательных для реализации данного значения (Кацнельсон 1987). В китайском языке валентностные свойства проявляются особенно отчетливо: глагол «требуется» определенного синтаксического окружения, и если это окружение не предоставлено, высказывание воспринимается как неполное или незавершенное (Тань 2002; Юань 2010). Ср. 我放书 *Wǒ fàng shū* 'Я кладу книгу' — данная фраза ощущается как незаконченная, поскольку глагол 放 *fàng* 'класть' требует указания места. Чтобы высказывание звучало естественно, требуется заполнение валентности места, например, конструкцией 在桌子上 *zài zhuōzi shàng* 'на стол'. При этом с синтаксической точки зрения данная конструкция может занимать как препозицию, так и постпозицию по отношению к глаголу, а конкретный выбор связан с семантикой глагола и целью высказывания (Линь, Сяо 2018; Линь 2012). Это делает ее хорошим примером, на котором мы продемонстрируем важность введения семантической классификации глаголов в практику преподавания китайского языка.

2. Локативная конструкция с предлогом 在 *zài* в преподавании

Конструкция с предлогом 在 *zài* для выражения локативных отношений вводится на самых ранних этапах обучения. Здесь преподаватели часто сталкиваются с устойчивой и трудно преодолимой ошибкой, обусловленной интерференцией родного языка. Студенты, находящиеся под влиянием русской модели «глагол + в + место», строят фразы по аналогии:

- (1) а. *我工作在银行。 *Wǒ gōngzuò zài yínháng*. 'Я работаю в банке'.

б. *他吃饭在餐厅。 *Tā chīfàn zài cāntīng*. 'Он ест в ресторане'.

с. *我们见面在公园。 *Wǒmen jiànmiàn zài gōngyuán*. 'Мы встречаемся в парке'.

Все эти примеры представляют собой прямую синтаксическую кальку с русского языка и являются грамматически некорректными в китайском. Правильным вариантом является препозиция обстоятельства места:

(2) а. 我在银行工作。 *Wǒ zài yínháng gōngzuò*. 'Я работаю в банке'.

б. 他在餐厅吃饭。 *Tā zài cāntīng chīfàn*. 'Он ест в ресторане'.

с. 我们在公园见面。 *Wǒmen zài gōngyuán jiànmiàn*. 'Мы встречаемся в парке'.

Таким образом, на начальном этапе формулируется и отрабатывается простое и, казалось бы, универсальное правило: обстоятельство места в виде конструкции 在 *zài* + место в китайском языке ставится перед глаголом. Это чисто синтаксическое требование, связанное с жестким порядком слов в китайском языке, и его отработке и закреплению обязательно уделяется большое внимание. Однако вскоре студенты встречают примеры, нарушающие это правило:

(3) а. 我坐在椅子上。 *Wǒ zuò zài yǐzi shàng*. 'Я сижу на стуле'.

б. 他站在门口。 *Tā zhàn zài ménkǒu*. 'Он стоит у двери'.

с. 她躺在床上。 *Tā tǎng zài chuáng shàng*. 'Она лежит на кровати'.

Здесь рассматриваемая конструкция следует за глаголом. Формальное синтаксическое

объяснение, согласно которому конструкция в **zài + место** является в таких случаях не обстоятельством, которое всегда располагается в препозиции к глаголу, а дополнительным элементом результата, находящемся после него, фиксирует явление, но не раскрывает его причин. Студент не получает инструмента для самостоятельного выбора конструкции.

Ключ к решению этой проблемы лежит в области семантики — в смысловой классификации самих глаголов (Линь, Сяо 2018). Сопоставление групп примеров (2) и (3) выявляет отчетливое различие между глаголами, определяющее их синтаксическое поведение. К первой группе относятся глаголы, обозначающие деятельность, не требующую обязательной пространственной привязки: 工作 *gōngzuò* 'работать', 学习 *xiuéxí* 'учиться', 吃 *chī* 'есть', 见面 *jiànmiàn* 'встречаться'. Для этих глаголов указание на место является факультативным обстоятельством — дополнительной информацией, которая может присутствовать или отсутствовать без ущерба для смысловой полноты высказывания. Действие может происходить где угодно, и место его протекания не входит в число семантически обязательных участников ситуации. Локативная конструкция в этом случае ставится в препозицию к глаголу.

Во вторую группу входят глаголы, для которых место выступает обязательным компонентом значения (локативные). Они обозначают положение в пространстве: 坐 *zuò* 'сидеть', 站 *zhàn* 'стоять', 躺 *tǎng* 'лежать', или размещение объекта: 放 *fàng* 'класть', 停 *tíng* 'ставить, парковать'. Без указания места смысл таких

глаголов оказывается неполным: нельзя просто «сидеть» — нужно сидеть «где-то»; нельзя просто «класть» — нужно класть «куда-то». Место здесь выступает не как обстоятельство при действии, а как неотъемлемый участник ситуации, заполняющий обязательную семантическую валентность глагола и находящийся в постпозиции к глаголу.

Важно подчеркнуть, что данное противопоставление является языковым, а не отражающим реальное положение дел. В объективной действительности любое действие происходит в каком-то месте, однако языки по-разному кодируют эту информацию: в одних случаях место осмысляется как факультативный фон, в других — как обязательный участник. Для китайского языка, с его жестким порядком слов и отсутствием морфологии, это различие оказывается грамматически значимым и проявляется в позиции предложной конструкции: факультативное обстоятельство ставится перед глаголом, обязательная валентность — после него. Отработка этого противопоставления решает большую часть проблем, которые возникают с выбором правильного места для постановки локативной конструкции.

3. Стативные и динамические локативные глаголы

При более внимательном рассмотрении внутри класса локативных глаголов можно выделить два подкласса, демонстрирующих разное синтаксическое поведение — стативные и динамические. Аналогичная классификация, разделяющая глаголы на обозначающие действие (动作动词) и обозначающие состояние

(状态动词), приводится во многих учебных и справочных пособиях по китайскому языку (Liu 2008, Ивченко 2022).

Стативные локативные глаголы описывают состояние или положение в пространстве. К ним относятся такие глаголы, как 住 *zhù* 'жить', 躺 *tǎng* 'лежать', 坐 *zuò* 'сидеть' (в значении состояния). Для этих глаголов конструкция **глагол + 在 *zài* + место** является основной и фактически единственной в нейтральном контексте. Так, фраза 我住在莫斯科 *Wǒ zhù zài Mòsīkē* 'Я живу в Москве' представляет собой естественную констатацию факта без каких-либо дополнительных оттенков. Вариант с препозицией обстоятельства — 我在莫斯科住 *Wǒ zài Mòsīkē zhù* — хотя и является грамматически возможным, воспринимается как маркированный и неестественный, если речь идет просто о месте проживания. Такая конструкция уместна лишь в особых контекстах, например, при сравнении или противопоставлении: 在莫斯科住, 还是在北京住? *Zài Mòsīkē zhù, háishì zài Běijīng zhù?* 'В Москве жить или в Пекине?' Здесь вынесение места в препозицию создает акцент на выборе между двумя локациями. Другой случай — употребление при обсуждении будущего или временного места жительства: 你在哪儿住? *Nǐ zài nǎr zhù?* может означать 'А где ты собираешься жить? Где останешься?' в ситуации, когда речь идет о предстоящем переезде или выборе. Обычный же вопрос о месте жительства будет звучать как 你住哪儿? *Nǐ zhù zài nǎr?*

Динамические локативные глаголы, напротив, описывают действие по перемеще-

нию или размещению объекта. К ним относятся глаголы 停 *tíng* 'ставить, парковать', 放 *fàng* 'класть', 挂 *guà* 'вешать'. Эти глаголы допускают обе конструкции, и выбор между ними определяется коммуникативным намерением говорящего. Конструкция **在 *zài* + место + глагол** делает акцент на самом месте совершения действия. Конструкция **глагол + 在 *zài* + место** акцентирует результат действия — конечную локализацию объекта. Рассмотрим подробнее, как смысловой акцент влияет на выбор порядка слов на примере конкретных глаголов.

Для глагола 停车 *tíng chē* 'парковаться' возможны оба варианта. В ситуации, когда водитель ищет место для парковки и пассажир указывает на конкретное свободное место, уместна фраза 请在这里停车 *Qǐng zài zhèlǐ tíng chē* 'Пожалуйста, остановите машину здесь'. Акцент здесь на месте — именно здесь нужно совершить действие. Если же маневр парковки уже начался и пассажир указывает на конечную точку, естественнее прозвучит 请停在这里 *Qǐng tíng zài zhèlǐ* 'Пожалуйста, припаркуйся здесь', где акцент смещается на результат — машина должна оказаться именно в этой точке.

Аналогичное противопоставление наблюдается у глагола 放 *fàng* 'класть'. Если у человека заняты руки и ему предлагают временно освободить их, поставив сумку на стол, используется конструкция с акцентом на месте: 在桌子上放一下你的包 *Zài zhuōzi shàng fàng yíxià nǐ de bāo* 'На стол положи свою сумку на время'. Если же человек пришел в гости и хозяин указывает, куда определить вещи, уместна конструкция

с акцентом на результате: 把包放在桌子上 *Bǎ bāo fàng zài zhuōzi shàng* 'Положи сумку на стол', где важно именно конечное положение предмета.

Для глагола 坐 *zuò* 'сидеть' также возможны оба варианта. При рассаживании гостей и указании на конкретные места используется конструкция 客人, 请在这里坐 *Kèrén, qǐng zài zhèlǐ zuò* 'Гости, присаживайтесь, пожалуйста, здесь' — акцент на месте. Когда же говорящий хочет, чтобы собеседник сел рядом с ним, естественнее звучит 请坐在我旁边 *Qǐng zuò zài wǒ pángbiān* 'Сядьте рядом со мной' — акцент на результате, на конечном положении человека.

Таким образом, противопоставление стативных и динамических локативных глаголов позволяет объяснить, почему одни локативные глаголы жестко требуют постпозиции локативной конструкции, а другие допускают вариативность. Для динамических глаголов выбор конструкции становится осмысленным и мотивированным коммуникативной задачей говорящего. Студент, понимающий это различие, получает возможность не просто заучивать правила, а осознанно выбирать порядок слов в зависимости от того, что он хочет выделить в своем высказывании — место совершения действия или его результат.

4. Педагогическая реализация

Внедрение предложенной семантической классификации глаголов в учебный процесс требует продуманной поэтапной стратегии, учитывающей постепенное накопление лексического материала, последовательное усложне-

ние вводимых понятий и общий уровень лингвистической подготовки студентов.

На начальном этапе обучения, когда осваиваются базовые синтаксические конструкции, вводится принцип жесткого порядка слов и препозиции обстоятельства места в китайском языке. В дальнейшем, при появлении в материалах уроков результативных конструкций, целесообразно вернуться к обстоятельствам места, закрепить их употребление и ввести противопоставление двух классов глаголов. Первый класс — глаголы действия, такие как 工作 *gōngzuò* 'работать', 学习 *xiuéxí* 'учиться', 吃 *chī* 'есть', 见面 *jiànmiàn* 'встречаться'. Для них работает уже изученное правило: обстоятельство места ставится перед глаголом по схеме **在 zài + место + глагол**. Второй класс — локативные глаголы, такие как 坐 *zuò* 'сидеть', 站 *zhàn* 'стоять', 躺 *tǎng* 'лежать', 放 *fàng* 'класть', 住 *zhù* 'жить'. Для них вводится правило: указание места следует после глагола по схеме **глагол + 在 zài + место**. Важно подчеркнуть, что это противопоставление объясняется не произвольными синтаксическими предписаниями, а семантикой самих глаголов: для глаголов действия место — факультативная информация, для локативных глаголов — обязательная часть смысла.

После отработки этого базового противопоставления, для студентов лингвистических и филологических специальностей возможно введение более тонкого различия внутри класса локативных глаголов, их разделение на стативные и динамические. Для стативных глаголов, таких как 住 *zhù* 'жить' и 躺 *tǎng* 'лежать',

закрепляется понимание того, что конструкция **глагол + 在 zài + место** является для них основной и в нейтральном контексте единственно возможной. При этом показывается, что в особых ситуациях — при сравнении, противопоставлении, обсуждении будущего — возможен и вариант с препозицией места, но он является маркированным и употребляется ограниченно.

Для динамических глаголов, таких как 挂 guà ‘вешать’ и 放 fàng ‘класть’, объясняется, что они допускают обе конструкции, и выбор между ними зависит от того, что говорящий хочет подчеркнуть. Вводится понятие коммуникативного акцента. Конструкция **在 zài + место + глагол** выбирается, когда важно указать на место совершения действия. Конструкция **глагол + 在 zài + место** выбирается, когда важен

результат — конечная локализация объекта после совершения действия.

Практическая отработка материала должна включать не только упражнения на подстановку правильной конструкции, но и задания на осознанный выбор в зависимости от контекста и коммуникативной задачи. Полезно предлагать студентам ситуации, в которых один и тот же глагол может употребляться в обеих конструкциях, и просить объяснить, как изменится смысл высказывания при выборе того или иного варианта.

Для облегчения запоминания и систематизации материала можно предложить следующую таблицу, обобщающую основные закономерности:

Тип глаголов	Конструкция	Коммуникативная ситуация
Глаголы действия	在 zài + место + глагол	Описание места совершения действия
Стативные локативные глаголы	глагол + 在 zài + место	Описание состояния или местонахождения
Динамические локативные глаголы	在 zài + место + глагол	Вежливое приглашение, указание на место
	глагол + 在 zài + место	Указание на конечное положение

Табл. 1. Выбор позиции локативной конструкции в китайском языке

Table 1. Choice of locative construction position in Chinese

5. Система упражнений: от осознания к автоматизации

Для того чтобы семантическая классификация глаголов из теоретического знания пре-

вратилась в устойчивый речевой навык, необходима продуманная система упражнений. Предлагаемая методика строится на постепенном движении от пассивного анализа к активному

творческому использованию конструкций и учитывает психолингвистические особенности усвоения грамматики взрослыми учащимися. Упражнения на различение семантических типов глаголов целесообразно начинать проводить после того, как закреплена базовая схема с препозицией обстоятельства места в китайском языке.

5.1. Подготовительный этап: визуализация

На первом этапе студент не конструирует фразы самостоятельно, а учится видеть разницу между типами глаголов. Основная задача — сформировать у учащегося устойчивую ассоциацию: «глаголы действия — место впереди», «локативные глаголы — место позади».

Упражнение 1. «Сортировка» (работа в парах или группах).

Студентам раздаются карточки, на каждой из которых написан глагол на русском и китайском языке: работать (工作 gōngzuò), лежать (躺 tǎng), учиться (学习 xuéxí), класть (放 fàng), жить (住 zhù), встречаться (见面 jiànmiàn), сидеть (坐 zuò), есть (吃 chī) и т.п.

Задание: разложить карточки на две группы. Первая группа — глаголы, которые «дружат» с вопросом ГДЕ? в начале предложения (где работаешь? — в банке). Вторая группа — глаголы, которые «требуют» ответа на вопрос КУДА? или ГДЕ? в конце (куда положил? — на стол; где сидишь? — на стуле). Важно, чтобы студенты не просто механически разделили слова, но и попытались сформулировать, поче-

му они так решили, опираясь на интуитивное понимание смысла.

Упражнение 2. «Визуальный диктант».

Преподаватель показывает фотографии или рисунки. Например, человек работает в офисе (подпись: 在办公室工作 *zài bàngōngshì gōngzuò*), человек лежит на диване (подпись: 躺在沙发上 *tǎng zài shāfā shàng*) и т.п.

Задание: Посмотрите на изображение и запишите предложение по-китайски, правильно располагая конструкцию с 在 *zài*. Как вы думаете, почему она иногда стоит перед глаголом, иногда после? Студенты должны соотнести ответ на этот вопрос с семантическим типом глагола — действия или локативный.

5.2. Тренировочный этап: работа в контролируемых условиях

Когда базовое противопоставление усвоено, можно переходить к полусамостоятельному конструированию фраз.

Упражнение 3. «Восстанови порядок слов / Паровозик».¹

Даны слова в произвольном порядке. Студент должен составить грамматически верное предложение, выбрав правильную позицию для обстоятельства места.

Набор А: 我, 银行, 工作, 在 → 我在银行工作。 *Wǒ zài yínháng gōngzuò.*

Набор Б: 我, 沙发, 躺, 在 → 我躺在沙发上。 *Wǒ tǎng zài shāfā shàng. u m.đ.*

¹ В зависимости от возраста группы возможна также игра, когда каждый студент получает слово, и они должны выстроиться в правильном порядке для создания предложения, как в (Рукодельникова и др., 2025).

Упражнение 4. «Выбери конструкцию по контексту» (микродиалоги).

Студентам предлагается закончить диалог, выбрав правильный вариант из двух предложенных. Диалоги также должны способствовать пониманию учащимся ситуативного контекста каждого предложения (реплики). На данном этапе для групп более высокого уровня возможно введение различия между стативными и динамическими локативными глаголами и выбор оптимального порядка слов в зависимости от цели высказывания.

5.3. Продуктивный этап: коммуникативные игры

На высшем этапе студенты используют конструкции в спонтанной речи, решая практические задачи. Ошибки на этом этапе анализируются не как «нарушение правила порядка слов», а как «несоответствие смысла вашему замыслу».

5.4. Мнемонические приемы

Для студентов, которым сложно удерживать в голове классификацию, можно предложить простые визуально-двигательные ассоциации. Они не являются строгим лингвистическим правилом, но помогают на этапе формирования навыка.

1) **Правило «Паровозик» (для глаголов действия):** Вагончик с местом (где?) всегда цепляется спереди к вагончику-глаголу. Место — это фон, на котором происходит действие: 在 银行 *zài yínháng* + 工作 *gōngzuò*.

2) **Правило «Магнит» (для статических**

локативных глаголов): Глаголы типа 坐 *zuò*, 躺 *tǎng*, 住 *zhù* — это магниты. Они притягивают место к себе, оно не может оторваться и уйти вперед. Поэтому: 坐 *zuò* + 在椅子上 *zài yǐzi shàng*, 躺 *tǎng* + 在床上 *zài chuáng shàng*.

3) **Правило «Стрелочка» (для динамических глаголов):** Если мы показываем пальцем на карту и говорим «Здесь остановись» — стрелка сначала указывает на место, потом на действие (在这里 *zài zhèlǐ* + 停 *tíng*).

Если мы уже прибыли на место и говорим «Я припарковался здесь» — стрелка показывает что действие уже позади, а место-результат — в конце (停 *tíng* + 在这里 *zài zhèlǐ*).

Предложенная поэтапная система упражнений позволяет сначала закрепить базовое противопоставление, а потом перейти к переключению между конструкциями в зависимости от коммуникативной задачи. Это постепенно формирует у учащихся объемное видение китайской грамматики, что особенно важно для перехода на продвинутый уровень владения языком.

6. Заключение

Проведенный анализ подтверждает, что объяснение синтаксических конструкций с предлогом 在 *zài* требует последовательного учета семантики глагола. В изолирующем языке именно валентностные характеристики лексических единиц предопределяют синтаксическую структуру высказывания. Формальное описание, игнорирующее этот фактор, не позволяет учащимся выстроить системное представление о языковых закономерностях.

Педагогическая ценность предложенного подхода заключается в следующем: студенты овладевают не разрозненными правилами, а логичной системой, где выбор конструкции мотивирован семантикой глагола и коммуникативной задачей. Это не только предупреждает типичные ошибки интерференции, но и создает основу для освоения сложных грамматических явлений, как, например, конструкций с 把 bǎ и 被 bèi.

В более широкой перспективе принцип учета семантических валентностей применим ко многим трудным для русскоязычных студентов темам, поскольку за формальными синтаксическими различиями всегда стоят семантические особенности глагола. Таким образом, семантическая классификация глаголов с валентностью на место, введенная на начальном этапе, не просто усложняет материал, а дает студентам эффективный инструмент для осознанного овладения грамматикой китайского языка.

Список литературы

1. Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности. Вопросы языкознания. 1987; № 3. С. 20-32.
2. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). Москва: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
3. Юань Юйлинь (袁毓林). Исследования грамматики валентности (汉语配价语法研究). Пекин: Коммерческое издательство, 2010. (на кит. яз.)
4. Линь Чунь (林春), Сяо Юньнань (肖云南). Семантический анализ структуры «китайский глагол + "在" + локатив» и ограничения на конструкционные трансформации (Semantic Feature Analysis of "Chinese Verbs and 'Zai Plus Locative' Structure" and the Constraints on Constructional Transformation). In: Proceedings of the 5th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2018). Atlantis Press, 2018. P. 467-478. (на англ. яз.)
5. Линь Хуэйчжэнь (林慧珍). Сопоставительный анализ конструкции «在 + место» в современном китайском языке и соответствующих форм в современном тайском языке с применением в преподавании (現代漢語「在+處所詞」與現代泰語相應形式之比較分析及教學應用): дис. ... канд. филол. наук. Тайбэй: Национальный Тайваньский педагогический университет,

2012. 185 с. (на кит. яз.)

2018, pp. 467-478. (In Eng.)

6. Liu Xun (刘珣). *A Practical Chinese Grammar for Foreigners (with Workbook)* (外国人实用汉语语法). Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2008. (на кит. и англ. яз.)
7. Ивченко Т.В. *Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах*. Москва: АСТ, 2022.
8. Рукодельникова М.Б., Салазанова О.А., Холкина Л.С., Ли Тао. *Китайский язык*. Москва: Просвещение, 2025. (Путь к мастерству).

5. Lin Huizhen. *A Comparative Analysis of the "Zai + Location" Construction in Modern Chinese and Corresponding Forms in Modern Thai with Applications in Teaching* (現代漢語「在+處所詞」與現代泰語相應形式之比較分析及教學應用). PhD diss. Taipei: National Taiwan Normal University, 2012. 185 p. (In Chin.)
6. Liu Xun. *A Practical Chinese Grammar for Foreigners (with Workbook)* (外国人实用汉语语法). Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2008. (In Chin. and Eng.)
7. Ivchenko T.V. *Chinese Language. Complete Grammar in Diagrams and Tables*. Moscow: AST, 2022. (In Russ.)
8. Rukodelnikova M.B., Salazanova O.A., Kholkina L.S., Li Tao. *Chinese Language*. Moscow: Prosveshchenie, 2025. (The Path to Mastery). (In Russ.)

References

1. Katsnel'son S.D. On the Concept of Valency Types. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*. 1987; No. 3, pp. 20-32. (In Russ.)
2. Tan Aoshuang. *Problems of Hidden Grammar: Syntax, Semantics and Pragmatics of an Isolating Language (a Case Study of Chinese)*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 896 p. (In Russ.)
3. Yuan Yulin. *Studies on Valency Grammar* (汉语配价语法研究). Beijing: The Commercial Press, 2010. (In Chin.)
4. Lin Chun, Xiao Yunnan. Semantic Feature Analysis of "Chinese Verbs and 'Zai Plus Locative' Structure" and the Constraints on Constructional Transformation. In: *Proceedings of the 5th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2018)*. Atlantis Press,

Сведения об авторе

Холкина Лилия Сергеевна,

К.ф.н., Ph.D., доцент, старший научный сотрудник

УНЦ Компьютерной лингвистики, Институт лингвистики РГГУ

Москва, Миусская площадь, 6с6

kholkina.liliya@yandex.ru

Information about the author

Liliya S. Kholkina

Cand. Sci. (Philology), Ph.D., Associate Professor,
Senior Researcher

Research and Educational Center for Computational
Linguistics, Institute of Linguistics

Russian State University for the Humanities

6b6 Miusskaya Square, Moscow, Russia

kholkina.liliya@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.02.2026

Одобрена после рецензирования: 20.02.2026

Принята к публикации: 25.02.2026

Information about the article

The article was submitted: 10.02.2026

Approved after reviewing: 20.02.2026

Accepted for publication: 25.02.2026

Features of the Development of Inclusive Education

in South Korea in 20th-21st Centuries

Особенности развития инклюзивного образования

в Южной Корее в XX-XXI вв.

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-72-85](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-72-85)

Хренов Валентин Валерьевич¹

Чернякова София Сергеевна²

¹Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.
Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

²ООО «Support Desk Technologies»,
Сергиев Посад, Московская обл., Россия

²<https://orcid.org/0009-0007-1234-2533>

Автор, ответственный за переписку:
val-khrenov@yandex.ru

Valentin V. Khrenov¹

Sofia S. Chernyakova²

¹Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

¹<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

²Support Desk Technologies Ltd,
Sergiyev Posad, Moscow Oblast, Russia

²<https://orcid.org/0009-0007-1234-2533>

Corresponding author:
val-khrenov@yandex.ru

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования является процесс становления и развития инклюзивного образования в Республике Корея в XX-XXI вв.

Актуальность темы данной статьи определяется тем, что инклюзивное образование в Южной Корее представляет собой комплексную и динамично развивающуюся систему, основанную на принципах равных возможностей и доступности для всех категорий учащихся. Центральным элементом этой системы является подготовка квалифицированных педагогических кадров, способных эффективно работать

ABSTRACT. The subject of the study is the process of formation and development of inclusive education in the Republic of Korea in the 20th-21st centuries. The relevance of the topic of this article is determined by the fact that inclusive education in South Korea is a complex and dynamically developing system based on the principles of equal opportunities and accessibility for all categories of students. The central element of this system is the training of qualified teaching staff who are able to work effectively with children with different educational needs. Starting in 2022, all pedagogical universities in the Republic of Korea must include

с детьми, имеющими различные образовательные потребности. Начиная с 2022 года все педагогические университеты Республики Корея должны включать в свои учебные программы обязательный курс по основам инклюзивного образования, что стало ответом на растущую потребность в специалистах, владеющих современными методиками работы в инклюзивной среде. Данный курс охватывает широкий спектр вопросов — от психолого-педагогических особенностей учащихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) до практических аспектов разработки адаптированных учебных программ и использования специальных образовательных технологий.

Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении ключевых аспектов развития инклюзивного образования в Республике Корея, был проведен анализ основных особенностей и проблем, связанных с его реализацией в этой стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Инклюзивное образование, южнокорейское образование, инклюзия, социальные проблемы, Республика Корея

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хренов В.В. Чернякова С.С. Особенности развития инклюзивного образования в Южной Корее в XX-XXI вв. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 72-85 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-72-85>

a mandatory course on the basics of inclusive education in their curricula, which is a response to the growing need for specialists who know modern methods of working in an inclusive environment. This course covers a wide range of issues, from the psychological and pedagogical characteristics of students with disabilities to the practical aspects of developing adapted curricula and using special educational technologies.

The novelty of the study lies in a comprehensive review of the key aspects of the development of inclusive education in the Republic of Korea, an analysis of the main features and problems associated with its implementation in this country was carried out.

KEYWORDS. Inclusive education, South Korean education, inclusion, social problems, Republic of Korea

FOR CITATION: Khrenov V.V. Chernyakova S.S. Features of the Development of Inclusive Education in South Korea in 20th-21st centuries. *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 72-85(In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-72-85>

Инклюзивное образование отражает один из принципов образования Южной Кореи, который в полной мере реализуется в общеобразовательных школах при соответствующей государственной поддержке. В последние 40 лет концепция инклюзивного образования в корейском контексте претерпела значительную эволюцию в терминологическом и содержательном аспектах. Изначально использовался термин «основной поток» (кор.яз. 주류화), отражавший идею включения детей с особыми потребностями в общий образовательный процесс. Затем использовались такие термины, как «интеграция» и «включение» (кор.яз. 통합교육). Все эти понятия применительно к Южной Корее обычно переводятся на русский язык как «интегрированное» или «инклюзивное образование», однако есть определенные смысловые нюансы и различия в их интерпретации [1, С. 83-84].

Развитие инклюзивного образования в Южной Корее имеет глубокие исторические корни, которые можно проследить вплоть до эпохи династии Чосон (1392–1910 гг.). Уникальные свидетельства из хроники короля Седжона "Седжонгсиллок" (кор.яз. 세종실록) указывают на существование особых форм профессионального обучения для слепых еще в середине XV в. В 1445 г. десять слепых были приняты в Сувонгван — государственное учреждение, занимавшееся астрологией и предсказаниями, так как считалось, что отсутствие зрения усиливает их интуитивные способности [2]. Этот исторический факт демонстрирует, что корейское общество уже в тот период предпринимало попытки интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в профессио-

нальную сферу.

Особый интерес представляет отношение к людям с ограниченными возможностями в традиционной корейской медицине. Исторические хроники династии Чосон содержат упоминания о специальных методах обучения слепых массажистов, которые составляли особую профессиональную касту. Эти специалисты не только получали специальное образование, но и занимали определенное положение в социальной иерархии. Подобные исторические прецеденты создали культурную почву для современной системы инклюзивного образования.

Современный этап специального образования начался в конце XIX в., и огромная заслуга в его распространении принадлежит христианским миссионерам, открывшим первые специальные школы для слабовидящих и слабослышащих детей. В 1898 г. американская миссионерка Розетта Ширвуд Хол основала первую школу для слабовидящих в Пхеньяне, а в 1909 г. — школу для слабослышащих [3]. Эти учреждения стали важными вехами в развитии системы образования для людей с ограниченными возможностями, хотя их деятельность охватывала лишь небольшую часть нуждающихся. В период японского колониализма (1910–1945 гг.) образование для детей с особенностями развития оставалось ограниченным и в основном предназначалось для сирот, находившихся под государственной опекой.

«Джэсенвон», первое государственное специальное учебное заведение для слабовидящих учеников, было основано в 1913 г. на территории сегодняшней Республики Корея [2].

Образование для глухих и слепых получило дальнейшее развитие после обретения Южной Кореей независимости от Японии в 1945 г. Учащиеся с ограниченными возможностями начали получать специальное образование без какой-либо дискриминации.

После освобождения Кореи от японцев в 1945 г. и разделения страны в 1948 г. образовательная система Южной Кореи начала развиваться по собственному пути. Первые годы после Корейской войны (1950–1953 гг.) были крайне тяжелыми в экономическом отношении, что серьезно ограничивало возможности развития специального образования. Однако в ст. 31 Конституции Республики Корея, принятой 17 июля 1948 г., провозглашался принцип равного права на образование для всех граждан, что стало важной правовой основой для последующего развития инклюзивного образования. Предусматривалось, что правительство будет предоставлять надлежащее образование всем людям без какой-либо дискриминации и осуществлять соответствующий контроль в этой сфере образовательной деятельности [4].

После Корейской войны перед государством стояла сложная задача создания современной системы образования. В этот период началось постепенное формирование законодательной базы для специального образования. Был принят Закон об образовании 1949 г., который разрешал создание специальных классов в обычных школах и учреждение специализированных учебных заведений. Подчеркивалось, что специальные школы должны обеспечивать обучение, связанное с жизненными навыками и знаниями, которые эквивалентны образова-

нию в начальной и средней школе для слепых, глухих и других лиц или для учащихся с физическими или умственными недостатками [5]. Однако на практике закон реализовывался крайне медленно из-за нехватки ресурсов и квалифицированных кадров. Первоначально специальные образовательные учреждения создавались преимущественно частными благотворительными организациями и религиозными миссиями, а не государством.

Знаковый поворот в развитии инклюзивного образования в Южной Корее произошел в 1979 г. со вступлением в силу Закона №3053 «О содействии в получении образования для лиц с ограниченными возможностями» [6, Р. 90], после чего началась системная работа по обучению учителей методам работы в инклюзивных классах. Этот законодательный акт стал первым системным документом, закрепившим обязательства государства по обеспечению образовательных прав детей с ограниченными возможностями здоровья. Закон предусматривал создание специальных классов в общеобразовательных школах и ввел понятие индивидуальных образовательных программ. Были разработаны специализированные учебные материалы, внедрены программы повышения квалификации, введены должности ассистентов преподавателей. Параллельно развивалась инфраструктура: открывались школы при больницах, создавались центры поддержки для родителей детей с особыми потребностями. Количественные показатели демонстрируют эффект от принятия этого закона: если в 1971 г. существовал всего один специальный класс, то к 2004 г. их количество достигло 4366 [7,

Р. 139]. Однако реализация этих положений столкнулась с рядом трудностей, в первую очередь с неготовностью общества к интеграции.

Особого внимания заслуживает эволюция терминологии. Если до 1970-1980-х гг. использовалось понятие «дефективные дети» или «аномальные дети», то в 1990-х гг. оно сменилось на «дети с ограниченными возможностями» и «дети с особыми образовательными потребностями» [8]. Эта эволюция отражала изменение подхода от медицинской модели инвалидности к социальной. Одновременно с этим происходила трансформация образовательных практик — от полной изоляции к частичной интеграции.

1994 год ознаменовался новой важной вехой в образовательной политике. Правительство Южной Кореи пересмотрело подход к обучению детей с особыми потребностями, учредив Государственный институт специального образования. Этот институт стал не только ведущим исследовательским центром в области специальной педагогики, но и важнейшей площадкой для просветительской работы, направленной на изменение общественного сознания в отношении людей с инвалидностью [1, С. 86]. Согласно новым правилам, специальное образование могло осуществляться не только в специализированных школах, но и в обычных классах, на дому или в медицинских учреждениях. Такой подход отражал глобальную тенденцию к интеграции, проявившуюся после принятия Саламанкской декларации (1994 г.) [9].

Среди ключевых достижений Государственного института специального образова-

ния следует отметить масштабную модернизацию учебных программ, позволившую более эффективно включать учащихся с особыми образовательными потребностями в учебный процесс. Параллельно с академической работой институт координировал значительное увеличение финансирования специального образования, что способствовало созданию сети ресурсных центров и внедрению современных технологий обучения. С этого времени финансовая модель специального образования в Южной Корее стала приобретать новую форму, представляющую собой сбалансированное сочетание государственного финансирования и частных инвестиций. На сегодняшний день государственное образование, включая специализированные школы, является полностью бесплатным на всех уровнях — от дошкольного до среднего. Это охватывает не только сам образовательный процесс, но и базовые ассистивные устройства, учебные материалы и часть терапевтических услуг. Однако южнокорейские семьи часто сталкиваются с необходимостью дополнительных расходов на частные терапевтические сеансы, более современные ассистивные устройства, не входящие в государственные программы поддержки, а также транспортные расходы, связанные с посещением специализированных учреждений [10, Р. 2-3]. Такая система создает определенное социальное неравенство, поскольку доступ к качественным образовательным услугам во многом определяется финансовыми возможностями семьи, что особенно критично для малообеспеченных слоев населения.

Следующим значимым событием после учреждения Государственного института специального образования стало распоряжение южнокорейского правительства от 1995 г., обязавшее высшие учебные заведения создавать особые условия для поступления абитуриентов с инвалидностью, включая возможность зачисления по специальному решению ректора. Этот нормативный акт ознаменовал начало трансформации корейской образовательной системы в направлении большей доступности и равенства возможностей. Уже к 2010 г. в стране функционировало свыше 10 тыс. университетов и колледжей, среди которых особо выделялись три учреждения, ставшие флагманами инклюзивного образования: университет Тэгу, Корейский христианский университет (Korea Nazarene University) и Корейский национальный колледж реабилитации и благосостояния. Эти вузы не только принимали наибольшее количество студентов с особыми потребностями, но и разрабатывали инновационные модели их сопровождения, включая адаптацию учебных материалов и создание безбарьерной среды [11, С. 31].

Начало XXI в. ознаменовалось качественно новым этапом в развитии инклюзивного образования в Южной Корее. Важным элементом системы стали Центры поддержки специального образования, создаваемые правительством с 2005 года. Эти центры обеспечивали доступ к образованию для тех студентов, которые по состоянию здоровья не могли регулярно посещать учебные заведения, предлагая им альтернативные формы обучения — от домашнего образования до дистанционных технологий.

Принятие в 2007 г. закона «О специальном образовании для лиц с ограниченными возможностями» стало важнейшей вехой, закрепившей современные принципы инклюзии. Этот законодательный акт не только декларирует право студентов с инвалидностью на получение образования без дискриминации, но и устанавливает конкретные механизмы реализации этого права через создание специализированных структурных подразделений в учебных заведениях. Закон предусматривает дифференцированный подход в зависимости от масштабов учреждения: крупные университеты обязаны создавать полноценные центры поддержки, тогда как небольшие колледжи могут ограничиться назначением ответственных сотрудников [2]. Реализация этих положений привела к существенным изменениям в инфраструктуре высших учебных заведений, хотя мониторинг 2010 года выявил определенную неравномерность в качестве предоставляемых услуг между разными типами образовательных учреждений.

В 2010-е гг. правительство Южной Кореи продолжало предпринимать дальнейшие шаги по адаптации образовательной инфраструктуры для лиц с ОВЗ. Так, с 2015 г. все университеты страны были обязаны оборудовать свои кампусы специальными приспособлениями: лифтами, пандусами, адаптированными санитарными зонами, а также создать центры поддержки студентов с ограниченными возможностями здоровья [12]. Важным элементом системы стали Центры поддержки специального образования, выполняющие несколько ключевых функций:

- методическая помощь педагогам;
- консультирование родителей;
- разработка адаптивных учебных материалов;
- координация межведомственного взаимодействия.

На официальных сайтах вузов появились специальные разделы для студентов с ограниченными возможностями, содержащие информацию о доступных услугах и контактах центров поддержки.

Особого внимания заслуживает система подготовки кадров для инклюзивного образования. В Южной Корее была разработана трехуровневая модель поддержки:

- Мобильные помощники для студентов с тяжелыми заболеваниями;
- Специализированные сотрудники (сурдопереводчики, переводчики шрифта Брайля);

Персонал для дистанционного обучения. Такая система позволяет обеспечивать индивидуальный подход к каждому учащемуся с особыми потребностями [11, С. 31].

Одной из инновационных практик стало введение так называемых «служебных карточек» для родителей детей с ограниченными возможностями. Эти карты предоставляют доступ к бесплатным медицинским консультациям и образовательным услугам, значительно облегчая процесс социализации и обучения. Кроме того, правительство организовало специальные курсы профессиональной подготовки для выпускников с особыми потребностями,

помогая им в трудоустройстве [6, Р. 92].

На сегодняшний день основополагающие принципы корейской модели инклюзивного образования включают в себя:

- Принцип территориальной доступности — право каждого ребенка обучаться в ближайшей к месту жительства общеобразовательной школе;
- Принцип комплексной поддержки — сочетание образовательных, медицинских и социальных услуг;
- Принцип преемственности — непрерывность образовательного процесса от дошкольного до высшего образования;
- Принцип адаптивности — гибкость учебных программ и методов преподавания [1, С. 84].

Особенностью корейского подхода является акцент на создании «единой образовательной семьи», где дети с особыми потребностями чувствуют себя полноценными участниками учебного процесса. Эта концепция реализуется через специальные программы социальной адаптации, совместные внеклассные мероприятия и систему тьюторского сопровождения.

Стимулирующую роль в развитии инклюзивного образования играет система мониторинга и оценки, реализуемая Министерством образования, науки и технологий Южной Кореи. Ежегодное ранжирование университетов по результатам их работы по созданию условий для обучения студентов с ограниченными возможностями создает здоровую конкурентную среду и мотивирует вузы к постоянному совершенствованию своей инфраструктуры [13].

Критерии оценки включают не только материально-техническое оснащение, но и качество психологической поддержки, отношение преподавательского состава и общую атмосферу инклюзии в учебном заведении. Кроме того, с 2022 г. все педагогические университеты Республики Корея включили в свои учебные программы обязательный курс по основам инклюзивного образования, что вызвано растущей потребностью в специалистах в этой области.

Структура специального образования в Южной Корее также представлена сетью специализированных учреждений и программами инклюзивного обучения в обычных школах. В стране функционирует более 200 специализированных учебных заведений, ориентированных на различные категории нарушений: от сенсорных (зрение, слух) до интеллектуальных и физических. Эти учреждения предлагают не только адаптированные учебные программы, но и комплекс терапевтических услуг, включая профессиональную подготовку, что позволяет учащимся приобретать практические навыки для последующей трудовой деятельности [14]. Параллельно развивается система инклюзивного образования в общеобразовательных школах, где учащиеся с легкими и умеренными нарушениями могут обучаться как в специальных классах, так и получать поддержку через ресурсные комнаты для индивидуальных занятий.

Особое внимание уделяется оснащению школ ассистивными технологиями — от простейших приспособлений до сложных электронных устройств, компенсирующих различные виды нарушений. Центральное место

в этом занимает виртуальная обучающая среда «MetaClass», представляющая собой прорывное решение для детей с тяжелыми формами инвалидности. Платформа создает полностью иммерсивные VR-классы, где учащиеся могут взаимодействовать через индивидуальные аватары, преодолевая физические ограничения реального мира. Особую ценность система представляет для учащихся с нарушениями слуха, благодаря встроенному жестовому переводу в реальном времени, а технология цифровых тьюторов с обработкой естественного языка (NLP) обеспечивает персонализированное сопровождение учебного процесса [15].

Робототехнические решения заняли особое место в системе поддержки студентов с ограниченными возможностями. Роботизированный комплекс «CareBot», внедренный в семи ведущих университетах страны включая KAIST (Корейский передовой институт науки и технологий), состоит из мобильного робота-ассистента для помощи в передвижении (особенно актуального для студентов с ДЦП) и автоматизированной системы мониторинга физического состояния [16]. Эти технологические решения органично дополняют традиционные формы поддержки, создавая комплексную систему помощи. Важно отметить, что внедрение инновационных технологий сопровождается постоянным мониторингом их эффективности и регулярным обновлением функционала на основе обратной связи от конечных пользователей — как учащихся, так и педагогического состава. Такой подход обеспечивает не только техническую, но и содержательную актуальность образовательных решений, их

соответствие реальным потребностям учебного процесса.

Несмотря на значительные успехи в развитии инклюзивного образования, Южная Корея продолжает сталкиваться с рядом системных проблем.

Одну из проблем представляет разрыв между школьным и университетским образованием. Студентам с ограниченными возможностями действительно предоставлена возможность учиться в университете на основании закона «О специальном образовании для лиц с ограниченными возможностями» от 2007 г., однако специальные школы в стране уделяют меньше внимания профессиональной программе, которая необходима для поступления в вузы. Поэтому большинству студентов с особыми потребностями, желающим поступить в вуз, приходится брать внеклассные занятия

К системным организационным проблемам в этой сфере южнокорейского образования также следует отнести:

- Дефицит квалифицированных кадров — многие учителя общеобразовательных школ не обладают достаточной подготовкой для работы с детьми с особыми потребностями;
- Неравномерное распределение ресурсов — сельские школы значительно уступают городским по уровню оснащённости;
- Бюрократические барьеры — сложная процедура получения специальных образовательных услуг;

- Недостаточная координация между образовательными и медицинскими учреждениями.

Однако наиболее острой проблемой, на наш взгляд, является сохраняющаяся социальная дискриминация учащихся с особыми потребностями [6, Р. 89]. Учащиеся начального образования с пониманием относятся к учащимся с особыми потребностями, но это отношение становится все более негативным по мере повышения уровня образования учащихся, что связано с усилением академической конкуренции. Корейские культурные традиции, особенно в части отношения к академическим достижениям, создавали определенные барьеры для полной интеграции детей с особыми потребностями в образовательный процесс [17, Р. 983].

В реализации принципов инклюзивного образования возникают определенные сложности у иностранных граждан и членов мультикультурных семей, что связано преимущественно с языковым барьером [18]. Отсутствие достаточного количества учебных материалов и квалифицированных специалистов, владеющих иностранными языками, существенно затрудняет процесс включения детей-инофонов — в образовательную систему. Эта проблема особенно актуальна для семей, где родители не владеют корейским языком на уровне, достаточном для понимания тонкостей законодательства и образовательных программ.

Особое место в развитии корейской системы инклюзивного образования занимает международное сотрудничество. Южная Корея

активно участвует в программах таких авторитетных международных организаций, как ЮНЕСКО и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), что позволяет адаптировать передовой мировой опыт к национальным условиям. Важным элементом социокультурной адаптации стало такое международное мероприятие, как Цифровой фестиваль студентов с ограниченными возможностями, которое стало проводиться при поддержке Фонда культуры Netmarble с 2023 г. Этот фестиваль не только предоставляет площадку для творческой самореализации студентов с особыми потребностями, но и способствует формированию инклюзивной культуры в обществе через совместное участие в мероприятиях студентов с инвалидностью и без нее [19].

Перспективы развития инклюзивного образования в Южной Корее связаны с реализацией новых масштабных проектов, таких как Центр специального образования Канвон, который планируется к открытию в марте 2026 года. Этот инновационный образовательный комплекс будет включать три региональных отделения в Чхунчхоне, Вонджу и Каннине, каждое из которых будет специализироваться на определенных аспектах инклюзивного образования. Главный офис в Чхунчхоне сосредоточится на реализации индивидуальных программ специального обучения, филиал в Вонджу будет специализироваться на профессиональной подготовке и переходном образовании, а центр в Каннине — на обучении безопасности и поддержке семей [20]. Такой дифференцированный подход позволит создать комплексную систему поддержки, ориентирован-

ную на реальные потребности студентов с ограниченными возможностями и способствующую их полноценной интеграции в общество.

Таким образом, развитие инклюзивного образования в Южной Корее представляет собой сложный, но последовательный процесс трансформации от изолированного специального обучения к комплексной системе интеграции. В истории страны было выявлено три ключевых этапа развития:

- миссионерские инициативы конца XIX века в эпоху Чосон
- законодательное закрепление прав в послевоенный период (1948–1990 гг.)
- современный этап системной интеграции (с 2007 г.).

Особого внимания заслуживает создание многоуровневой системы поддержки, включающей адаптацию инфраструктуры, подготовку специалистов и центры психолого-педагогического сопровождения.

Технологические инновации, такие как AI-платформы, VR-классы и роботы-ассистенты, позволили преодолеть физические и когнитивные барьеры, сделав образование более доступным. Международное сотрудничество с ведущими странами обогатило корейскую систему передовыми методиками, адаптированными к национальному контексту.

Несмотря на значительные достижения, система сталкивается с устойчивыми вызовами. Социокультурные барьеры, обусловленные конфуцианской традицией ценности академических

достижений, сохраняют напряженность в школьной среде, особенно в старших классах. Технические и методические проблемы (разрыв между школьной и вузовской подготовкой, дефицит кадров) требуют дальнейшего решения через цифровизацию и международное сотрудничество. Опыт Южной Кореи демонстрирует, что успешная реализация инклюзивного образования требует не только финансовых вложений и законодательных мер, но и системной работы по изменению общественного сознания.

Список источников

1. Калугина Н. А., Ли Н. В, Мартыненко О. О., Син С. Б. Развитие инклюзивного образования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Известия Восточного института. 2020; № 4. С. 76-89.
2. Кудайбергенова Р. Е. Специальное образование в Южной Корее: опыт для Казахстана. URL: <https://pps.kaznu.kz/ru/Main/FileShow2/14537/96/124/3110/Кудайбергенова%20Рената%20Еркиновна/2020/2> (дата обращения 20.03.2025).
3. Lee A. Missionary Rosetta Sherwood Hall. 2014. URL: <https://prezi.com/cxq7j1txtb1z/missionary-rosetta-sherwood-hall/> (accessed 25.03.2025).
4. Конституция Республики Корея (Южная Корея). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=35> (дата обращения 20.12.2025).
5. Закон об образовании (교육기본법). URL: <https://www.law.go.kr/lsSideInfoP.do?lsNm=교육기본법&urlMode=lsRvsDocInfoR&ancNo=05437#rvsTop> (дата обращения 11.09.2025). (на кор. яз.).
6. Kusuma D. F. Literature Study: The Development of Inclusive Education in South Korea, Thailand, and Indonesia. Buana Gender: Jurnal Studi Gender Dan Anak. 2021; Vol. 6 (2). P. 87-104.
7. Hwang Yoon-Suk. Attitudes towards Inclusion: gaps between belief and practice. International journal of special education. 2011; № 26. P. 136-145.
8. Кукушкина О.И., Гончарова Е.Л., Малофеев Н.Н. От термина «аномальные дети» к терминам «дети с ограниченными возможностями здоровья» и «дети с особыми образовательными потребностями». Психологическая газета. 17.12.2023. URL: <https://psy.su/feed/11837/> (дата обращения 21.12.2025).
9. Саламанкская декларация и рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf (дата обращения 22.12.2025).
10. Kim Soo-Kyung, Rundgren Shu-Nu Chang. South Korean elementary school teachers' experiences of inclusive education concerning students with a multicultural background. International Journal of Inclusive Education. 2019. P. 1-15. URL: https://www.researchgate.net/publication/332581370_South_Korean_elementary_school

- l_teachers'_experiences_of_inclusive_education_concerning_students_with_a_multicultural_background (accessed 02.04.2025).
11. Кудайбергенова Р. Е. Высшее образование для людей с ограниченными возможностями в Южной Корее. Вестник КазНУ. Серия Востоковедения. 2013; Т. 64 (3). С. 29-33.
 12. Savickaite S., McDonnell N., Simmons D. Defining Virtual Reality (VR). Scoping Literature Review on VR Applications in Autism Research. 2022. URL: https://osf.io/preprints/psyarxiv/p3nh6_v1 (accessed 13.04.2025).
 13. Kim Kyeong-Hwa, Kim Joung-Min. Transition to Higher Education in South Korea: Current Status and Issues. Intervention on School and Clinic. 2019. URL: <https://doi.org/10.1177/1053451219881718> (accessed 04.04.2025).
 14. Chung Kai-Sook, Lee So-Young, Goh Eun-Kyung. Inclusive Education: Teacher's Experiences in South Korean Eco-Early Childhood Education. URL: <https://www.aare.edu.au/data/publications/2008/chu08421.pdf> (accessed 19.06.2025).
 15. Metaclass. URL: <https://www.metaclass.co.kr/> (accessed 25.12.2025).
 16. Carebot. URL: <https://www.carebot.com/en/carebot> (accessed 26.12.2025).
 17. Kim Yong-Wook. Inclusive Education in South Korea. International Journal of Inclusive Education. 2014; Vol. 18 (10). P. 979-990. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1080/3603116.2012.693402> (accessed 10.04.2025).
 18. Shin Hyun-Ki, Hwang Yoon-Suk. Inclusive Education in Republic of Korea. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-19-2221-3_7 (accessed 08.04.2025).
 19. Преодоление ограничений жизнедеятельности... Учащиеся, которые были одиноки в «Играх» (장애의 한계 극복... '게임'으로 하나 된 학생들). Ежедневная газета Кунмин (국민일보). 2024. URL: <https://www.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0020492875> (accessed 27.11.2025). (на кор. яз.).
 20. Индивидуальное обучение для учащихся с ограниченными возможностями... Центр специального образования в Канвоне открывает свои двери в марте следующего года (장애학생 맞춤형 교육...강원특수교육원 내년 3월 문 연다). Ежедневная газета Кунмин (국민일보). 2025. URL: <https://www.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0027740612> (accessed 27.11.2025). (на кор. яз.).
- ## References
1. Kalugina N. A., Li N. V, Martynenko O. O., Sin S. B. Development of Inclusive Education in the Asia-Pacific Region. Izvestija Vostochnogo instituta, 2020, no.4, pp. 76-89. (In Russ.)
 2. Kudajbergenova R. E. Special education in South Korea: an experience for Kazakhstan. [https://pps.kaznu.kz/ru/Main/FileShow2/14537/96/124/3110/Кудайбергенова%](https://pps.kaznu.kz/ru/Main/FileShow2/14537/96/124/3110/Кудайбергенова%20)

- 20Рената%20Еркиновна/2020/
2 (accessed: 20.03.2025). (In Russ.)
3. Lee A. Missionary Rosetta Sherwood Hall, 2014. <https://prezi.com/cxq7j1txtb1z/missionary-rosetta-sherwood-hall/> (accessed: 25.03.2025).
4. The Constitution of the Republic of Korea (South Korea). <https://worldconstitutions.ru/?p=35> (accessed: 20.12.2025).
5. The Law on Education. <https://www.law.go.kr/lsSideInfoP.do?lsNm=교육기본법&urlMode=lsRvsDocInfoR&ancNo=05437#rvsTop> (accessed: 11.09.2025). (In Korean)
6. Kusuma D. F. Literature Study: The Development of Inclusive Education in South Korea, Thailand, and Indonesia. Buana Gender: Jurnal Studi Gender Dan Anak, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 87-104.
7. Hwang Yoon-Suk. Attitudes towards Inclusion: gaps between belief and practice. International journal of special education, 2011, no. 26, pp. 136-145.
8. Kukushkina O.I., Goncharova E.L., Malofeev N.N. From the term "abnormal children" to the terms "children with disabilities" and "children with special educational needs". Psihologicheskaja gazeta, 17.12.2023. <https://psy.su/feed/11837/> (accessed: 21.12.2025). (In Russ.)
9. The Salamanca Declaration and Framework for Action on Special Needs Education. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf (accessed: 22.12.2025). (In Russ.)
10. Kim Soo-Kyung, Rundgren Shu-Nu Chang. South Korean elementary school teachers' experiences of inclusive education concerning students with a multicultural background. International Journal of Inclusive Education, 2019, pp. 1-15. https://www.researchgate.net/publication/332581370_South_Korean_elementary_school_teachers_experiences_of_inclusive_education_concerning_students_with_a_multicultural_background (accessed: 02.04.2025).
11. Kudajbergenova R. E. Higher education for people with disabilities in South Korea. Vestnik KazNU. Serija Vostokovedenija, 2013, vol. 64, no. 3, pp. 29-33. (In Russ.)
12. Savickaite S., McDonnell N., Simmons D. Defining Virtual Reality (VR). Scoping Literature Review on VR Applications in Autism Research, 2022, https://osf.io/preprints/psyarxiv/p3nh6_v1 (accessed: 13.04.2025).
13. Kim Kyeong-Hwa, Kim Joung-Min. Transition to Higher Education in South Korea: Current Status and Issues. Intervention on School and Clinic, 2019. <https://doi.org/10.1177/1053451219881718> (accessed: 04.04.2025).
14. Chung Kai-Sook, Lee So-Young, Goh Eun-Kyung. Inclusive Education: Teacher's Experiences in South Korean Eco-Early Childhood Education. <https://www.aare.edu.au/data/publications/2008/chu08421.pdf> (accessed: 19.06.2025).
15. Metaclass. <https://www.metaclass.co.kr/> (accessed: 25.12.2025).
16. Carebot. <https://www.carebot.com/en/carebot> (accessed: 26.12.2025).
17. Kim Yong-Wook. Inclusive Education in South Korea. International Journal of Inclusive

Education, 2014, vol. 18, no. 10, pp. 979-990.

<https://www.sci-hub.ru/10.1080/>

13603116.2012.693402 (accessed: 10.04.2025).

18. Shin Hyun-Ki, Hwang Yoon-Suk. Inclusive Education in Republic of Korea. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-19-2221-3_7 (accessed: 08.04.2025).
19. Overcoming life limitations... Students who were lonely in the Games. Gookmin Ilbo, 2024. <https://www.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0020492875> (accessed: 27.11.2025). (In Korean)
20. Individualized education for students with disabilities... The Special Education Center in Gangwon will open its doors in March next year. Gookmin Ilbo, 2025. <https://www.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0027740612> (accessed: 27.11.2025). (In Korean)

Сведения об авторах

Хренов Валентин Валерьевич

(Екатеринбург),

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Чернякова София Сергеевна

(Сергиев Посад, Московская область),

Специалист премиального обслуживания иностранных клиентов

ООО «Support Desk Technologies»

Юридический адрес: 220005, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, 58А
E-mail: sof.cher.2003@mail.ru

Information about the authors

Khrenov Valentin Valeryevich

(Ekaterinburg)

PhD in History, Associate Professor, Chair of Oriental Studies

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Chernyakova Sofiya Sergeyevna

(Sergiyev Posad, Moscow Oblast)

Specialist of premium service for foreign clients "Support Desk Technologies" Ltd

Registered office: 58A, Nezavisimosti Ave., 220005 Minsk, Republic of Belarus

E-mail: sof.cher.2003@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.01.2026

Принята к публикации: 15.01.2026

Information about the article

The article was submitted: 15.01.2026

Approved after reviewing: 15.01.2026

Accepted for publication: 15.01.2026

Ideological and Political Motives in the Ottoman Periodical Press: Official Publications as a Tool for Implementing the Internal Political Agenda

Идеолого-политические мотивы в Османской периодической печати: официальные издания как инструмент реализации внутриполитической повестки

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-86-102](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-86-102)

Нафиков Ильсур Закирзянович¹

¹Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

ilsur.nafikov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>

Ilsur Z. Nafikov¹

¹Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Corresponding author:

ilsur.nafikov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>

АННОТАЦИЯ. Актуальность проведенного исследования определяется ключевой ролью периодической печати в процессах социально-политической и культурной трансформации Османской империи с эпохи Танзимата вплоть до ранних десятилетий Турецкой Республики. Османская пресса представляла собой не просто средство информирования, а сложный многофункциональный институт, активно использовавшийся различными акторами — государством, профессиональными корпорациями, религиозными структурами и оппозиционными группами — для реализации специфических идеологических задач, формирования общественного мнения и легитимации власти. Целью работы является выявление и анализ политических и идеологических

ABSTRACT. The relevance of the conducted research is determined by the key role of the periodical press in the processes of socio-political and cultural transformation of the Ottoman Empire from the Tanzimat era up to the early decades of the Turkish Republic. The Ottoman press was not merely a means of information but a complex multifunctional institution, actively used by various actors — the state, professional corporations, religious structures, and opposition groups — to implement specific ideological tasks, shape public opinion, and legitimize power. The aim of the work is to identify and analyze the political and ideological motives embodied through various types of periodicals — official, professional, satirical, and religious — and their evolution in the context of modernization projects. The materials and

мотивов, воплощавшихся через различные типы периодических изданий — официальные, профессиональные, сатирические и религиозные — и их эволюции в контексте модернизационных проектов. В качестве материалов и источников исследования привлекался корпус архивных документов из османских и республиканских архивов, полные подшивки ключевых периодических изданий, таких как «Ceride-i Askeriye», «Ceride-i Adliye» (позднее «Adalet Dergisi»), «İlk Öğretim», «Ceride-i Tıbbiye-i Askeriye» и сатирического журнала «Молла Насреддин», а также обширный массив научной литературы, что позволило применить комплексный историко-типологический и историко-функциональный методологический подход. Полученные результаты демонстрируют, что официальная государственная пресса служила централизованным каналом коммуникации, систематически продвигавшим повестку административных и военных реформ, укреплявшим бюрократическую рационализацию и консолидировавшим профессиональные сообщества вокруг ценностей модернизации. Профессиональные издания в сфере образования и медицины выполняли роль проводников современных знаний и стандартов, одновременно формируя новую гражданскую и профессиональную идентичность, нередко переплетенную с элементами государственной пропаганды. Сатирическая пресса, напротив, выступала важнейшим инструментом социальной критики, деконструкции официального дискурса, борьбы с консерватизмом и выражения альтернативных идеологий, отражая нарастающую плюрализацию общественного простран-

sources for the research involved a corpus of archival documents from Ottoman and republican archives, complete collections of key periodicals such as "Ceride-i Askeriye", "Ceride-i Adliye" (later "Adalet Dergisi"), "İlk Öğretim", "Ceride-i Tıbbiye-i Askeriye", and the satirical magazine "Molla Nasreddin", as well as an extensive body of scholarly literature, which allowed for the application of a comprehensive historical-typological and historical-functional methodological approach. The obtained results demonstrate that the official state press served as a centralized communication channel, systematically promoting the agenda of administrative and military reforms, strengthening bureaucratic rationalization, and consolidating professional communities around the values of modernization. Professional publications in the fields of education and medicine acted as conduits for modern knowledge and standards, simultaneously shaping a new civic and professional identity, often intertwined with elements of state propaganda. The satirical press, on the contrary, was a crucial instrument of social criticism, deconstructing the official discourse, combating conservatism, and expressing alternative ideologies, reflecting the growing pluralization of public space. A separate layer consisted of religious periodicals and book publishing, which evolved from strict restrictions to a system of rigorous state licensing and control under Sultan Abdul Hamid II, aimed at monopolizing the interpretation of Islam and using religion as a tool for legitimizing power. Based on the analysis, it is concluded that the Ottoman periodical press was an active agent and simultaneously an arena of the historical process, where the key ideologies of the era — Ottomanism,

ства. Отдельный пласт составила религиозная периодика и книгоиздание, эволюционировавшие от жестких ограничений к системе строгого государственного лицензирования и контроля при султанах Абдулхамиде II, что было направлено на монополизацию интерпретации ислама и использование религии в качестве инструмента легитимации власти. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что османская периодическая печать являлась активным агентом и одновременно ареной исторического процесса, где в символической форме сталкивались и конкурировали ключевые идеологии эпохи — османизм, исламизм, западничество и национализм. Ее изучение позволяет выявить глубинные механизмы трансформации позднеосманского общества и государства, где борьба за влияние в печати была напрямую связана с борьбой за политическое будущее и культурную гегемонию в условиях масштабной модернизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Османская империя, модернизация, Танзимат, «Ceride-i Askeriye», «Ceride-i Adliye», профессиональная пресса, сатирическая журналистика, «Молла Насреддин», религиозные издания, государственный контроль, формирование общественного мнения.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нафиков И.З. Идеолого-политические мотивы в Османской периодической печати: официальные издания как инструмент реализации внутриполитической повестки. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 86-102 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-86-102>

Islamism, Westernism, and nationalism — clashed and competed in symbolic form. Its study allows for the identification of the deep mechanisms of transformation in late Ottoman society and state, where the struggle for influence in the press was directly linked to the struggle for political future and cultural hegemony under conditions of large-scale modernization.

KEYWORDS: Ottoman Empire, modernization, Tanzimat, "Ceride-i Askeriye", "Ceride-i Adliye", professional press, satirical journalism, "Molla Nasreddin", religious publications, state control, public opinion formation

FOR CITATION: Nafikov I.Z. Ideological and Political Motives in the Ottoman Periodical Press: Official Publications as a Tool for Implementing the Internal Political Agenda. *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 86-102 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-86-102>

Введение

Реформы Танзимата, инициированные в середине XIX века, стали катализатором глубинных трансформаций во всех сферах жизни Османской империи, включая информационно-коммуникационное пространство. Как отмечают исследователи, этот период ознаменовался кардинальным преобразованием издательского дела и периодической печати, которое из маргинального явления превратилось в ключевой инструмент государственной политики (Çakır 1992, 45). Стремление центральной власти к модернизации и централизации напрямую коррелировало с резким ростом количества издаваемых книг, газет и журналов. Государство, осознавая потенциал печатного слова, не только сняло ряд ограничений, но и активно включилось в издательский процесс, способствуя развитию официальных органов печати. Эти издания, создаваемые различными министерствами и ведомствами, были призваны не просто информировать, а формировать единое информационное поле империи, транслировать правительственные установки и консолидировать общество вокруг идей обновления (Koloğlu 2006, 78–80). Таким образом, периодическая печать, особенно ее официальный сегмент, эволюционировала в сложный многофункциональный институт, ставший ареной борьбы за идеологическое влияние и эффективным средством реализации внутриполитической повестки в условиях кризиса традиционных османских институтов и нарастающего давления со стороны европейских держав. В фокусе данного исследования находится анализ идеологических и политических мотивов,

воплощавшихся через ключевые типы османской периодики XIX – начала XX веков: официальные государственные издания, профессиональную, сатирическую и религиозную прессу. Цель работы заключается в выявлении механизмов использования этих изданий различными акторами (государством, профессиональными корпорациями, оппозиционными и религиозными группами) для легитимации власти, формирования общественного мнения, продвижения модернизационных проектов и выражения альтернативных идеологий.

Официальная государственная периодика как инструмент административной модернизации

В ряду официальных изданий, созданных для реализации государственной повестки, особое место занимает военная периодика, ярким примером которой является газета «Ceride-i Askeriye». Ее появление и эволюция отражают общую логику развития османской официальной прессы, берущую начало от более ранних экспериментов, подобных «Takvim-i Vekayi», которая сочетала официальные новости с неофициальными сообщениями (Torun 2003, 32). «Ceride-i Askeriye», будучи учрежденной под эгидой Главного военного министерства и печатавшейся в типографии Военной академии, с первого номера от 16 января 1864 года (7 шабана 1280 г.) унаследовала и развила эту двуединую функцию, став не просто вестником приказов, а комплексным информационным органом реформируемой армии (Özçelik 2010, 112).

Эволюция формата и содержания газеты наглядно демонстрирует стремление адаптировать издание к задачам модернизации и повысить его эффективность как инструмента коммуникации. Первоначально выходивший раз в неделю в виде двух листов большого формата (28x39 см), к 27-му номеру журнал перешел на трехколоночную верстку для более рационального использования пространства (Ceride-i Askeriye, №1, 1864). Знаковым этапом развития стало решение с 15-го номера выделить научные статьи в отдельное ежемесячное приложение «Mecmua-i Fünun-i Askeriye», что подчеркивало стремление не только информировать, но и систематически просвещать офицерский корпус, знакомя его с техническими и научными достижениями (Ceride-i Askeriye, №15, 1864). Радикальная реформа произошла в 1880 году, когда издание под руководством майора Мехмета Рефета было преобразовано в журнальный формат меньшего размера (19x30 см) с увеличенной до 16 страниц периодичностью выхода дважды в неделю. Это изменение, подробно разъясненное во вступительном «Fihrist», сопровождалось усилением визуального компонента (диаграммы, карты, иллюстрации) и четким обозначением военного и административного контроля над выпуском, что свидетельствовало о стремлении к профессионализации и стандартизации официального дискурса (Ceride-i Askeriye, Cedit №1, 1880; Duman 1999, 156). Деятельность специальной редакторской группы офицеров, занимавшейся переводом и адаптацией материалов из других источников, превращала газету в узел информационного обмена, формируя у читателя более ком-

плексную картину мира (Özcelik 2010, 118).

Содержательный анализ выпусков «Ceride-i Askeriye» позволяет выявить гораздо более широкий набор функций, нежели простое оповещение о военных делах. Публикация становилась площадкой для продвижения ключевых государственных инициатив, таких как всеобщая перепись населения, о чем сообщалось в одном из номеров (Ceride-i Askeriye, №20, 1864). Значительное внимание уделялось социальной и гражданской мобилизации: газета подробно освещала участие населения в строительстве военных объектов в Эрзинджане, представляя это как акт патриотизма и солидарности (Ceride-i Askeriye, №36, 1865), систематизировала и публиковала отчеты о пожертвованиях скота для армии (Ceride-i Askeriye, №82-84, 94, 1866), информировала о благотворительной деятельности офицеров, например, об организации вакцинации для бедных детей Рашид Эфенди (Ceride-i Askeriye, №67, 1865). Тем самым издание активно конструировало образ армии как института, интегрированного в общество и участвующего в его созидательной жизни, будь то поддержка образования (строительство школ в Эрзуруме), помощь переселенцам (черкесским мухаджирам в Софии) или участие в инфраструктурных проектах вроде строительства мостов и мелиорации портов (Ceride-i Askeriye, №117, 1866).

Таким образом, «Ceride-i Askeriye» стала важнейшим инструментом внутренней политики позднеосманского государства. Выходя далеко за рамки узковедомственного бюллетеня, она выполняла задачи по консолидации

профессионального военного сообщества, внедрению в его среду современных научных знаний, легитимации военных реформ и, что особенно важно, формированию в общественном сознании позитивного, созидательного и патриотического образа армии как опоры империи и проводника модернизации (Özçelik 2010, 125). Через ее страницы государство вело постоянный диалог с обществом, стимулируя социальную активность и направляя ее в русло, соответствующее официальной повестке.

Параллельно с развитием военной печати шло становление официальной юридической периодики, ключевым изданием которой стало «Ceride-i Adliye» (впоследствии «Adalet Dergisi»). Его более чем столетняя история, восходящая к 1873 году, отражает сложный и прерывистый путь модернизации османской, а затем турецкой правовой системы (Adalet Dergisi Tarihçesi 2000, 5). Первоначально выходившее под названиями «Ceride-i Mehâkim» (Судебный вестник) и «Ceride-i Mehâkim-i Adliye» (Судебный журнал), издание с самого начала выполняло функцию официального канала публикации законодательных актов, регламентов, решений Кассационного суда и циркуляров министерства юстиции (Ceride-i Mehâkim, №1, 1873). Эволюция его структуры, в частности введение в 260-м номере четкого разделения на официальную («Kısm-ı Resmî») и неофициальную («Kısm-ı Gayr-i Resmî») части, где последняя отводилась под научные статьи и судебные объявления, свидетельствовала о стремлении совместить административную функцию с задачей профессионального просвещения судебных кадров.

Кризис и последующее возрождение издания после Младотурецкой революции 1908 года особенно показательны для понимания его роли как политического инструмента. Прекращение выпуска «Ceride-i Mehâkim-i Adliye» было связано с признанием его неэффективности и «отсутствия практической пользы». Однако уже в декабре 1909 года, по инициативе министра юстиции Некмеддина Молла Бея и с бюджетным финансированием в 50 000 куршей (BOA, İ.DUİT. 80/57), журнал был перезапущен под названием «Ceride-i Adliye». Во вступительной «Mukaddime» прямо критиковался прежний формализованный подход, ограничивавшийся публикацией рутинных постановлений, и провозглашалась новая миссия: создание современного, соответствующего конституционным принципам издания, которое служило бы «общественным интересам» и способствовало повышению квалификации судей (Ceride-i Adliye, Yeni Seri, №1, 1909). Программа обновленного журнала предусматривала публикацию не только официальных документов, но и научных статей по фикху (исламскому праву) и юридических исследований, что превращало его в площадку для формирования обновленного правового дискурса. Однако, как отмечал в 1910 году издатель Мехмет Ариф Бей, на практике акцент зачастую смещался в сторону теоретических изысканий в ущерб практическим нуждам юристов (Mehmed Arif Bey 1910, 2).

Последующая история издания, отмеченная перерывами (1916, 1919-1922 гг.), сменами места печати (Стамбул, Анкара), шрифта (с арабского на латинский) и названий («Adliye Ceridesi», «Adliye Dergisi», окончательно «Adalet

Dergisi» с 1945 г.), демонстрирует его удивительную устойчивость как института. Каждое возобновление сопровождалось манифестами, подчеркивавшими верность принципам независимости, справедливости и правового просвещения в новых политических условиях (Ceride-i Adliye, Yeni Devre, №1, 1922). Журнал стал обязательным к подписке для всех сотрудников судебной системы, что усиливало его роль как инструмента унификации профессионального сознания. Его экземпляры рассылались в библиотеки ключевых государственных учреждений, от Государственного совета до Министерства иностранных дел, что подтверждает его статус официального информационно-нормативного ресурса (BOA, DH.İ.U.M. 52/23; BSA, 030.18.01.02.11.65).

Таким образом, эволюция «Ceride-i Adliye» отражает диалектику государственного контроля и профессиональной автономии в правовой сфере. С одной стороны, издание всегда оставалось под жестким административным надзором, будучи каналом трансляции официальных норм и механизмом индоктринации судебного корпуса. С другой стороны, оно стремилось стать площадкой для юридической мысли, способствуя профессионализации и формированию корпоративной идентичности юристов (Кауан 1997, 134). Этот двойственный характер делал его ключевым инструментом в реализации государственной политики, направленной на создание централизованной, светской и рациональной правовой системы, сначала в рамках османского реформизма, а затем в процессе строительства Турецкой Республики.

Профессиональная пресса: трансляция знаний и формирование новой идентичности

Параллельно с официальными ведомственными изданиями в Османской империи, а затем в Турецкой Республике, активно развивался сектор специализированной профессиональной периодики. Эти журналы, часто малотиражные, были нацелены на конкретные профессиональные сообщества (учителей, врачей, инженеров) и выполняли критически важную функцию: они служили каналом трансляции современных знаний, стандартов и практик, способствуя тем самым модернизации соответствующих отраслей и формированию новой профессиональной и гражданской идентичности их читателей (Duman 1999, 89).

В сфере образования ключевую роль сыграл еженедельный журнал «İlk Öğretim» (Начальное образование), издававшийся Министерством национального образования с 1939 по 1966 год и ориентированный на учителей и инспекторов начальных школ. Его создание и содержание наглядно демонстрируют, как профессиональное издание становится инструментом решения масштабных государственных задач — в данном случае, построения унифицированной национальной системы образования и воспитания лояльного республиканским идеалам поколения (Fortna 2002, 176).

Инициатива исходила с самого верха: журнал был учрежден по указанию второго президента Турции Исмета Инёню, что сразу задало его высокий политический статус. В обращении, опубликованном в первом номере 18 февраля

1939 года, Инёню прямо обращался к учителям как к «самоотверженным и искренним... несущим священную миссию воспитания», призывая их к единению вокруг «идеалов национальных традиций и человечества» и видя в них творцов «светлого будущего» (İnönü 1939, 1). Этот патетический дискурс не только поднимал социальный престиж профессии, но и возлагал на нее колоссальную идеологическую ответственность, интегрируя педагогов в проект национального строительства в качестве его ключевых агентов.

Содержание «İlk Öğretim» было тщательно выверено для решения этих задач. Во-первых, журнал выступал как практическое руководство и площадка для обмена опытом. В его статьях детально разбирались методики преподавания в разных, особенно сельских, регионах, давались советы по организации учебного процесса в условиях ограниченных ресурсов, публиковались обзоры новых учебных программ и пособий (Kültür 1940, 12). Во-вторых, издание выполняло просветительскую и сравнительную функцию, знакомя турецких учителей с зарубежным опытом — от мексиканских школ, совмещавших обучение с распространением агрономических знаний, до немецкой модели «Heimatkunde» (краеведения), укреплявшей национальную идентичность через локальные традиции (Ant 1941, 8; Ant 1942, 10). Это позволяло не только заимствовать полезные практики, но и контекстуализировать турецкие реформы в общемировом тренде модернизации образования.

В-третьих, и это наиболее показательное, журнал активно конструировал образ «идеального учителя» республиканской эпохи. Статьи, подобная работе инспектора Т. Бильселя, систематизировали более 80 необходимых качеств педагога, сочетая профессиональные компетенции (умение управлять классом) с личностными и почти морально-этическими характеристиками: искренностью, терпением, смелостью и даже «радостью», которая рассматривалась как залог позитивной атмосферы и эффективности обучения (Bilsel 1943, 4). Таким образом, учитель представлялся не просто техническим исполнителем, а нравственным образцом, «активным участником общественной жизни», чья роль выходила далеко за рамки школы.

Наконец, несмотря на декларируемую профессиональную направленность, «İlk Öğretim» регулярно использовался для прямой политической пропаганды и укрепления культа лидера. На его страницах публиковались предвыборные обращения Инёню, акцентировавшие единство народа и мудрость руководства, а также отчеты о высокой гражданской активности на выборах, что служило легитимации правящего режима (İlk Öğretim, 1946, Sayı 35, 1). Даже публикации, посвященные культурному наследию, как эссе о архитекторе Мимаре Синане, выполняли функцию прославления османского прошлого, интегрируя его в пантеон национальной гордости новой Турции (Yücel 1939, 7).

В итоге, журнал «İlk Öğretim» стал не просто методическим пособием, а комплексным инструментом образовательной политики. Он способствовал стандартизации преподавания,

распространению современных педагогических концепций (Fortna 2002, 185), но главное — целенаправленно формировал корпус учителей, которые являлись бы не только квалифицированными специалистами, но и преданными проводниками идеологии кемализма в самой восприимчивой аудитории — среди детей. Через профессиональную прессу государство осуществляло тонкую и глубокую работу по преобразованию сознания ключевой социальной группы.

Другим важнейшим сегментом профессиональной периодики стала медицинская пресса, эволюция которой с удивительной наглядностью отражает путь от практико-ориентированного ведомственного издания к полноценному академическому журналу. Первопроходцем в этой области явился военно-медицинский вестник «Ceride-i Tıbbiye-i Askeriye», первый номер которого вышел в 1872 году (Gürbüz 2015, 23). Его создание было ответом на насущные потребности реформируемой османской армии: изначально журнал ставил сугубо практические задачи по информированию военных врачей о методах лечения ран, ампутациях, санитарно-гигиенических нормах и борьбе с эпидемиями (холерой, малярией), свирепствовавшими в отдаленных гарнизонах, включая йеменский (Ceride-i Tıbbiye-i Askeriye, №1, 1872). Таким образом, он служил инструментом стандартизации медицинской службы в армии и повышения ее эффективности в полевых условиях.

История этого издания представляет собой непрерывную цепь трансформаций, каждая

из которых была связана с институциональными и политическими изменениями в стране. Менялись его названия: «Askerî Tıp Mecmuası» (1908), «Askerî Sıhhiye Mecmuası» (1925), «Askerî Sıhhiye Dergisi» (1941), что отражало реорганизацию военно-медицинского ведомства. Кульминацией этого процесса стала интеграция журнала в структуру Гюльханской военной медицинской академии и переход под названия «Gülhane Tıp Bülteni» (1962) и, наконец, «Gülhane Tıp Dergisi» (1998) (Gürbüz 2015, 30). Эта эволюция от вестника к бюллетеню и затем к полноценному «дерги» (журналу) символизирует переход от сугубо прикладной, служебной функции к статусу рецензируемого научного издания, ориентированного на международные стандарты.

Не менее значимой была культурно-языковая трансформация. Публикуясь изначально на османском языке, после языковой реформы 1928 года журнал перешел на современный турецкий язык и латинский алфавит. Этот переход имел фундаментальное значение: он способствовал не только демократизации знания, но и активному формированию и стандартизации национальной медицинской терминологии. Содержание издания радикально расширилось — от отчетов о санитарном состоянии частей и описаний случаев до оригинальных исследований, клинических обзоров, статистических данных и переводов международной медицинской литературы (Gülhane Tıp Dergisi, 1998, Cilt 40, Sayı 1, 1–5). Журнал превратился в ключевую платформу для обмена опытом между военными и гражданскими врачами, публикуя уникальные данные о заболеваемости

в условиях войн и эпидемий.

Таким образом, более чем 140-летняя история издания, ведущего отсчет от «*Seride-i Tibbiye-i Askeriye*», представляет собой микро-модель модернизации турецкой медицины в целом (Gürbüz 2015, 45). Через его призму можно проследить движение от эмпирики к науке, от ведомственной замкнутости к академической открытости, от имперской полиглоттии к национальному языковому стандарту. Этот журнал, как и «*İlk Öğretim*» в образовании, выполнял двойную функцию: являлся инструментом профессиональной консолидации и повышения квалификации врачей, одновременно выступая проводником государственной политики, направленной на создание современной, светской и национальной системы здравоохранения.

Сатирическая и оппозиционная печать: критика и альтернативные проекты

В противовес официальной и профессиональной прессе, служившей проводником государственной политики, в османском медийном пространстве сформировался мощный пласт оппозиционной и сатирической периодики. Эти издания выступали в роли критической инстанции, вскрывая противоречия модернизации, разоблачая пороки власти и предлагая альтернативные, зачастую радикальные, проекты общественного развития. Наиболее ярким и влиятельным феноменом в этом ряду стал азербайджаноязычный сатирический журнал «Молла Насреддин», издававшийся в 1906–1931 годах в Тифлисе, Тебризе и Баку (Swietochowski 1995, 67).

«Молла Насреддин» возник на волне революционных потрясений начала XX века и был задуман его основателем, Джалилом Мамедкулизаде, как «пробудитель» мусульманского общества от вековой спячки, религиозного фанатизма и социального застоя. Журнал, ориентированный на широкую мусульманскую аудиторию, включая читателей в Османской империи, избрал своей главной мишенью османское государство, подвергая беспощадному анализу и сатирическому осмеянию его внутреннюю и внешнюю политику. Правление султана Абдул-Хамида II стало объектом систематической критики: на страницах издания разоблачались неудачи реформ, коррупция чиновников, произвол администрации и угнетение национальных меньшинств (Molla Nasreddin, 1907, Sayı 14). С помощью остроумных текстов и едких карикатур журнал бичевал ключевые институты империи — бюрократию, милитаризм, официальное духовенство, высмеивая слепое повиновение властям, формализм религиозных ритуалов и консервативное сопротивление образованию женщин.

Критический пафос «Моллы Насреддина» не ограничивался внутренними проблемами. Журнал внимательно следил за внешнеполитическими провалами Порты, публикуя материалы о аннексии Боснии и Герцеговины, конфликтах с Болгарией и Грецией, итало-турецкой войне за Триполитанию. Эта критика была направлена на пробуждение чувства ответственности и национального достоинства у правящей элиты и интеллигенции мусульманского Востока (Molla Nasreddin, 1911, Sayı 23). Важнейшей составляющей идеологии

журнала стала борьба за культурную модернизацию. Его издатели поднимали острые вопросы необходимости реформы турецкого языка, очищения его от избыточных арабских и персидских заимствований и перехода к более доступной, народной форме выражения. Таким образом, «Молла Насреддин» выступал не только как политический обличитель, но и как активный участник формирования нового, светского и национально ориентированного культурного дискурса.

Несмотря на цензурные преследования и протесты со стороны консервативных кругов, журнал пользовался колоссальной популярностью и влиянием, его читали в Стамбуле, Багдаде, Каире и других интеллектуальных центрах мусульманского мира (Swietochowski 1995, 89). Его язык, смелые визуальные образы и сатирические приемы оказали profoundное влияние на развитие всей мусульманской, в том числе османской, журналистики. Исследование «Моллы Насреддина» позволяет рассматривать сатирическую прессу не как маргинальное явление, а как важнейший инструмент общественного влияния и политического просвещения. Журнал стал ареной, где формулировались и продвигались альтернативные официальному курсу идеи социальной справедливости, национального самоопределения и культурного обновления, что делало его значимой силой в сложном идеологическом ландшафте эпохи.

Развитие рассмотренных типов периодики — официальной, профессиональной, сатирической — было тесно связано с процессами социальной стратификации и трансформации.

Специализированные издания (медицинские, образовательные) служили не только каналом научного дискурса, но и инструментом консолидации, повышения престижа и формирования корпоративной идентичности новых профессиональных сообществ (Duman 1999, 102). Идеологически ангажированные издания, такие как «Молла Насреддин», формировали и транслировали контр-идеологемы, оказывая давление на общественное мнение и власть. Таким образом, периодическая печать в Османской империи XIX – начала XX веков активной формой участия в перераспределении символического капитала, деконструкции старых и конструировании новых социальных норм и идентичностей, выступая одновременно и как зеркало, и как двигатель масштабных общественных перемен.

Религиозная печать и книгоиздание между контролем и коммерциализацией

Эволюция религиозной печатной продукции в Османской империи XIX века представляет собой особый кейс, демонстрирующий сложное взаимодействие между традиционными религиозными институтами, государственной регуляторной политикой, рыночным спросом и социальными изменениями. Если официальная светская пресса создавалась как инструмент модернизации, то сфера религиозного книгоиздания стала ареной борьбы за контроль над интерпретацией ислама и, одновременно, полем его постепенной адаптации к меняющимся условиям.

Несмотря на то, что религиозные тексты традиционно составляли основу османской

книжной культуры, их печатное тиражирование изначально сталкивалось с серьезными ограничениями, включая запрет на воспроизведение Корана (Berkes 1964, 155). Первые шаги к изменению этой политики были связаны с утилитарными государственными нуждами: первым напечатанным религиозным текстом стал катехизис «Risale-i Birgivi», избранный, как полагают исследователи, для нужд религиозного образования солдат армии Низам-ı Джедид (Baysun 1947, 45). Этот выбор знаменателен — он указывает на то, что импульс к печати религиозной литературы исходил от потребностей модернизирующегося государства, а не от религиозных институтов. Развитие государственных типографий «Tabhane» и «Takvimhane» в 1820-1840-х годах способствовало росту выпуска учебных текстов для медресе, удовлетворяя спрос, вызванный увеличением числа студентов (Sabev 2006, 285). Рынок активно реагировал на это: в книжных лавках и реестрах торговцев, таких как Хафиз Сулейман Эфенди в Стамбуле или Али Эфенди в Адане, доминировали именно религиозные и учебные произведения, что свидетельствует об их коммерческой востребованности (BOA, C..MF.. 12/580).

Настоящий перелом в политике контроля над религиозным словом произошел в эпоху султана Абдулхамида II (1876-1909). Его правление ознаменовалось созданием всеобъемлющей системы государственного лицензирования и цензуры религиозных текстов. Печать Корана и шариатской литературы была разрешена только при наличии специальной фетвы и разрешения от органов Мешихата (религиозной администрации) (Deringil 1998,

95). Цели этой политики были двояки: защита монополии государственной типографии Matbaa-i Osmaniye и, что более важно, предотвращение распространения нежелательных или оппозиционных интерпретаций ислама, которые могли бы подорвать идеологическую основу режима. Ключевым инструментом контроля стал реестр лицензий Министерства образования (Maarif Nezareti Rüusu Defteri, 1889-1907), в котором фиксировались все разрешенные к печати книги. Анализ этого реестра показывает устойчивый интерес к религиозным изданиям, причем 92% поданных заявок одобрялись с первого раза (Ayman 2009, 102). Такая система позволяла государству не запрещать религиозную печать, а направлять ее в безопасное русло, поощряя издание аполитичных текстов по акиде (вероубеждению), фикху (праву), тафсиру (толкованию Корана) и популярных молитвенников.

Парадоксальным образом, жесткий государственный контроль не остановил, а структурировал и даже стимулировал коммерциализацию и демократизацию религиозного книжного рынка. Возник спрос на упрощенные, доступные широкой аудитории тексты на турецком языке, такие как «İlmihal» (катехизисы) и руководства по намазу. Это создало нишу для новых категорий авторов, наиболее примечательной из которых стали женщины. С конца XIX века женщины, такие как Назиме Шерифе Ханым и Камер Ханым, начали активно подавать прошения в Мешихат на издание своих религиозных трудов (BOA, ŞD. 2789/57). Их произведения, подобные «Namaz Hocası» Камер Ханым, были сознательно ориентированы на широкие

слои населения, написаны простым языком без сложной арабской терминологии и основывались на авторитетных, но общедоступных источниках вроде «Halebî» (Kamer Hanım, Namaz Nocası, 1309). Хотя их путь к публикации был тернист (тексты Камер Ханым первоначально отвергались из-за ошибок и лишь после исправлений получали разрешение (BOA, MF.MKT. 674/40)), сам факт их появления знаменовал значительный сдвиг. Религиозное знание переставало быть монополией ученых-улемов, связанных с официальными медресе; его производство и коммерческое распространение становилось доступным для более широкого круга грамотных мусульман, включая женщин (Zilfi 1997, 220, 225).

Таким образом, религиозное книгоиздание в XIX веке прошло путь от фрагментированного и ограниченного поля к централизованной системе государственного регулирования. Эта система, формализованная при Абдулхамиде II, обеспечивала каноническое качество текстов и усиливала контроль над религиозной жизнью (Deringil 1998, 110). Однако параллельно с этим шли процессы коммерциализации и демократизации: рос рынок популярной религиозной литературы, появлялись новые типы авторов и аудиторий. Религиозная печать стала еще одной ареной, где сталкивались традиция и модернизация, государственный контроль и рыночная логика, мужская монополия на знание и рост женской грамотности и активности, отражая в себе все сложности и противоречия позднеосманской трансформации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что периодическая печать в Османской империи, начиная с эпохи Танзимата и вплоть до становления Турецкой Республики, являлась не пассивным регистратором событий, а активным агентом исторического процесса и ключевой ареной идеологической борьбы. Различные типы изданий служили инструментами реализации специфических политических и социальных проектов, а их эволюция отражала глубинные сдвиги в османском обществе.

Официальные государственные издания, такие как «Ceride-i Askeriye» и «Ceride-i Adliye», функционировали как централизованные каналы коммуникации, через которые власть не только информировала, но и активно формировала общественное сознание. Их развитие от простых бюллетеней к сложным профессиональным журналам отражало процессы бюрократической рационализации и становления современных государственных институтов. Они легитимировали реформы, консолидировали профессиональные сообщества военных и юристов вокруг ценностей модернизации и внедряли в массовое сознание новую систему норм.

Профессиональная пресса в сферах образования и медицины («İlk Öğretim», «Ceride-i Tıbbiye-i Askeriye») играла роль проводника современных знаний и стандартов. Эти издания были нацелены на создание нового типа специалиста — учителя или врача, который сочетал бы профессиональную компетентность с лояльностью республиканским или османским-модернизаторским идеалам. Через них

осуществлялась тонкая работа по формированию гражданской и профессиональной идентичности, часто переплетававшейся с элементами государственной пропаганды.

Сатирическая печать, ярчайшим представителем которой был журнал «Молла Насреддин», представляла собой критическую контрсилу. Она вскрывала изъяны государственной политики, боролась с консерватизмом, религиозным фанатизмом и социальной несправедливостью, выступая за культурную модернизацию и часто предлагая альтернативные националистические или просветительские проекты. Ее существование и популярность свидетельствуют о нарастающей плюрализации публичной сферы и превращении печати в поле политической конкуренции.

Наконец, сфера религиозного книгоиздания и печати демонстрирует уникальный синтез жесткого государственного контроля и стихийной коммерциализации. Политика лицензирования при Абдулхамиде II была направлена на монополизацию интерпретации ислама и нейтрализацию его оппозиционного потенциала. Однако параллельно развивался рынок доступной религиозной литературы, возникали новые авторы, включая женщин, что вело к демократизации религиозного знания и усложнению самого религиозного дискурса.

Таким образом, османская периодическая печать стала одним из центральных полей, где сталкивались и конкурировали ключевые идеологии эпохи — османизм, исламизм, западничество, национализм. Она была средством конструирования новых социальных и профес-

сиональных идентичностей и мощным орудием в руках как государства, стремящегося к преобразованию и контролю, так и различных общественных групп, стремившихся повлиять на курс этого преобразования или предложить свою альтернативу. Борьба за символическое пространство в печати была напрямую связана с борьбой за политическое влияние и будущее страны, что делает ее изучение необходимым для понимания механизмов трансформации Османской империи в Новое и Новейшее время.

Список литературы и источников/ References

Научная и справочная литература:

1. Çakır, Coşkun. 1992. Tanzimat Dönemi Osmanlı Maliyesi. İstanbul: Küre Yayınları. (На тур. яз.).
2. Koloğlu, Orhan. 2006. Osmanlı'dan 21. Yüzyıla Basın Tarihi. İstanbul: Pozitif Yayınları. (На тур. яз.).
3. Topuz, Hıfzı. 2003. II. Mahmut'tan Holdinglere Türk Basın Tarihi. İstanbul: Remzi Kitabevi. (На тур. яз.).
4. Özçelik, Mustafa. 2010. "Ceride-i Askeriye: İçeriği ve Tarih Yazımına Katkısı." Askeri Tarih Araştırmaları Dergisi 8 (16): 111–128. (На тур. яз.).
5. Duman, Hasan. 1999. Osmanlı Salnameleri ve Nevsalleri (1847-1922): Bibliyografya. Ankara: Enformasyon ve Dokümantasyon Hizmetleri Vakfı. (На тур. яз.).
6. Adalet Dergisi Tarihçesi. 2000. Ankara:

- Adalet Bakanlığı Yayınları. (Ha typ. яз.).
 7. Swietochowski, Tadeusz. 1995. Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Cambridge: Cambridge University Press.
 8. Fortna, Benjamin C. 2002. Imperial Classroom: Islam, the State, and Education in the Late Ottoman Empire. Oxford: Oxford University Press.
 9. İnönü, İsmet. 1939. “Обращение к учителям.” İlk Öğretim Dergisi, 18 февраля.
 10. Kültür, Asım. 1940. “Преподаватель Центральной Анатолии.” İlk Öğretim Dergisi.
 11. Ant, R. 1941. “Meksika köy okulu.” İlk Öğretim Dergisi.
 12. Ant, R. 1942. “Başka memleketlerde köy terbiyesi: Almanya.” İlk Öğretim Dergisi.
 13. Bilsel, Turgut. 1943. “İyi bir öğretmen vasıfları.” İlk Öğretim Dergisi.
 14. Sinal, İlyas. 1945. “Evde yapılan eşlerden: çamaşır yıkama.” İlk Öğretim Dergisi.
 15. Yücel, Hasan-Âli. 1939. “Ölümünün 351 inci yıldönümü münasebetiye — 350 yıl sonra Mimar Sinan (1490-15880).” İlk Öğretim Dergisi.
 16. Zürcher, Erik Jan. 2004. Turkey: A Modern History. London: I.B. Tauris.
 17. Gürbüz, Mehmet. 2015. “Ceride-i Tıbbiye-i Askeriye'den Gülhane Tıp Dergisi'ne: 140 Yıllık Bir Yolculuk.” Yeni Tıp Tarihi Araştırmaları 21: 21–48. (Ha typ. яз.).
 18. Berkes, Niyazi. 1964. The Development of Secularism in Turkey. Montreal: McGill University Press. (Ha angl. яз.)
 19. Sabev, Orlin (İsrafil). 2006. *İbrahim Müteferrika ya da İlk Osmanlı Matbaa Serüveni (1726-1746)*. İstanbul: Yeditepe Yayınevi. (Ha typ. яз.).
 20. Baysun, M. Cavid. 1947. “Müteferrika Matbaası'na Dair.” Türkiyat Mecmuası VII-VIII: 29–58. (Ha typ. яз.).
 21. Karal, Enver Ziya. 1943. Osmanlı İmparatorluğu'nda İlk Nüfus Sayımı 1831. Ankara: T.C. Başbakanlık Devlet İstatistik Enstitüsü. (Ha typ. яз.).
 22. Ayman, Gül. 2009. Osmanlı'da Matbu Kur'an-ı Kerim Tarihi. İstanbul: Osmanlı Araştırmaları Vakfı. (Ha typ. яз.).
 23. Deringil, Selim. 1998. The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909. London: I.B. Tauris. (Ha angl. яз.)
 24. Zilfi, Madeline C., ed. 1997. Women in the Ottoman Empire: Middle Eastern Women in the Early Modern Era. Leiden: Brill. (Ha angl. яз.)
 25. Kayah, Hasan. 1997. Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. Berkeley: University of California Press. (Ha angl. яз.)
- Архивные документы и первоисточники:**
26. Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA), İstanbul.
 27. BOA, İ.DUİT. 80/57.

28. BOA, DH.İ.UM. 52/23. muası 1 (1).
29. BOA, C..MF.. 12/580.
30. BOA, HAT. 536/26450.
31. BOA, İ..MVL. 246/8120.
32. BOA, MF.MKT. 674/40.
33. BOA, ŞD. 2789/57.
34. Başbakanlık Cumhuriyet Arşivi (BCA), Ankara. BCA, 030.18.01.02.11.65.
35. Maarif Nezareti Rüusu Defteri (Реестр лицензий Министерства образования). 1889–1907 гг.
36. Ceride-i Askeriye. 1864. №1.
37. Ceride-i Askeriye. 1864. №15.
38. Ceride-i Askeriye, Cedit Numero. 1880. №1.
39. Ceride-i Askeriye. 1864. №20.
40. Ceride-i Askeriye. 1865. №36.
41. Ceride-i Askeriye. 1865. №67.
42. Ceride-i Askeriye. 1866. №82-84, 94.
43. Ceride-i Askeriye. 1866. №117.
44. Ceride-i Askeriye. 1866. №103.
45. Ceride-i Mehâkim. 1873. №1.
46. Ceride-i Mehâkim-i Adliye. 1901. №1.
47. Ceride-i Adliye, Yeni Seri. 1909. №1.
48. Mehmed Arif Bey. 1910. "İlm-i Hukuk ve Mukayese-i Kavânîn Mecmuası Hakkında." İlm-i Hukuk ve Mukayese-i Kavânîn Mec-
49. Ceride-i Adliye. 1916. №149.
50. Ceride-i Adliye, Yeni Devre. 1922. №1.
51. Muhâmât Dergisi. 1922. Cilt 1, Sayı 3.
52. Adliye Ceridesi. 1929. Cilt 1, Sayı 1.
53. Adliye Dergisi. 1944. Cilt 1, Sayı 1.
54. Adalet Dergisi. 2020. Sayı 97.
55. Ceride-i Tıbbiye-i Askeriye. 1872. №1.
56. Gülhane Tıp Dergisi. 1998. Cilt 40, Sayı 1.
57. Molla Nasreddin (журнал). 1907. Sayı 14.
58. Molla Nasreddin (журнал). 1911. Sayı 23.
59. Takvim-i Vekayi. 1889. №1891, 27 Eylül.
60. Kamer Hanım. 1309 [1891-1892]. Namaz Hocası. İstanbul: Matbaa-i Âmire. (На тур. яз.).
61. İlk Öğretim Dergisi. 1946. Sayı 35.

Сведения об авторе

Нафиков Ильсур Закирзянович,

К.и.н., доцент кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований

ФГАОУ ВПО Казанский (Приволжский) федеральный университет, 4420111, Казань, ул.Пушкина, д.1/55

IZNafikov@kpfu.ru

Information about the author

Ilsur Z. Nafikov

PhD of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Altaic, Turkic and Central
Asian Studies,
Institute of International Relations, Kazan
(Volga) Federal University, 420111, Kazan,
Pushkina str., 1/55.
IZNafikov@kpfu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.01.2026

Принята к публикации: 15.01.2026

Information about the article

The article was submitted: 15.01.2026

Approved after reviewing: 15.01.2026

Accepted for publication: 15.01.2026

New Dimensions of Indian Policy for Central Asia

Новые измерения индийской политики
в Центральной АзииУДК 327.33 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-103-112](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-103-112)*Аликберова Альфия Рафисовна¹**¹Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия**Автор, ответственный за переписку:
alfiakasimova@gmail.com**<https://orcid.org/0000-0002-5094-3010>**Alfia R. Alikberova¹**¹Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia**Corresponding author:
alfiakasimova@gmail.com**<https://orcid.org/0000-0002-5094-3010>*

АННОТАЦИЯ. Индия с каждым годом укрепляет свои позиции на мировой арене, выходя за рамки регионального игрока. В ее внешнеполитических интересах появляются новые территории, в том числе страны Центральной Азии. В представленной статье рассматриваются три ключевых сферы взаимодействия: региональная безопасность, экономика и энергетика, приводятся актуальные примеры сотрудничества на разных уровнях. Кроме того, авторами дается характеристика индийско-центральноазиатских отношений. Основным выводом работы является острая необходимость разработки комплексной внешнеполитической и экономической стратегии между Индией и странами Центрально-Азиатского региона.

ABSTRACT. India strengthens its position on the global stage every year, expanding beyond its regional status. New territories, including the countries of Central Asia, are emerging as areas of its foreign policy interests. This article examines three key areas of interaction: regional security, economics, and energy, and provides current examples of cooperation at various levels. Furthermore, the authors provide a description of Indian-Central Asian relations. The main conclusion of the paper is the urgent need to develop a comprehensive foreign policy and economic strategy between India and the countries of Central Asia.

KEYWORDS: Central Asia, India, Central Asian region, regional security, Central Asian countries, SCO, China.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Центральная Азия, Индия, центрально-азиатский регион, региональная безопасность, страны Центральной Азии, ШОС, Китай.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Аликберова А.Р. Новые измерения индийской политики в Центральной Азии. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 8103-112 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-103-112>

FOR CITATION: Alikberova A.R. New Dimensions of Indian Policy for Central Asia. *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 103-112 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-103-112>

Центральная Азия — это политическое образование, которому в ближайшие годы предстоит сыграть важную стратегическую роль. Современное международное значение стран Центральной Азии отражает их экономический и демографический потенциал, географическое положение, характер их отношений с другими государствами, в первую очередь с соседними, а также их роль в региональных и глобальных международных организациях.

Данный регион является наиболее перспективным в развитии международной транспортной и торговой инфраструктуры на Евразийском континенте. Беря во внимание то, что по прогнозам к 2050 г. азиатский континент будет составлять более половины мирового ВВП [1], торговые пути Центральной Азии станут незаменимыми. Помимо логистических возможностей центральноазиатских республик дополнительный интерес региону придают богатые запасы углеводородов, а также потенциально растущий рынок сбыта товаров и услуг, что заставляет внешних игроков в том числе и Индию, проявлять к нему особое внимание.

Индия, несмотря на сосредоточение усилий по стратегическому расширению своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, в частности, в акватории Индийского океана, предпринимает попытки расширить своё стратегическое влияние в регионе Центральной Азии в рамках своей политики «Взгляд на Запад» (*Look West Policy*) [2] и новой внешнеполитической стратегии, получившей название «связь с Центральной Азией» (*Connect Central Asia*) [3].

Давние исторические, культурные, политические и экономические связи между Индией и Центральной Азией со временем превратились в прочную, проверенную временем и способствующую преобразованиям связь. Несмотря на то, что Индия, пытаясь сбалансировать своё континентальное и морское присутствие, в ближайшие годы будет активнее действовать в Центральной Азии, в том числе с помощью тактической и стратегической поддержки России. Внешняя политика Нью-Дели выстраивается в противовес усиливающемуся Китаю. В последние годы Индия и государства Центральной Азии активизировали обсуждение и сотрудничество [4] по таким вопросам, как

торговля и коммуникация, экономическое развитие, энергетическая безопасность, региональные проблемы, представляющие взаимный интерес, а также общие геополитические проблемы, связанные с новыми вызовами.

Проблемы региональной безопасности

В Центральной Азии существует проблема религиозного экстремизма, которая подвергает серьезному риску не только страны региона, но и их соседей. Угрозы безопасности для стран Центральной Азии исходят от международных террористических организаций и кризиса в соседнем Афганистане. Индия крайне заинтересована в безопасности и политической стабильности этого региона. Очевидно, что, учитывая ситуацию в Кашмире, Индия не может оставаться в стороне от политических событий, происходящих в регионе Центральной Азии. Активизация исламских экстремистских группировок в странах Центральной Азии может отразиться на ситуации в сложном штате Кашмир. Для Индии проблема Кашмира связана не только с четырьмя миллионами мусульман, проживающих в Кашмирской долине, но и с миром и безопасностью 130 миллионов мусульман в других регионах Индии. В этой связи стратегическое значение Центральной Азии для Индии огромно. Индия ни при каких обстоятельствах не может игнорировать этот регион.

Нестабильность в Афганистане также негативно сказывается на мире и безопасности на данной территории. Приход к власти в Афганистане движением «Талибан» еще больше усилил опасения в Нью-Дели, что исламский экстремизм будет активно проникать в Централь-

ную Азию и приведет к усилению радикализма в Кашмире.

Геополитическая значимость Центральной Азии для Индии не вызывает никаких сомнений. В условиях эскалации угроз и вызовов, исходящих от религиозного экстремизма, терроризма и агрессивного национализма для целостности и безопасности территории Индии, стратегическое значение Центральной Азии значительно возросло.

Противодействие терроризму и экстремизму уже давно находится в центре внимания в отношениях между Индией и стран Центральной Азией. В 1995 г. начала работу Совместная рабочая группа Таджикистана и Индии по борьбе с терроризмом [5]. В период с 2002 г. по 2010 г. Индия потратила 70 миллионов долларов на реконструкцию авиабазы Айни в Таджикистане [6]. В случае размещения своей авиации Индия получит стратегическое преимущество в противостоянии в ключевом для себя треугольнике Индия-Китай-Пакистан.

В июне 2017 г. в казахстанской столице Индия стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Шанхайская организация сотрудничества является еще одной организацией, в рамках которой взаимодействует формат Индия — Центральная Азия, укрепляя доверие. Индия проводит совместные антитеррористические учения в рамках Региональной антитеррористической структуры (РАТС) Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Эти учения проходили с участием Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и России.

Основной целью антитеррористических учений стало улучшение взаимодействия между силовыми структурами стран-участниц в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Учения позволили лучше координировать действия и обмениваться опытом. Они включали различные сценарии, связанные с предотвращением террористических угроз, действиями по восстановлению правопорядка в условиях чрезвычайных ситуаций и оперативным реагированием на потенциальные атаки.

Подобные мероприятия способствуют укреплению безопасности в Центральной Азии, а также демонстрируют готовность стран к совместной борьбе с террористическими угрозами, которые могут исходить как из внутренних, так и из внешних источников. Учения проводятся в рамках ШОС, что подчеркивает важность многостороннего сотрудничества в области безопасности на уровне стран региона.

Таким образом, совместные антитеррористические учения Индии и стран Центральной Азии в рамках РАТС ШОС являются важным шагом в укреплении безопасности и стабильности в этом стратегически важном регионе.

Целый ряд геополитических кризисов, разразившихся в последние годы, оказали колоссальное давление на существующие двусторонние отношения и вынуждены проходить проверку на прочность существующих элементов сотрудничества в рамках многосторонних объединений. Нью-Дели, и государства Центральной Азии пытаются диверсифицировать свои усилия и направляют свой импульс на поиск новых партнеров за пределами круга своих

традиционных союзников, чтобы противостоять этому геополитическому давлению и расширить свое влияние за пределы непосредственного окружения.

Вопросы безопасности остаются в центре двусторонних отношений между Индией и Таджикистаном. Расширение этого сотрудничества за счет включения в него других стран Центральной Азии демонстрирует готовность Нью-Дели включить весь регион в свою внешнеполитическую повестку. Соединенные Штаты регулярно взаимодействуют со странами Центральной Азии в рамках многостороннего формата C5+1. Аналогичным образом Япония в 2004 г. ввела диалог «Центральная Азия плюс Япония» для укрепления дипломатического и экономического сотрудничества с регионом. Создание аналогичного многостороннего формата, который впервые прошел в 2022 г. на основе саммита Индия — Центральная Азия даст Индии более благоприятную отправную точку для дальнейшего взаимодействия с партнерами из Центральной Азии.

Торговля, финансы и инвестиции

Торгово-экономическое сотрудничество Индии с государствами Центральной Азией представляет собой важный аспект внешней политики и стратегических интересов обеих сторон. Исторически сложившиеся культурные связи, подкрепленные современными политическими и экономическими реалиями, формируют основу для устойчивого взаимодействия.

Индия на протяжении веков поддерживала тесные связи с народами Центральной Азии.

Древний Шелковый путь служил каналом обмена товарами, технологиями и культурой между Индией и Центральной Азией. Сегодняшнее сотрудничество базируется на исторических корнях, но сталкивается с рядом современных проблем, среди которых выделяются следующие аспекты:

- 1) Географическое расстояние и отсутствие прямого транспортного сообщения затрудняют развитие торговли и инвестиций;
- 2) Недостаточная интеграция региональных рынков снижает привлекательность Центральной Азии для индийских предпринимателей;

Низкий уровень осведомленности о возможностях и преимуществах сотрудничества препятствует росту интереса к экономическим контактам.

За последние десять лет торговые отношения между Индией и странами Центральной Азии претерпели значительные изменения. Однако, по оценки Евразийского банка развития, торговая связанность между Индией и странами Центральной Азии на текущий момент не реализовала в полной мере свой потенциал [7].

В 2024 г. Узбекистан стал главным импортером индийских товаров: на его долю пришлось 42% общего объема индийского экспорта в центральноазиатский регион. Следом идет Казахстан, на который приходится 35% общего объема.

Ключевым экспортером среди стран Центральной Азии в Индию в 2024 г. стал уже Ка-

захстан. Его вклад составил 60%. Активно развивается и инвестиционное сотрудничество между Центральной Азией и Индией. Инвестиционные связи Индии и Центральной Азии являются преимущественно односторонними.

Согласно статистическим данным по зарубежным прямым инвестициям, опубликованным министерством финансов Индии, за период с 2000 года по 2024 года объем накопленных инвестиций в Казахстан составил 440 млн. долл.

Казахстан — 392 млн. долл.;

Кыргызстан — 24 млн. долл.;

Узбекистан — 18 млн. долл.;

Таджикистан — 5 млн. долл.

Общий объем поступивших инвестиций из Индии в Центральную Азию оценивается в размере 1,5 млрд долл. Обратные потоки незначительные. Индийские инвесторы проявили наибольший интерес к ресурсно-сырьевому сектору Центральной Азии. Общий объем их вложений в угольную, нефтяную и газовую промышленность — 65,5%. К числу других секторов, привлечших индийские инвестиции, относятся текстильная и фармацевтическая промышленность, финансовые услуги, а также гостиничный бизнес и туризм.

Тем не менее торговля Индии со странами Центральной Азии пока находится на весьма низком уровне и не развивалась на протяжении многих лет. Индийские инвестиции не поступают в Центральную Азию по разным причинам [8].

К числу важнейших препятствий на пути развития торговых и инвестиционных отношений между Индией и странами Центральной Азии относятся:

- Недостаточно высокая эффективность транспортно-логистического сектора;
- Высокие затраты снижают уровень конкурентоспособности поставляемых товаров и сокращают объём взаимной торговли;
- Визовые режимы создают препятствия оперативных визитов в страну.

Это может препятствовать заключению соглашений с новыми партнёрами, участию бизнесменов в выставках и конференциях, что важно для обмена товарами и услугами.

Энергетика

Центральная Азия может сыграть важную роль в обеспечении энергетической безопасности Индии. Индия стремится получить доступ к поставкам урана, природного газа, нефти и угля из Центральной Азии в рамках своей национальной стратегии энергетической безопасности. Доступ к поставкам урана из Узбекистана и Казахстана имеет важнейшее значение для гражданской программы Индии в области ядерной энергетики. Поставки газа и нефти с Туркменистана и Казахстана позволит снизить ее чрезмерную зависимость от нестабильного региона Персидского залива.

В частности, Индия имеет стратегические интересы в каждой из пяти центральноазиатских стран:

Казахстан. Основным стратегическим интерес Индии заключается в получении доступа к его урановым месторождениям. Казахстан является крупнейшим в мире производителем урана.

Во время визита премьер-министра Манмохана Сингха в Казахстан 18 апреля 2011 г. была достигнута договорённость о поставках урана в Индию и всестороннем сотрудничестве в области гражданской ядерной энергетики [9].

В рамках визита в Казахстан премьер-министра Индии Нарендры Моди в июле 2024 г. были подписаны ряд соглашений связанные с развитием взаимоотношений в области ядерной энергетики. Одним из ключевых соглашений является договор между Министерством атомной энергии Индии и «Казатомпромом» на продажу и покупку природных урановых концентратов.

В 2024 г. в Казахстане было добыто около 23 270 тонн урана. На долю Казахстана приходится почти 90% потребностей Индии в уране [10].

Узбекистан. Занимает седьмое место в мире по экспорту урана, также имеет стратегическое значение для атомной энергетики Индии, а в 2019 г. между двумя странами подписан долгосрочный контракт на поставку 1100 тонн природного уранового рудного концентрата в Индию в рамках поддержки ее программы развития атомной энергетики на период с 2022 г. по 2026 г.

Помимо ядерной энергетики, две страны также наладили важные партнерские отношения в углеводородном и минеральном секторах.

В 2018 г. состоялось подписание меморандума о взаимопонимании между Министерством нефти и природного газа Индии и государственной нефтегазовой компанией Узбекистана «Узбекнефтегаз».

В сфере горнодобывающей промышленности и разработки полезных ископаемых в 2020 г. заключен отдельный меморандум о взаимопонимании между Министерством угля и горнодобывающей промышленности Индии и Государственным комитетом Республики Узбекистан по геологии и минеральным ресурсам. Это партнерство направлено на совместную разведку, исследования и обмен передовым опытом в области геологии и горнодобывающих технологий.

Туркменистан. Укрепление отношений Индии с Туркменистаном может открыть доступ к новым запасам углеводородов и уравновесить влияние таких крупных игроков в регионе, как Китай, расширив стратегические возможности Индии. Туркменистан, обладающий четвертыми по величине в мире запасами природного газа, является важнейшим партнером в удовлетворении растущего спроса Индии на энергоносители.

Более тесное энергетическое сотрудничество пошло бы на пользу обеим странам: Индия могла бы обеспечить себя долгосрочными поставками природного газа, а Туркменистан — стабильным и надежным рынком для экспорта энергоносителей.

Центральное место в этом развивающемся партнерстве занимают такие проекты, как газопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан

-Индия (ТАПИ), по которому, в конечном счете, Индия, зависящая от энергоносителей, могла бы получать до 33 млрд. кубометров газа в год с месторождения Галкыныш расположенного на востоке Туркменистана.

Кыргызстан. Индия проявляет значительный интерес к участию в развитии гидроэнергетики Кыргызстана. Это связано с богатыми водными ресурсами республики и возможностью строительства крупных ГЭС. Индийские компании участвуют в реализации проектов по строительству и модернизации гидроэлектростанций, что помогает Кыргызстану увеличить производство электроэнергии и снизить зависимость от импорта энергоресурсов.

Одним из наиболее значимых совместных проектов является строительство Камбаратинской ГЭС-1. Этот проект предполагает создание крупной гидроэлектростанции мощностью около 1860 МВт. Строительство ГЭС позволит значительно увеличить выработку электроэнергии в Кыргызстане и обеспечить экспорт электроэнергии в соседние регионы. Также индийские компании оказывают техническую поддержку и осуществляют модернизацию оборудования Токтогульской ГЭС. Эта станция играет ключевую роль в обеспечении электроэнергией региона Центральной Азии.

Для Кыргызстана участие Индии в энергетическом секторе имеет важное значение. Страна обладает значительными запасами водных ресурсов, однако инфраструктура нуждается в модернизации и расширении. Сотрудничество с Индией позволяет привлечь необходимые инвестиции и технологии, что способствует

экономическому росту и повышению уровня жизни населения.

Таджикистан. Недра страны богаты полиметаллическими, редкими и благородными металлами. Учитывая нынешнюю мировую тенденцию повышения потребности в редкоземельных элементах, в Таджикистане начали уделять серьезное внимание развитию горнодобывающей промышленности. В настоящее время ведется разведка богатых литием участков в южной части Памира.

Индия активно участвует в строительстве крупных гидроэлектростанций в Таджикистане. Например, проект Рогунской ГЭС является одним из ключевых проектов, реализуемых при участии индийских компаний. Эта станция станет самой высокой плотиной в мире и обеспечит значительную долю электроэнергии в регионе.

Кроме того Индия и Таджикистан реализуют еще ряд совместных гидроэнергетических проектов, таких как строительства трёх гидроэлектростанций ("Нуробод-1", "Нуробод-2" и "Фондарё"). Эти объекты будут расположены на реках Оби Хингоб и Фондарё. Их общая мощность составит около 1055 МВт, что значительно увеличит выработку электроэнергии в Таджикистане.

Таким образом, на сегодняшний день самой большой проблемой, которая остается неразрешенной, является воплощение озвученных предложений и программ в отношении центральноазиатского региона непосредственно в практическую плоскость. Выполнение раз-

личных инициатив, предпринятых Индией в последние несколько лет, требует не только крупных инвестиций, но и долгосрочной и устойчивой реализации предлагаемых проектов. Торгово-экономическое взаимодействие Индии с государствами Центральной Азии потребует вовлечения средних и крупных индийских компаний, выходящих на рынок Центральной Азии, который рассматривается потенциально привлекательным направлением. В этой связи потребуются разработка комплексной внешнеполитической и экономической стратегии.

Во-первых, правительство Индии должно способствовать более тесному взаимодействию между индийским частным сектором и потребителями Центральной Азии. Во-вторых, государствам Центральной Азии придется работать над созданием более привлекательной инвестиционной среды для индийского частного сектора.

Для развития потенциала энергетического сотрудничества Индии с центральноазиатским регионом, Индия должна будет играть активную роль как на двусторонней основе, так и в рамках региональных соглашений о сотрудничестве. Кроме того, ей необходимо выработать долгосрочный подход к оценке выгоды своих вложений, не ориентируясь на критерий прямого экономического эффекта как на догму в своем взаимодействии с регионом. В частности, в энергетическом секторе Индии нужна конкретная стратегия в условиях жесткой конкуренции с другими крупными игроками.

Кроме того, в рамках своей внешнеполитической деятельности, Нью-Дели необходимо

более активно участвовать в региональном сотрудничестве и механизмах безопасности в Центральной Азии.

Литература

1. Карта ВВП к 2050 г. глобальных экономик. <https://www.visualcapitalist.com/visualizing-the-future-global-economy-by-gdp-in-2050/>
2. Галищева Н.В., Приоритеты внешнеэкономической политики Индии. Азия и Африка сегодня, № 10, 2014. С.13-20.
3. Щедров И.Ю. Первый саммит Индия – Центральная Азия: начало новой политики в регионе? <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-indiya-tsentrálnaya-aziya-nachalovovoy-politiki-v-regione>
4. Саммит глав государств в формате «Центральная Азия – Индия» — основные итоги. <https://casp-geo.ru/sostoyalsya-sammit-glav-gosudarstv-tsentrálnaya-aziya-indiya/>
5. Официальный сайт Республики Таджикистан. 4-е заседание Совместной рабочей группы Таджикистана и Индии по борьбе с терроризмом. <https://www.mfa.tj/ru/main>
6. Официальный сайт газеты Daily Mail India. India wants to expand footprint in Central Asia: Modi to ask Tajikistan for lease of ex-Soviet airbase. <https://www.dailymail.co.uk/indiahome/indianews/article-3157670/Modi-ask-Tajikistan-lease-former-Soviet-airbase.html>
7. 7. Exploring Trade and Investment Relations between India and Central Asia: Unlocking Economic Benefits. <https://eabr.org/analytics/special-reports/bridging-borders-role-of-trade-finance-in-enhancing-india-central-asia-trade/>
8. Дискуссионный клуб Валдай. Индия и Центральная Азия: товарищеское взаимодействие. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indiya-i-tsentrálnaya-aziya/>
9. Официальный сайт инфорагенства «Казинформ» https://www.inform.kz/ru/glava-gosudarstva-nursultan-nazarbaev-vstretilsya-s-pribyvshim-v-astanu-s-oficialnym-vizitom-prem-er-ministrom-respubliki-indiya-manmohanom-singhom_a2371527
10. India – Kazakhstan: Uranium and Nuclear Energy Trade. <https://www.impriindia.com/insights/india-kazakhstan-uranium-and-nuclear/>

References

1. Map of Global Economies' GDP by 2050. <https://www.visualcapitalist.com/visualizing-the-future-global-economy-by-gdp-in-2050/>
2. Galishcheva, N.V., Priorities of India's Foreign Economic Policy. Asia and Africa Today, No. 10, 2014. pp. 13-20.
3. Shchedrov, I.Yu., The First India-Central Asia Summit: The Beginning of a New Policy in the Region? <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-indiya-tsentrálnaya-aziya-nachalovovoy-politiki-v-regione>
4. The Central Asia-India Summit of Heads of State: Key Results. <https://casp-geo.ru/sostoyalsya-sammit-glav-gosudarstv->

tsentralnaya-aziya-indiya/

5. Official website of the Republic of Tajikistan. 4th meeting of the Tajikistan-India Joint Working Group on Counter-Terrorism. <https://www.mfa.tj/ru/main>
6. Official website of the Daily Mail India. India wants to expand its footprint in Central Asia: Modi to ask Tajikistan for lease of ex-Soviet airbase. <https://www.dailymail.co.uk/indiahome/indianews/article-3157670/Modi-ask-Tajikistan-lease-former-Soviet-airbase.html>
7. Exploring Trade and Investment Relations between India and Central Asia: Unlocking Economic Benefits. <https://eabr.org/analytics/special-reports/bridging-borders-role-of-trade-finance-in-enhancing-india-central-asia-trade/>
8. Valdai Discussion Club. India and Central Asia: Friendly Interaction. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indiya-i-tsentralnaya-aziya/>
9. Official website of the Kazinform news agency https://www.inform.kz/ru/glava-gosudarstva-nursultan-nazarbaev-vstretilsya-s-pribyvshim-v-astanu-s-oficial-nym-vizitom-prem-er-ministrom-respubliki-indiya-manmohanom-singhom_a2371527
10. India – Kazakhstan: Uranium and Nuclear Energy Trade. <https://www.impriindia.com/insights/india-kazakhstan-uranium-and-nuclear/>

Сведения об авторе

Аликберова Альфия Рафисовна

К.ист.н., доцент

Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Института международных отношений, истории и востоковедения

Казанского (Приволжского) федерального университета

Почта: alfiakasimova@gmail.com

Information about the author

Alfiya R. Alikberova

PhD in History, Associate Professor

Department of Sinology and Asian-Pacific Studies

Institute of International Relations, History, and Oriental Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: alfiakasimova@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.02.2026

Принята к публикации: 25.02.2026

Information about the article

The article was submitted 15.01.2026

Approved after reviewing 15.02.2026

Accepted for publication 25.02.2026

On ethno-cultural aspects of research of the religion factors in the North-western China

Об этно-культурном исследовании религиозных факторов в Северо-западном Китае

УДК 327.33 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-113-128](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-113-128)

Эльнур Лятиф оглу Гасанов¹

*¹Гянджинское отделение Национальной
академии наук Азербайджана*

Гянджа, Азербайджан

*Автор, ответственный за переписку:
lnurh273@gmail.com*

ORCID: 0000-0001-6358-593X

Elnur Hasanov¹

*¹Ganja Branch of Azerbaijan National
Academy of Sciences*

Ganja, Azerbaijan

*Corresponding author:
lnurh273@gmail.com*

ORCID: 0000-0001-6358-593X

АННОТАЦИЯ. В данной статье анализируются некоторые социально-исторические и этно-культурные факторы, повлиявшие на распространение религии в северо-западном Китае, особенно среди тюркского населения. Автор рассматривает проникновение религии в регион по Шелковому пути, изменения в социальной структуре, миграции населения и культурно-религиозную восприимчивость мусульманских народов. Кроме того, в статье подчеркивается, как этнический состав и духовное мировоззрение ее населения создали благоприятные условия для принятия ислама. Роль ислама рассматривается не только как религиозной системы, но и как цивилизационного

ABSTRACT. This article analyzes some social-historical and ethno-cultural factors, that influenced the spread of religion in the North-west region of China, especially of the Turkic population. The author examines the introduction of religion into the area through the Silk Road, shifts in social powers, population migrations, and the cultural-religious receptivity of muslim peoples. Furthermore, the article highlights how the ethnic composition and the spiritual worldview of its population created favorable conditions for the adoption of Islam. The role of Islam is explored not only as a religious system but also as a civilizational phenomenon that shaped social, legal, and cultural institutions.

феномена, сформировавшего социальные, правовые и культурные институты.

Используя историко-сравнительный, геополитический и контент-анализ, данное исследование впервые предлагает всесторонний сравнительный анализ процесса исламизации в этом регионе в рамках социально-общественных и этно-культурных влияний. В статье также подробно, на конкретных примерах, рассматривается социальное и культурное влияние соседних государств, а также историко-политические события во время арабских и монгольских нашествий. Особое внимание уделяется взаимосвязи религий вдоль Шелкового пути, описанной с научной строгостью.

Данное исследование представляет собой важный источник для читателей, интересующихся религиозной историей исследуемой территории. Рассматривая данный процесс исламизации в научной статье именно в контексте взаимодействия как социальных, так и этно-культурных факторов, исследование вполне способствует более глубокому пониманию религиозной истории этого региона с новой точки зрения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религия, культура, казахи, Китай, уйгуры, Шелковый путь.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гасанов Э.Л. Об этно-культурном исследовании религиозных факторов в Северо-западном Китае. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 8 113-128 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-113-128>

By employing historical-comparative, geopolitical, and content analysis methods, this study for the first time provides a comprehensive comparative analysis of the islamization process in this region within the framework of social-public and ethno-cultural influences. The article also thoroughly examines, with concrete evidence, the social and cultural impacts of neighboring states, as well as the historical-political events during the Arab and Mongol invasions. Particular attention is given to the interconnections of religions along the Silk Road, described with scholarly rigor.

This research constitutes an important source for readers interested in the religious history of this area. By addressing the islamization process in this scientific paper in the context of the interplay between the social and also the ethno-cultural factors, the study contributes to a deeper understanding of the religious history for this region from a new perspective.

KEYWORDS: religion, culture, Kazakhs, China, Uyghurs, Silk Road.

FOR CITATION: Hasanov E.L., On ethno-cultural aspects of research of the religion factors in the North-western China. *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 113-128 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-113-128>

North-western China is the historical and geographical territory of the modern China. The population of the region is ethnically diverse. The people are mainly engaged in cattle breeding, agriculture and traditional crafts (Simayijiang et al., 2019: 262).

This confessional diversity makes it possible to understand not only the cultural and religious combination of Islam between ethnic communities in the South-Eastern Siberia and North-western China, but also the historical and civilizational dynamics of the region. This region stands out as a space that has witnessed the spread and interaction of various religious traditions throughout history (Baitenova 2012: 163). As a result of its geopolitical location and strategic importance along the Silk Road (Гасанов 2025: 59-60), this region has become a crossroads of various civilizations. As a result, the religious landscape here has become multi-layered in the course of historical evolution. If we consider the history of the development of religions, dividing them into stages, then the first stage is the predominance of local religious beliefs and shamanic traditions (up to the IV century BC). In this era, religious practice was based on the cult of ancestors. The second stage (4th century BCE – 9th century CE) was marked by the dominance of Buddhism, while Zoroastrianism, Manichaeism, Daoism, and Nestorian Christianity coexisted alongside it. This religious pluralism persisted in the region for nearly a millennium (Lenz-Raymann 2014: 120-121). The third stage (9th-16th centuries) witnessed the spread of Islam. In southern part, Islam gradually replaced Buddhism, while in the northern areas Buddhist traditions maintained their influence. Over time, Islam gained strength,

diminishing the impact of other religions such as Zoroastrianism, Manichaeism, and Nestorian Christianity. The fourth stage (16th century — present) saw Islam established as the principal faith of the region. During the period of the Eastern Chagatai Khanate, Islam was consolidated politically and socially, and the majority of ethnic communities embraced the religion. Nevertheless, Buddhism and Daoism continued among Chinese communities, while in the 17th century the Oirat Mongols' adoption of Tibetan Buddhism reinvigorated religious diversity in the north. Later, Catholicism and Orthodoxy were also introduced, though they never achieved broad influence (Van Wie 2008: 16-17).

Thus, although Islam became the dominant religious system in region from the 16th century onward, the region's religious history has consistently been characterized by its multi-confessional structure. The article examines the stages of the spread of Islam in South-Eastern Siberian region, as well as its geopolitical and ethno-cultural influences. Islam is the youngest and final among the world religions. Whereas Buddhism and Christianity emerged during the era of slavery and adapted to medieval conditions, Islam appeared and developed as a genuine historical and cultural phenomenon of the medieval period. While Buddhism and Christianity evolved within specific religious and cultural frameworks, Islam distinguished itself by selectively integrating significant elements from various religious and cultural traditions. This synthesis shaped the comprehensive scientific system, legal foundations, cultural practices, and social patterns of Islamic civilization. Such processes paved the way for scientific renewal, civilizational advancement, and the establishment of a new system

of values within Islamic culture. During the Abbasid Caliphate (9th–12th centuries), the so-called “Eastern Cultural Renaissance” defined a new global historical dimension of Islamic civilization (Бартольд 1993: 68). This period stimulated not only religious practices but also the development of Sharia law, architecture, literature, Arabic script, and calligraphy. At the same time, contributions to philosophy, medicine, and the natural sciences reinforced the universal character of Islamic civilization.

Thus, while preserving its distinctive religious and historical features, Islamic civilization assimilated the cultural achievements of previous societies and, by shaping universal human values, exerted a long-term influence on global civilization. The aim of this study is to systematically analyze the particular features of Islam’s establishment in South-Eastern Siberia and to demonstrate its significance in the region’s religious and cultural evolution.

RESEARCH METHODS AND SOURCES

In the process of considering the geopolitical and ethno-cultural factors that contributed to the spread of Islam in the North-western China region, several scientific methods were used. 1-through the historical-comparative method, the influence of political events and historical changes in the region on the development of Islam was determined. 2-the spread of Islam through the method of geopolitical analysis was considered not only in terms of religious, but also in terms of international relations and spatial factors. 3-formed the basis for a systematic review of academic papers, monographs and articles through the method of content analysis. Also, official census materials, scientific research and data from international organizations were

used to study the current ethno-demographic situation. In the course of the study, the requirements of academic ethics were observed and content analysis, thematic coding, statistical and comparative methods were used in the processing of qualitative and quantitative data. The use of such methods made it possible to comprehensively explain the process of Islamization in the South-Eastern Siberia, its historical foundations, modern features and challenges.

The spread of Islam into North-western China region of Asia began during the period of the Umayyad Caliphate (661–750). According to historical sources, the introduction of Islam into Central Asia and the North-western China dates back to the 7th-8th centuries. Records indicate that the first Arab missionaries arrived around the year 670 (Гафуров 1972: 216). By the early 8th century, Islamic missionary activity in the region had become noticeably more active (Manzhibayev 2009: 105). Some accounts suggest that the earliest attempts by the Arabs to disseminate Islam among the nomadic tribes of Central Asia took place during the reign of Caliph Hisham ibn Abd al-Malik (724-743). The introduction of Islam into Central Asia took place during the Umayyad Caliphate (661-750). A specific starting point of this process is often associated with the military campaign of the Arab commander Qutayba ibn Muslim in 714. It was during this period that Turkic tribes first encountered Islam under conditions of military confrontation. Historian B. Gafurov notes with regard to this event: “Qutayba was not interested in the commercial significance of this center but in its strategic role: by seizing Isfijab, he hoped to cut off the main routes used by the Turkic armies to support their allies in Central

Asia” (Гафуров 1972: 216). This evidence indicates that the Arab military campaigns of that period were not aimed at the complete conquest of the Turkic peoples but rather at securing their own territories against external threats. According to historical sources, Islam began to penetrate Central Asia and the North-western China around the 670s through the activities of Arab missionaries. By the early 8th century, the intensification of Islamic proselytization became evident (Lenz-Raymann 2014: 119-125).

The Battle of Talas in 751, fought between the Arab forces under Ziyad ibn Salih and the Chinese troops led by General Gao Xianzhi, marked a decisive turning point in the consolidation of Islam in Xinjiang and Central Asia. As a result of this conflict, the Chinese army suffered a complete defeat, and the regions of Zhetysu and South-Eastern Siberia were freed from Chinese influence. The Battle of Talas created historical preconditions for the wider spread of Islam and Islamic civilization across Central Asia. Although the region’s location along the Silk Road facilitated the penetration of diverse religions and cultures, Islam spread peacefully among the local populations, gradually strengthening its socio-cultural influence (Chyngoguang 1998: 92). In 935, Satuk Bughra Khan, the ruler of the Karakhanid state, became one of the first Turkic sovereigns to embrace Islam and actively promoted it at the state level. As a result, the cities of Kashgar and Atush in the North-western China emerged as important centers of Islamic culture. In 960, Islam was officially declared the state religion of the Karakhanid dynasty. The Arab historian Ibn al-Athir describes this period, stating: “In the year 349 of the Hijra (960 CE),

200,000 households of a certain Turkic people accepted Islam.” (Hansen 2013: 275-277).

This account demonstrates the wide dissemination of Islam across Zhetysu and Far East during the 9th–10th centuries. The spread and development of Islam in South-Eastern Siberia was significantly influenced by Central Asia. Although a portion of the Islamic literature available in the region consisted of works by Arab scholars, the majority were authored by intellectuals originating from Central Asia. Medieval Eastern culture provided an impetus for the advancement of Muslim science and civilization, shaping the formation of religious thought in the North-western China region. For instance, the Qur’anic exegesis *al-Kashshaf* by the Khwarezmian scholar Abu al-Qasim al-Zamakhshari (1075-1144), *al-Tafseer al-Kabeer* by al Fakhr al Razi (1149-1209), as well as the hadith compilations of Imam al-Bukhari were widely studied among the peoples of North-western China and came to be regarded as foundational religious texts. These works not only facilitated the consolidation of the Islamic worldview but also contributed to the flourishing of local scholarly and cultural traditions (Chyngoguang 1998: 92).

Between the 11th and 13th centuries, North-western China experienced the domination of the Khitan and later the Mongol powers. The political entities that emerged during this period generally followed policies of religious inclusiveness, which allowed Islam to coexist with Buddhism and other traditions. After the Mongol conquests, large parts of this region together with Transoxiana were incorporated into the Chagatai Khanate. Within the cultural framework of this state, the Chagatai literary language took shape (Lenz-Raymann 2014: 121

-122). This language was raised to a higher level through the works of poets such as Alisher Navoi and spread as a folk language. The literary and religious heritage written in the Chagatai language includes such works as Ibn Ali's "Kipchak book", "Nakhzh Al-Faradis", binoculars "Yusuf and Zuleikha", Saif Sarai's "Gulistan-i Ibn Turk". In addition, the works of such central Asian scientists as Muhammad Haidar Dulati and Shah Mahmud Zhoras were translated into Chagatai and widely distributed among the local population. This cultural and linguistic process continued during the Manchu rule of the Qing Kingdom (Manzhibayev 2009: 105).

During this period, the Sufi branch of Islam, which had a profound influence on the spread and consolidation of Islam in Central Asia and the Kazakh steppes, began to gain ground. Sufism, which emerged in the 8th century within the framework of Islamic civilization, was based on Islamic ethics and spiritual-ascetic practices. Its primary aim was the cultivation of the human soul, the restraint of the nafs (carnal desires), and the attainment of closeness to God. The term *sufi* is often linked either to the Arabic word *suf* ("wool"), symbolizing the coarse woolen garments worn by early ascetics, or to the Greek word *sophia* ("wisdom"), highlighting its intellectual and spiritual dimensions (Cetinkaya et al., 2023: 1069-1070).

Tasawwuf encompasses the belief system, spiritual practices, and ethical norms of the Sufis. Its main principles include abstaining from worldly pleasures, purifying the self, striving for spiritual perfection, and approaching God through sincere love and *ma'rifa* (gnosis). The Sufi tradition did not confine itself to the external rituals of Islam but emphasized the cultivation of the inner self. For

this reason, it played a distinctive role in the history of the spread of Islam, particularly among the Turkic peoples. The Sufis paid special attention to spirituality and purity of souls in the name of love for Allah. In Islamic Civilization, Sufism has the main goal of overcoming human lust, striving for spiritual perfection. In Central Asia, Sufi tariqats were formed between the XII–XVII centuries and had a deep influence on the religious and spiritual life of the region. Among them, Khoja Ahmed Yasawi, the founder of the yasawi Tariqat, took a special place in the spread of Islam among the Turkic peoples. This tariqa was distinguished by its interpretation of Islam as a spiritual teaching close to folk culture and worldview. Through the Yasawi tradition, Islam became deeply rooted in the customs, literature, and social relations of the Turkic community, laying the foundation for the development of subsequent Sufi schools (Baitenova 2012: 163).

The Mongol invasion temporarily impeded the spread of Islam in North-western China and Central Asia. As a result of the conquests, numerous cities were destroyed, centers of science and culture were plundered, mosques and madrasas were demolished, and trade relations along the Silk Road suffered significant disruption. However, over time, a process of revival began in the region. The Mongol rulers and the tribes under their control gradually embraced Islam and adopted the Turkic language. This development strengthened religious and cultural integration in the area and paved the way for the revitalization and wider dissemination of Islam across the nomadic steppe. Consequently, Islam became firmly embedded in the spiritual life of local ethnic groups and emerged as a decisive factor influencing various social strata of the

population. In general, the Mongol rulers did not exert religious pressure on the Muslim community but instead pursued a policy of tolerance. This created a favorable environment for the gradual strengthening of Islam in the region. The adoption of Islam by the rulers of the Golden Horde further enhanced the religion's authority in both state and public life. Berke Khan (1255-1266) is regarded as one of the first Mongol rulers to embrace Islam. Medieval sources emphasize the significant role of the Sufi milieu in Bukhara in his conversion. For instance, Siraj al-Din al-Juzjani reports that Berke Khan accepted Islam at the hands of Sayf al-Din Bakhrazi, while 14th-century Arab historians Ibn Khaldun and al-Ayni note that he converted under Shams al-Din al-Bakhrazi, a disciple of Nazhm ad-Din Kubra. In a later period, Ozbeg Khan (1312-1342) elevated Islam to the status of the state religion. Contemporary accounts state that during his reign more than ten mosques operated in the capital of the Golden Horde, and the khan himself was known to perform the five daily prayers without fail. As a result, Islam became the primary factor of political and cultural integration among diverse tribes, serving as a unifying force across the steppe (Сборник ... Золотой Орды 1941: 369).

Some medieval sources indicate that Berke Khan embraced Islam even before ascending to power. For example, the Arab geographer and scholar al-'Umari records that Berke's conversion to Islam took place around 1251, on his return from the kurultai at which Möngke was proclaimed Great Khan. Likewise, the Franciscan monk William of Rubruck, who visited the Golden Horde in 1253, notes in his memoirs: "Berke regards himself as a Muslim and does not permit the eating of pork in

his court." (Гилламе 1997: 117-118).

These accounts demonstrate not only Berke's genuine inclination toward Islam but also the immediate influence of his faith on his personal customs and household practices.

The consolidation of Islam among the nomadic population gradually acquired a systematic character. In this process, religious preachers arriving from Central Asia, the Volga region, and other parts of the Muslim world played a pivotal role, with representatives of the Sufi tradition constituting the majority. The influence of the Naqshbandiyya and Yasawiyya orders extended equally to both the ruling elite and the common people. The khans maintained close relations with Sufi shaykhs, often drawing upon their religious authority to reinforce their own political legitimacy. At the same time, Sufi teachings resonated with the traditional worldview of the nomadic communities, thereby facilitating the deeper entrenchment of Islam in the steppe environment (Abylov 2019: 81-82).

Information about the spread of Islam in the region of the North-western China is extensively presented in the works of numerous medieval Muslim scholars. In particular, valuable data can be found in al-Idrisi's *Nuzhat al-Mushtakh fi ikhtirakh al-afakh*, Zakariyya ibn Kazwini's (1203-1283) *Asar al-Bilad ua Akhbar al-Ibad*, Qudama ibn Zhafar's (d. 948) *Kitab al-Kharazh ua Sanat al-Kitaba*, Ibn Hurdadbeh's *Kitab al-Masalik ual-Mamalik*, al-Maqdisi's (947-1000) *Ahsanut Taqasim fi Marifat al-aqalim*, and al-Bakri's (11th century) *al-Masalik ua-l-Mamalik*. In addition, such works as Safi al-Din Orun Qoylaqidi's *Nasabnama*, Ibn al-Asir's *al-Kamil fit Tarikh*, Kashifi's *Rashahat*, Ibn Khallikan's

Wafayat al-A'yan, Khazini's Zhauahir al-Abrar min Amuaj al-Bihar, Jami's Nafahat al-Uns, Zahir al-Din Muhammad Babur's Baburnama, Muhammad Haydar Dughlat's Tarikh-i Rashidi, and Utemish Hajji's Chingiznama also serve as significant sources for studying the history of Islamization in the region. In the 16th–17th centuries, the widespread dissemination of Islam in the region of this region was strongly influenced by the close economic, cultural, and spiritual ties between the local Muslim populations and the Tatar Muslims of Central Asia and the Volga region. During this period, scholars and preachers from major Islamic centers such as Bukhara, Samarkand, Tashkent, Khiva, and Turkestan arrived in the region, promoting Islamic teachings and consolidating religious-spiritual traditions. As a result of the integration of the Muslim community in the Far East with Islamic civilization, the religious and cultural development of the region reached new heights. The first half of the XVIII century was a difficult period for the people of this region. The local population had to fight for their independence with invaders from all sides. Because the Ural Kalmyks, dzungars, Bashkir detachments and troops of the Central Asian khanates marched on the territory of the North-western China. As indicated in historical sources, due to the constant pressure of an external enemy, a number of residents of the region began to forcibly migrate to the inner regions of Central Asia. Such resettlement, in turn, strengthened ties with neighboring Muslim states and peoples professing Islam, creating conditions for increased cultural and spiritual integration. As a result, Islam became more firmly established in East Turkestan society, which contributed to the strengthening of the Muslim tradition

(Baitenova 2012: 163; Lenz-Raymann 2014: 121-122). In the period from the XIX-XX centuries, this region has been developed as the part of China.

RESULTS

Islam became widely established in the North-western China and exerted a profound influence on the ethno-cultural life of the local populations. Islamic values and worldview principles deeply permeated the region's culture and customs, becoming an integral part of both the spiritual and social life of its inhabitants. This influence was evident in language and writing traditions, dance and musical arts, architectural styles, and even in the development of astronomical calendar systems. Moreover, Islam significantly impacted everyday life and worldview, introducing notable changes in culinary practices, clothing styles, and other aspects of material culture (Sraeli 2012: 253-259).

After embracing Islam, the people of this region began to integrate values inherent to human nature into the core of their customs, traditions, and beliefs. The foundation of these cultural and spiritual values primarily drew from the verses of the Qur'an, while a significant portion was grounded in the Hadiths and Sunnah, regarded as the secondary sources of Islamic guidance. Customs and traditions constitute a social phenomenon that develops over centuries in accordance with the religious beliefs, daily life, and unique structural characteristics of a nation or community. They represent accumulated life experiences and encompass patterns of behavior established within society, including accepted norms and social practices that informally regulate daily life and distinguish

cultural groups from one another. For a nation, customs and traditions serve as principles of living and societal order, shaping consciousness, educational orientation, and systems of practical and spiritual activity. Members of the community are expected to observe these norms, and those who fail to do so are held accountable within the accepted social framework. Historically, in Kazakh society, customs and traditions functioned as such regulatory mechanisms. Examples include celebrations, Nowruz porridge (Nauryz kozhe), marriage ceremonies, guest hospitality, ritual scattering of food (shashu), and communal feasts such as erulik ata (Abylov 2019: 79-84; Sraeli 2012: 261-267).

The educational and social significance of customs is considerable, as they constitute the primary mechanism for transmitting historical, social, cultural, professional, and spiritual values from one generation to the next. Kazakh customary practices include respect for parents and elders, participation in collective rituals such as bayghazy, korimdik, suinshi giving, kade requests, greetings, attributing lineage, and peer humor. Additionally, habitual practices, gestures, superstitions, prohibitions, and learned behaviors all reflect the embodiment of customs. In this way, customary values are regarded as a vital component of a people's cultural and spiritual heritage (Adilbayev 2018: 14). The influence of Islam on the peoples of this region, including the Kazakhs as the part of the region's demographic composition, can be categorized as follows:

The ethical and Sharia-based foundations of Islam merged with the traditional beliefs of the Kazakhs, fostering a worldview rooted in devotion to

God and a human-centered moral framework. Among the Kazakhs, numerous religious figures emerged at various levels, including qadis, spiritual leaders, imams, Islamic scholars, and medrese instructors, who made significant contributions to the religious and cultural development of the community. As Islam became widely disseminated among the Kazakhs, Arab literature and culture gradually permeated their society. Kazakh bards composed unique works based on various Qur'anic narratives. For example, in 1899, Zhusipbek Khoja Shaykhislamuly (1857-1937) published Qissa-i Hazret Zhusip (Joseph) and Zuleikha in Kazan. Similarly, Akyt Khaji Ulimzhuuly authored works such as the didactic poem Akhyrzaman Kui and the poem Shughaip, which depicted Qur'anic events, including apocalyptic scenes and the story of Prophet Shuhaip. In all of these works, the poets glorified Allah and offered blessings upon the Prophet. During the 10th-11th centuries, the spread of Islam in the region gradually displaced the previously used Old Turkic (Orkhon) and Old Uyghur scripts, establishing Arabic script as the dominant writing system. The majority of Uyghur and Kazakh written heritage has been preserved through the Arabic alphabet. Notable works include Gulistan bi-t-Turki (Saif Sarai), Diuani Lugat at-Turk (Mahmud al-Kashgari), Kutadgu Bilig (Yusuf Balasaguni), and Hibat al-Haqa'iq (Ahmad Yugnaki), among others. However, the use of Arabic script presented certain challenges. In 1912, A. Baitursynov introduced the first reforms to adapt the Arabic script to the Kazakh language, identifying phonemes unique to Kazakh that were absent in other Turkic languages and creating new characters to represent them. This orthography, called the "New Orthography" or

Töte jazu (“direct writing”), marked a significant advancement in literacy. Beginning in 1913, it was adopted in madrasahs and, until 1929, in Soviet schools. Baitursynov’s modified Arabic script, Töte jazu, became the native writing system for over 1.5 million ethnic Kazakhs in China, playing a crucial role in their social, cultural, and educational development (Cetinkaya et al., 2023: 1072-1079; Manzhibayev 2009: 105).

Following the spread of Islam, the peoples of North-western China, East Turkestan regarded the preservation of their national identity, culture, language, and religion – and the transmission of these to future generations – as inseparable from the eradication of illiteracy and the establishment of a national educational system. Consequently, a religious education system adapted to both sedentary and nomadic lifestyles developed. Among nomadic communities, during the winter months, children from a single village or clan would gather, and a mullah would be invited from outside to provide religious instruction. This process became the foundational form of education at that time (Sanik 2011: 67-70).

Over time, interest in religious education increased, and the number of children acquiring it grew. This created the need to consolidate educational institutions in one place for systematic teaching. During this period, affluent individuals and community leaders from major regions of North-western China pooled their resources to establish small madrasahs dedicated to providing religious education (Makhmet et al., 2021: 523-525). Through its diverse functions, Islam introduced new concepts into human consciousness. It called

for the cultivation of high moral virtues grounded in faith. These virtues emphasized principles such as truth, justice, equality, freedom, and peace.

The religious education system, which originated in the Chagatai language, began to spread widely across the North-western China. In areas and villages settled by Muslims, private madrasahs or those attached to mosques were established. Consequently, many affluent families began sending their children not only within East Turkestan but also to Central Asia and even Arab countries to pursue religious education. According to Volume 1 of the History of the Kazakh SSR: “In the 16th–17th centuries, literacy was primarily characteristic of representatives of the feudal elite – khans, sultans, mullahs, and qazis. Children from wealthy families traveled to cities such as Bukhara and Samarkand to study the Arabic language and Sharia. They studied works written by medieval Muslim authors in Arabic, Persian, and Chagatai languages” (Adilbayev 2018: 14-19; Manzhibayev 2009: 80-85).

The establishment of the religious education system and the teaching of Arabic, Persian, and Chagatai languages in madrasahs began to introduce new vocabulary into the lexicon of the Muslim populations in the region. In addition to religious terms such as Allah, fard (duty), iman (faith), namaz (prayer), imam, shari‘ah, jannah (paradise), and jahannam (hell), numerous other words entered everyday and intellectual use, including terms related to culture, literature, truth, happiness, the world, nature, science, and books (Myngzhanuly 1990: 41).

The local authorities governing the region invited religious scholars from Central Asia, established mosques and madrasahs in their villages, and

began educating children (Myngzhanuly 1987: 57).

Islam encouraged attention to the signs of God's power in the universe and urged believers to establish a personal connection with Allah. Nomadic Muslim Kazakhs fulfilled this connection through acts of worship and by performing their duties faithfully. Islam also promoted compassion, love, mutual assistance, and profound respect for parents, while encouraging the pursuit of knowledge. Scholars who mastered Islamic teachings earned exceptional prestige and respect within the community (Bihai 2005: 58-59).

Islam shaped the customs and legal traditions of Kazakhs in region. The principles of Islamic Sharia served as the foundation for social order, which was further regulated through Abak Kerei's "Law of the Four Biys and Tore." As a result, private property among Kazakhs in China was strictly protected, and the principles of individual ownership were reinforced. Crimes, including homicide, were punished in accordance with Sharia rulings. Penalties for offenders varied according to the nature of the crime and included public beating, stoning, humiliation, fines, or being thrown to the ground.

The "Law of the Four Biys and Tore" represented a continuation of earlier steppe legal traditions, such as Qasym Khan's Qasqa Zholy, Yesim Khan's Eski Zholy, and Tauke Khan's Zheti Zhargy. However, following the administrative control of Altai city near Beijing by the officials known as Wan and Gun, it became the first codified customary-legal system established in the region. Unlike ancient steppe laws, this legal framework was notable for ensuring that all citizens were equally ac-

countable before the law within the scope of Sharia. Distinctive features are observed in proper names, particularly the prevalence of names associated with religious concepts under the influence of Islam. These include the names of prophets mentioned in the Qur'an, such as Musa (Musa), Yunus (Yunus), Dawud (Dawud), Ishaq (Ishaq), and Suleiman (Suleiman); names related to the esteemed Prophet Muhammad; and names conveying the meaning "servant of God," such as Abdullah (Servant of the One), Abdul Baki (Eternal Servant), Abdurrahman (Servant of the Most Merciful), Habibullah, and Izzatullah (God's Beloved or Honored). Names honoring Caliph Ali, such as Karimali, Asadullah, Haidar, and Zulfiqar, were also commonly used. Female names also frequently exhibit religious anthroponyms. Anthroponymy (from Greek anthropos "human" and onoma "name") refers to the collection of personal names within a particular language or region. Examples include Aklima (wisdom, intellect, insight), Adiya (honor, respect), Nurinisa (light of God), Sharipa (kind, noble, sacred, powerful), among others. The influence of Islamic culture was strongly evident in music and dance. The Chinese historian and musicologist Zhou Jingbao, in his work *Music Culture along the Silk Road*, notes: "The late 16th century marked the Islamization of Xinjiang music. Persian and Turkic musical traditions gradually merged, forming Islamic-Turkic music. This Islamic-Turkic music became the core of the ancient Silk Road musical heritage and aligned with the traditions of the Silk Road urban music" (Adilbayev 2018: 14-19; Manzhibayev 2009: 80-85).

Regarding the astronomical calendar, nearly all Muslim communities used the Hijri calendar.

Religious holidays, particularly Eid festivals, became the most significant celebrations for all Muslims. Food practices, clothing, and burial rites were conducted in accordance with Islamic Sharia law. The architectural development of the predominantly Muslim population in East Turkestan was largely shaped during the Qing Dynasty. For example, the Khayitkar Mosque in Kashgar, inhabited by Uyghurs, was constructed during this period. However, due to differences in lifestyle among Islamic communities, Islamic architecture did not develop uniformly across all ethnic groups. For nomadic peoples such as the Kazakhs and Kyrgyz, whose livelihoods were based on pastoralism, the history of architectural development emerged significantly later (Bihai 2005: 93-96).

CONCLUSION

The study results indicate that the spread of Islam in the North-western China was closely linked to several geopolitical and ethno-cultural factors. Geopolitical circumstances, the development of trade routes, and the influence of external states directly affected the dynamics of religious processes, while ethno-cultural factors – such as language, traditions, popular beliefs, and customs – facilitated the penetration of Islam into local communities. The spread of Islam transformed not only the religious sphere but also political and cultural life, leading to significant changes in the social structure of the region. Religious values and institutions influenced everyday life, legal norms, and moral standards, while its cultural impact was reflected in literature, art, and traditional celebrations.

Marriage Traditions: The traditional marriage ceremonies of the peoples of North-western

China closely align with Islamic matrimonial practices. For instance, the legitimacy of a marriage is confirmed through the mutual consent of both parties and the presence of witnesses.

Benevolence and Charity: In the traditions of the peoples, helping others and showing kindness are considered important. Similarly, in Islam, performing acts of charity is an obligation for Muslims. The parallels between these traditions and Islamic principles demonstrate the close integration of Islam into the region's culture. Former customs, such as offering blessings and honoring ancestors, were adapted to align with Islamic requirements (Abylov 2019: 79-80; Tabeikyna et al., 2021: 236-237).

Recitation of the Qur'an: One of the most important religious customs among the peoples of East Turkestan is the recitation of the Qur'an and its transmission from generation to generation. Among the peoples of the North-western China, it is a religious right to read the Koran, present it to the public at meals and weddings.

Traditional holidays and Islamic holidays. Such holidays of the peoples of this region as Navruz, Eid al-Adha, Eid al-Fitr and the tradition of burying the deceased are combined with important Islamic holidays. This demonstrates that the customs and traditions of the peoples of East Turkestan and the Islamic religion are interconnected, based on mutual respect and harmony. These two systems complement each other, contributing significantly to the spiritual and cultural development of the Far East society (Manzhibayev 2009: 104-105).

Over time, Islam deeply penetrated the traditional culture of various Muslim ethnic groups in region, becoming a fundamental component of

their spiritual identity. However, the majority of these communities managed to preserve significant elements of their ancient cultural heritage. This phenomenon is particularly evident in national holidays, family and social customs, as well as in the continuation of longstanding beliefs and rituals. Nevertheless, as a result of Islam's widespread presence over the centuries, these traditions and beliefs harmonized with Islamic culture, forming an integrated religious and cultural system.

Furthermore, local populations integrated Islamic values with their traditional culture, creating a unique religious and cultural system. This process, taking into account regional characteristics and ethnic diversity, ensured the adaptive and sustainable acceptance of Islam.

Список источников и литературы

1. Abylov T. Islam in the golden horde: spread and impact on the Eurasian steppe // Journal of Philosophy, Culture and Political Science. 2019. Vol. 67, no. 1. P. 76-84.
2. Adilbayev A. Qazaq salt-dastur, adet-guryptarinin islam sharigatimen uylesimi // Fund for the Support of Spiritual Values Corporate Foundation, Astana. SSVCF. 2018. P. 14-24. (In Kazakh).
3. Chyngoguang. Islam dini zhane ertedegi Shinzhan madeniyeti // Journal of Xinjiang Social Sciences. 1998. Vol. 1. P. 92.
4. Baitenova N., Duissenbayeva A. Islamdaghy sopylik bagyt zhane onin Kazakhstanda taraluy // Bulletin of KazNU. Series of Philosophy, Cultural Studies, Political Science. 2012. Vol. 38, no. 1. P. 163.
5. Бартольд В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии. Жалин. Наука. 1993. С. 68.
6. Bihai S. Qazaq madeniyetinin tarihi. Astana. Xinjiang People's Publishing House. 2005. 578 p.
7. Cetinkaya M., Billings J. Systematic review of the relationship between Islamic-Sufi spirituality and practice and mental well-being // Mental Health, Religion & Culture. 2023. Vol. 26, no. 10. P. 1065-1080.
8. Гафуров Б. Древнейшая, древняя и средневековая история. Ташкент. Наука. 1972. 316 с.
9. Гилламе Р. Путешествие в восточные страны. Москва. Мысль. 1997, С. 117-118.
10. Hansen V. International Gifting and the Kitan World // Journal of Song-Yuan Studies. 2013. Vol. 43. P. 273-302.
11. Гасанов Э. Л. Письменные источники архивов Российской империи об историко-архитектурном наследии города Гянджи // Вестник Пермского Университета. История. 2025. Вып. 69, № 2. С. 58-66.
12. Lenz-Raymann K. Securitization of Islam: A Vicious Circle; Counter-Terrorism and Freedom of Religion in Central Asia // Globaler lokaler Islam. 2014. P. 117-138.
13. Makhmet M., Yerzhan K., Imamumadi T., Akimkhanov A., Okan S. The Importance of Religious Education in Consolidating Kazakh

Identity in China: An Historical Approach // Religious Education. 2021. Vol. 116, no. 5. P. 521-530.

14. Manzhbayev Q. Qazaq oqu-agartu tarihinan kiskasha derekter. Astana. Xinjiang People's Publishing House, 2009. 155 p.
15. Myngzhanuly N. Qazaqtin kiskasha tarihi. Xinjiang. People's Publishing House. 1987. 160 p.
16. Myngzhanuly N. Islam dininin qazaq halkina taralui // Journal of Xinjiang Social Sciences. 1990. No 1. P. 41-60.
17. Sanik Z. Dala madeniyeti turali tolganistar. Astana. Xinjiang People's Publishing House. 2011. 96 p.
18. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Академия Наук СССР. 1941. Вып. 2. С. 368-370.
19. Simayijiang H., Pereira V., Borsting C., Morling N. Analysis of 16 autosomal STR loci in Uyghur and Kazakh populations from Xinjiang // Forensic Sci. Int. Genet. 2019. P. e262-e263.
20. Sraeli R. Islam in China // Politics and Religion Journal. 2012. Vol. 6, no. 2. P. 251-268.
21. Tabeikyna E. K., Kamalova G. T., Hasanov E. L., Dzhumagaliyeva K. V., Demeuova N. K. The place of intelligentsia in socio-economic development of society: the creative perspective // Creativity Studies. 2021. Vol. 14, no. 1. P. 235-250.
22. Van Wie Davis Elizabeth. Asian Affairs: An

American Review // Uyghur Muslim Ethnic Separatism in Xinjiang. 2008. Vol. 35, no. 1. P. 15-30.

References

1. Abylov T. Islam in the Golden Horde: spread and impact on the Eurasian steppe. Journal of Philosophy, Culture and Political Science, 2019, vol. 67, no. 1, pp. 76-84. (In English).
2. Adilbayev A. Qazaq salt-dastur, adet-guryptarinin islam sharigatimen uylesimi. Fund for the Support of Spiritual Values Corporate Foundation, Astana, SSVCF, 2018, p. 14. (In Kazakh).
3. Chyngoguang. Islam dini zhane ertedegi Shin-zhan madeniyeti. Journal of Xinjiang Social Sciences, 1998, vol. 1, p. 92. (In Kazakh).
4. Baitenova N., Duissenbayeva A. Islamdagy sopylik bagyt zhane onin Kazakhstan taraluy. Bulletin of KazNU. Series of Philosophy, Cultural Studies, Political Science, 2012, vol. 38, no. 1, p. 163. (In Kazakh).
5. Bartold V. Turki: Dvenatstat leksii po istorii turetskik narodov Srednei Azii. [Turks: Twelve reports on the history of the nations in the Central Asia]. Zhalyln, Nauka, 1993, p. 68. (In Russian).
6. Bihai S. Qazaq madeniyetinin tarihi. Astana, Xinjiang People's Publishing House, 2005, 578 p. (In Kazakh).
7. Cetinkaya M., Billings J. Systematic review of the relationship between Islamic-Sufi spirituality and practice and mental well-being.

- Mental Health, Religion & Culture, 2023, vol. 26, no. 10, pp. 1065-1080. (In English).
8. Gafurov B. Drevneyshaya, drevnya i sred-nevekovaya istoriya [Prehistorical, ancient and medieval history]. Dashkend, Nauka, 1972, 316 p. (In Russian).
9. Guillaume R. Путешествие в восточные страны [Puteshestviye v vostochnyye strany]. Москва [Moskwa], Мысль [Misl], 1997, pp. 117-118. (In Russian).
10. Hansen V. International Gifting and the Kitan World. Journal of Song-Yuan Studies, 2013, vol. 43, pp. 273-302. (In English).
11. Hasanov E. L. Pis'menniye istochniki arkhivov Rossiiskoy imperii ob istoriko-arkhitekturnom nasledii goroda Gyandzki [Russian empire archive's written sources on the medieval historical-architectural heritage of Ganja city]. Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya [Perm University Herald. History], 2025, vol. 69, no 2, pp. 58-66. (In Russian).
12. Lenz-Raymann K. Securitization of Islam: A Vicious Circle; Counter-Terrorism and Freedom of Religion in Central Asia. Globaler lokaler Islam, 2014, pp. 117-138. (In English).
13. Makhmet M., Yerzhan K., Imamumadi T., Akimkhanov A., Okan S. The Importance of Religious Education in Consolidating Kazakh Identity in China: An Historical Approach. Religious Education, 2021, vol. 116, no. 5, pp. 521-530. (In English).
14. Manzhibayev Q. Qazaq oqu-agartu tarihinan kiskasha derekter. Astana, Xinjiang People's Publishing House, 2009, 155 p. (In Kazakh).
15. Myngzhanuly N. Qazaqtin kiskasha tarihi. Xinjiang, People's Publishing House, 1987, 160 p. (In Uyghur).
16. Myngzhanuly N. Islam dininin qazaq halkina taralui. Journal of Xinjiang Social Sciences, 1990, no 1, pp. 41-60. (In Uyghur).
17. Sanik Z. Dala madeniyeti turali tolganistar. Astana, Xinjiang People's Publishing House, 2011, 96 p. (In Kazakh).
18. Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy [Collection of materials, belong to the history of the Golden Horde]. Akademiya Nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR], 1941, vol. 2, pp. 368-370. (In Russian).
19. Simayijiang H., Pereira V., Borsting C., Morling N. Analysis of 16 autosomal STR loci in Uyghur and Kazakh populations from Xinjiang. Forensic Sci. Int. Genet, 2019, pp. e262-e263. (In English).
20. Sraeli R. Islam in China. Politics and Religion Journal, 2012, vol. 6, no. 2, pp. 251-268. (In English).
21. Tabeikyna E. K., Kamalova G. T., Hasanov E. L., Dzhumagaliyeva K. V., Demeuova N. K. The place of intelligentsia in socio-economic development of society: the creative perspective. Creativity Studies, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 235-250. (In English).
22. Van Wie Davis Elizabeth. Asian Affairs: An American Review. Uyghur Muslim Ethnic

Separatism in Xinjiang, 2008, vol. 35, no. 1, pp. 15-30. (In English).

Информация об авторе

Гасанов Эльнур Лятиф оглу,

Доктор философии (PhD) по историческим наукам,

Ученый секретарь Гянджинского Отделения Национальной Академии Наук Азербайджана (Гянджа, Азербайджан),

AZ 2000, Азербайджан, г. Гянджа, прос.

Г. Алиева, 419,

E-mail: lnurh273@gmail.com,

Information about the author

Hasanov Elnur Latif oglu,

PhD in historical sciences,

Scientific secretary of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences (Ganja, Azerbaijan),

AZ 2000, Azerbaijan, Ganja city, H.Aliyev ave., 419,

E-mail: lnurh273@gmail.com,

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.02.2026

Принята к публикации: 25.02.2026

Information about the article

The article was submitted 15.01.2026

Approved after reviewing 15.02.2026

Accepted for publication 25.02.2026

**Memory of the events of the Great Patriotic War
in the Republic of Kazakhstan as an element of the system
of bilateral interstate relations between the Russian Federation
and the Republic of Kazakhstan**

**Память о событиях Великой Отечественной войны
в Республике Казахстан как элемент системы двусторонних
межгосударственных отношений Российской Федерации
и Республики Казахстан**

УДК 327.33 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-129-142](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-129-142)

*Гришин Яков Яковлевич¹,
Надыров Рустем Нилевич¹,
Куанышпекова Камила Тимуровна¹*

*¹Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
kamila.kuanyshpekova.02@gmail.com*

<https://orcid.org/0000-0002-0930-2748>

*Grishin Y.Y. ¹,
Nadyrov R.N. ¹,
Kuanyshpekova K.T. ¹*

*¹Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

*Corresponding author:
kamila.kuanyshpekova.02@gmail.com*

<https://orcid.org/0000-0002-0930-2748>

АННОТАЦИЯ. Актуальность исследования определяется тем, что в условиях усложнения международной обстановки и роста конкурирующих интерпретаций прошлого историческая память все чаще выступает не только предметом гуманитарной политики, но и значимым ресурсом внешнеполитической легитимации и союзнической консолидации. Цель статьи — показать, каким образом общая ком-

ABSTRACT. The relevance of this study is determined by the fact that, amid a complicated international situation and a proliferation of competing interpretations of the past, historical memory is increasingly becoming not only a subject of humanitarian policy, but also a significant resource for foreign policy legitimacy and allied consolidation. The purpose of this article is to show how the common commemorative

меморативная рамка, сложившаяся в советский период и опирающаяся на мобилизованную коллективную память о Великой Отечественной войне Героях Советского Союза, продолжает функционировать как ценностное основание современных отношений Российской Федерации и Республики Казахстан. Материалы исследования составили Декларация о переходе двусторонних отношений на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и союзничества, подписанная по итогам государственного визита 12 ноября 2025 г., а также публичные выступления, официальные сообщения и сведения о практиках памяти (парады, мемориальные комплексы, акции типа «Бессмертного полка», поисковое движение). Методологически использованы элементы качественного анализа официального дискурса и институциональный анализ меморативных практик. Результаты демонстрируют, что апелляция к «общей истории» и символике Победы выполняет одновременно интеграционную и воспитательную функции: поддерживает межгосударственное взаимодействие, задает эмоционально-культурную основу союзничества и обеспечивает межпоколенческую трансляцию ценностей. В выводах обосновывается, что сохранение единой системы памятных символов и ритуалов остается важным элементом укрепления двусторонних отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Великая Отечественная Война, историческая память, Республика Казахстан, Российская Федерация, Герой Советского Союза, Победа.

framework that developed during the Soviet period, based on the mobilized collective memory of the Great Patriotic War and the Heroes of the Soviet Union, continues to function as the value basis for contemporary relations between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The research materials consist of the Declaration on the transition of bilateral relations to the level of comprehensive strategic partnership and alliance, signed following the state visit on November 12, 2025, as well as public statements, official communications, and information about memory practices (parades, memorial complexes, actions such as the Immortal Regiment, and search movements). Methodologically, elements of qualitative analysis of official discourse and institutional analysis of commemorative practices were used. The results demonstrate that appealing to a “shared history” and the symbolism of Victory Day serves both integrative and educational functions: it supports interstate cooperation, establishes an emotional and cultural basis for alliance, and ensures the intergenerational transmission of values. The conclusions justify that preserving a unified system of commemorative symbols and rituals remains an important element in strengthening bilateral relations.

KEYWORDS. Great Patriotic War, historical memory, Republic of Kazakhstan, Russian Federation, Hero of the Soviet Union, Victory.

FOR CITATION: Grishin Y.Y., Nadyrov R.N., Kuanyshpekova K.T. Memory of the events of the Great Patriotic War in the Republic of Kazakhstan as an element of the system of bilateral interstate relations between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Modern Oriental Studies*.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гришин Я.Я., Надыров Р.Н., Куанышпекова К.Т. Память о событиях Великой Отечественной войны в Республике Казахстан как элемент системы двусторонних межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Казахстан. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 8 129-142 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-129-142>

2026; Volume 8 (№1). P. 129-142 (In Russ.)
<https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-129-142>

Современные межгосударственные отношения Российской Федерации и Республики Казахстан развивались в атмосфере взаимопонимания, равноправия и доверия. Важным элементом этих отношений всегда была система ценностей, включающая в себя коммеморативные практики Советского Союза, основанные на мобилизованной коллективной памяти о значимых событиях общего прошлого.

12 ноября 2025 года завершился государственный визит президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева в Россию. Итогом государственного визита стало подписание Декларации о переходе межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Казахстан на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и союзничества (Декларация о переходе...). Тем самым отношения Российской Федерации и Республики Казахстан вышли на высший уровень межгосударственного взаимодействия, который, по мнению главы Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН Дмитрия Новикова, «характеризуется интенсивными связями во всех сферах и обоюдным

признанием обеих сторон огромной важности отношений между ними» (Как Казахстан стал стратегическим партнером...). Одним из оснований стратегического партнерства и союзничества является уважение «к общей истории» (Декларация о переходе...), о чем свидетельствует текст преамбулы подписанной декларации.

Накануне подписания декларации в «Российской газете» была опубликована авторская статья президента Казахстана под заголовком «Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев: «Вечная дружба — путеводная звезда для наших народов»» (Вечная дружба...). Одним из лейтмотивов статьи стал мотив общности исторического прошлого и сохранения исторической памяти. Так, Токаев отметил: «в Казахстане и России текущий год ознаменовался знаковыми юбилейными мероприятиями. Важнейшее из них - 80-летие Великой Победы. Это одно из самых значимых исторических событий для наших народов. Как известно, каждый пятый казахстанец ушел на фронт, около половины из них погибли на полях сражений. Миллионы наших

граждан — и стар, и млад — трудились в тылу. В ознаменование юбилея Победы в Астане состоялся беспрецедентный по своим масштабам военный парад, а по всему Казахстану прошли сотни памятных мероприятий, посвященных подвигам наших отцов и дедов» (Вечная дружба...). Отдельно глава государства выразил «искреннюю благодарность волонтерам-поисковикам из Казахстана, России и других стран, которые ведут кропотливую работу по увековечению памяти погибших воинов» (Вечная дружба...).

В годы Великой Отечественной войны Казахстан, будучи частью Советского Союза, внес значительный вклад в общую Победу. По историческим данным, с территории Казахской ССР на фронт было отправлено свыше 1,2 миллиона человек — около пятой части всего довоенного населения республики, из них более 600 тысяч не вернулись с войны, отдав свои жизни на полях сражений (что составляло порядка 11% населения) (Единая платформа...). Эти страшные цифры доказывают, что война затронула практически каждую казахстанскую семью. Помимо численного вклада, Казахстан гордится своими героями. Более 500 воинов из Казахской ССР были удостоены звания Героя Советского Союза за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них — четверо дважды Герои Советского Союза (например, легендарный летчик-штурмовик Талгат Бегельдинов) и 110 человек, награжденных орденом Славы всех трех степеней (Более 500 казахстанцев...).

В Красной армии служили представители более ста этносов, проживавших в республике. Они воевали на всех фронтах — от обороны

Москвы и Сталинграда до освобождения Европы. За массовый героизм казахстанцев республика заслужила славу «фронтового края». Каждый четвертый казахстанец участвовал в войне (Об участии казахстанцев...), при этом солдаты сражались в составе известных частей, таких как 316-я стрелковая (Панфиловская) дивизия, особо отличившаяся при обороне Москвы в 1941 году. Подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, ценою жизни остановивших колонну танков врага, стал символом стойкости советского народа.

Нельзя переоценить и роль этнических казахов, которые составляли значительную часть солдат из Казахской ССР. В советских сводках нередко звучали имена казахских героев: например, Бауыржана Момышулы, отважно командовавший батальоном Панфиловской дивизии под Москвой; снайпера-женщины Алия Молдагулова, уничтожившей десятки врагов; пулеметчицы Маншук Маметовой, до последнего оборонявшей рубеж и посмертно ставшей первой казахской женщиной-Героем Советского Союза. Их имена, наряду с другими героями, такими как летчики-асы Леонид Беда и Сергей Луганский (дважды Герои Советского Союза), навсегда вписаны в историю. Лейтенант Рахимжан Кошкарбаев вместе с боевым товарищем Григорием Булатовым в числе первых водрузили Красное Знамя над рейхстагом в Берлине (Водрузивший знамя Победы). Подвиги этих людей стали легендами и легли в основу военно-патриотического воспитания нескольких поколений казахстанцев.

Важнейшей коммеморативной практикой, как России, так и Казахстана, являются военные парады, проводимые в ознаменование Победы в Великой Отечественной войне.

Безусловно особое значение имеет военный парад, проводимый в ознаменование Победы 9 мая в Москве.

Парад Победы в Москве — это дань памяти и уважения мужеству и героизму советского народа, сражавшегося на фронтах и трудившегося в тылу ради Победы в Великой Отечественной войне.

Как писал в своей статье от 9 мая 2025 года программный директор Валдайского клуба Олег Барабанов «в настоящее время военный парад 9 мая приобретает и важное международное значение для современной России» (Историческое и политическое значение парада Победы 9 мая), выделяя в качестве причин «во-первых, с темой международной солидарности в памяти о совместной борьбе стран антигитлеровской и антияпонской коалиции в годы Второй мировой войны, во-вторых, большое значение руководство России придаёт важности борьбы с фальсификацией истории, политизацией исторической памяти, со стремлением ряда западных стран принизить и очернить роль советской армии во Второй мировой войне» (Историческое и политическое значение парада Победы 9 мая).

Вместе с тем необходимо отметить, что все юбилейные парады Победы в Москве отвечали критериям международного политического события.

Республика Казахстан как одна из наследниц Великой Победы, союзница России, традиционно принимает участие в главных мероприятиях в честь Победы, проходящих в Москве, на уровне высшего руководства.

Первый Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев неоднократно присутствовал на московских Парадах Победы, особенно приуроченных к юбилейным датам. Назарбаев лично участвовал в торжествах 9 мая 1995 года (50-летие Победы), когда в Москву приехали лидеры большинства стран мира. Назарбаев был гостем на параде 2005 года (60-летие Победы) – тогда на Красной площади собрались делегации 52 государств, включая глав 10 стран СНГ (Кто из мировых лидеров...). На 65-летие Победы в 2010 году Назарбаев также прибыл в Москву: в параде участвовали лидеры 21 страны, среди которых он был одним из пяти представителей СНГ. Этот парад запомнился тем, что по Красной площади впервые прошли роты Почетного караула иностранных государств, в том числе и Казахстана — казахстанские гвардейцы промаршировали под государственным флагом, что символизировало преемственность традиций Победы (Рота Почетного караула Минобороны РК...). В 70-летний юбилей Победы в 2015 году, Назарбаев, после парада в Астане, прибыл в Москву для участия в общем празднике, продемонстрировав уважение к обоим формам чествования. В тот год многие западные лидеры бойкотировали московские празднования, однако большинство глав постсоветских республик, включая Казахстан, поддержали торжество своим присутствием. Нурсултан Назарбаев, как один из наиболее

авторитетных лидеров СНГ, занял почетное место на трибуне рядом с Владимиром Путиным и председателем КНР Си Цзиньпином. В параде 2015 г. вновь участвовали военные расчеты Казахстана – подразделение прошло по Москве вместе с союзниками. Даже после ухода с поста главы государства Нурсултан Назарбаев по приглашению президента Российской Федерации Владимира Путина принимал участие в военном параде по случаю 74-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне (Назарбаев прибыл на парад Победы в Москве). Тем самым Назарбаев последовательно подчеркивал общность исторической памяти с Россией.

Действующий президент Касым-Жомарт Токаев впервые принял участие в международном праздновании 75-летие Победы в 2020 году, несмотря на пандемию COVID-19, парад в Москве был проведен с переносом на 24 июня 2020 года (Президент Казахстана посетил военный парад по случаю 75-летия Победы). Наряду с лидерами семи государств постсоветского пространства (включая президентов Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, премьер-министра Армении и президента Беларуси) Касым-Жомарт Токаев 9 мая 2023 г. сидел на трибуне на Красной площади рядом с Владимиром Путиным. В 80-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне в Астане отметили 7 мая 2025 года масштабным военным парадом, по главной площади прошли сотни единиц боевой техники и тысячи военнослужащих (Президент Касым-Жомарт Токаев и Генеральный секретарь...). 8 мая 2025 года Касым-Жомарт Токаев прибыл в Москву для участия в мероприятиях, посвя-

щенных Дню Победы. 9 мая 2025 года он посетил военный парад, посвященный 80-летию Великой Победы, на Красной площади, а также принял участие в церемонии возложения цветов к могиле Неизвестного солдата. На параде Республику Казахстан представил парадный расчет военнослужащих 37-й бригады Десантно-штурмовых войск имени Героя Советского Союза генерал-майора Ивана Панфилова (Президент Казахстана посетил военный парад по случаю 75-летия Победы).

После обретения независимости в 1991 году Казахстан продолжил трепетно хранить память о Великой Отечественной войне, рассматривая ее как важнейшую часть общей истории и национальной идентичности. День Победы 9 мая остается государственным праздником и памятной датой. Ежегодно в этот день по всей стране проходят торжественные мероприятия: церемонии возложения цветов к вечному огню, минуты молчания, встречи руководства страны с ветеранами. В столице и регионах по традиции организуют праздничные концерты, салюты, тематические выставки. До недавнего времени значимым общенародным мероприятием было шествие «Бессмертного полка» — тысячи людей проходили по улицам с фотографиями своих родственников-фронтовиков, отдавая дань памяти семейным героям. Например, в Алмате и Астане подобные шествия собирали огромные колонны жителей в 2010-х годах. К 2020-м годам формат несколько изменился: власти начали рекомендовать более локальные формы памяти (в частности, в 2023 году официальные шествия в Казахстане были отменены, а взамен проведены возложения

цветов в рамках акции «Батырларга тағзым» – «Поклон героям») (В Алма-Аты разрешили провести акцию «Бессмертный полк» 9 мая). Тем не менее смысл остается прежним — народ самостоятельно участвует в увековечении памяти своих предков, и эта традиция передается молодым поколениям.

В Казахстане находится в сохранности большинство советских воинских мемориалов и памятников, посвященных событиям Великой отечественной. Более того, за годы независимости многие из них были реконструированы и обновлены, а также появились новые памятные объекты. Правительство и местные власти поддерживают действующие мемориалы надлежащем состоянии: непереносимое освещение в темное время суток, регулярное поддержание порядка, реставрация к юбилейным датам, крупные мемориалы оснащены охранной сигнализацией. В каждом областном центре есть Монумент Славы или Аллея Героев с именами земляков, не вернувшихся с войны. Практически в каждом городе, районном центре и даже во многих селах можно найтиobelisks славы с именами погибших односельчан, памятные доски и музеи боевой славы. Например, в городе республиканского значения Шымкенте мемориальный комплекс увековечил имена более 140 000 погибших воинов из этой области – длинные плиты с высеченными фамилиями по сути являются народной Книгой Памяти (В Шымкенте реставрируют аллею Славы в парке Абая). В 2015 году, к 70-летию Победы, был открыт обновленный парк Победы в Петропавловске: там появилась Аллея Славы с именами 66 Героев Советского Союза и кавалеров

ордена Славы — уроженцев Северо-Казахстанской области (Новую Аллею Славы к юбилею Победы открыли в Петропавловске). В столице и крупных городах расположены наиболее масштабные мемориальные комплексы. В Алмате еще в советское время был создан мемориал в Парке 28 гвардейцев-панфиловцев: вечный огонь и грандиозная бронзовая стела, которые каждый год в памятный день притягивают алматинцев почтить героев войны (Парк имени 28 гвардейцев-панфиловцев). 19 января 2015 года президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подписал указ № 992 «О единой юбилейной медали в ознаменование 70-летия со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (Указ о единой юбилейной медали...).

Каждый казахстанец знает имена и подвиг девушек-героев Советского Союза — Алию Молдагулову и Маншук Маметову. Памятники, напоминающие народу о самоотверженности каждой из них, расположены по всей стране (Памятник Маншук Маметовой установили в Астане). К воздвижению таких памятников руководство страны всегда подходило особенно: в Алмате в 1997 году и Астане в 2018 году церемонию открывал президент республики (Память об их подвигах вечно жива...).

В Астане в 2001 году открыт новый Монумент «Отан қорғаушылар» (Защитники Отечества) — 24-метровая бронзовая стела, где центральной фигурой является женский образ Родина-Мать с золотой чашей в руках. На одной стороне стелы изображены советские солдаты времен Великой Отечественной, на другой — древние казахские батыры, сокрушающие

врага; тем самым подчеркнута связь поколений защитников земли казахской (Ровно 15 лет прошло со дня открытия...). У подножия монумента горит Вечный огонь, зажженный от частицы огня, привезенного из алматинского парка Панфилова. Этот мемориал стал главным местом празднования Дня Победы в столице — ежегодно 9 мая здесь проходят церемонии с участием руководства государства, военные парады и народные гуляния. В целом, власти выделяют необходимые средства на содержание памятников Великой Отечественной, понимая их историческую значимость.

27 марта 2020 года Национальный Банк Республики Казахстан, вслед за Банком России, выпустившим 29 ноября 2019 года в обращение памятные монеты серии «75-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», выпустил в обращение коллекционные монеты «75 лет Победе» (75-летие Победы советского народа...). В основе графической композиции монеты «75 лет Победе» заложены стилизованные изображения солдата советского солдата на фоне расщепленной трещинами стены, символизирующей разрушения, принесенные войной. На переднем плане изображение вечного огня, из пламени которого образуется вереница взмывающих вверх голубей, символизирующих жизни советских солдат, отданных во имя мира на земле (Юбилейные монеты к 75-летию Великой Победы выпустил Нацбанк).

О современном отношении казахстанцев к памятникам Великой Отечественной войны свидетельствуют массовые общественные ме-

роприятия: люди несут цветы, фотографии дедов, дети в школах разучивают военные песни и стихотворения.

С каждым годом отдаления от войны роль памятников даже возрастает как осязаемых «мостов» во времени. У памятников детям рассказывают им о страшной цене победы, учат гордиться стойкостью своего народа. Таким образом, мемориалы Великой Отечественной войны в Казахстане сегодня — это бережно сохраненные островки памяти, которые объединяют разные поколения и напоминают о том, какой ценой была завоевана мирная жизнь.

Кроме того, единая память о войне продолжает выполнять важнейшую воспитательную функцию, укрепляя связь поколений. Молодежь Казахстана знает о подвиге дедов не только из книг — она видит живые примеры уважения: как государство заботится о ветеранах, как стоят в почетном карауле у Вечного огня ровесники, как бережно хранятся письма с фронта в семьях. Всё это прививает чувство преемственности и патриотизма.

Несмотря на появление новых праздников и героев суверенного Казахстана, День Победы и образ героя продолжают занимать особое место в сердцах людей. Это общая для всех поколений точка опоры, символ мужества и единства народа перед лицом смертельной опасности.

Республиканские средства массовой информации уделяют особое внимание мероприятиям, посвященным празднованию Дня Победы, проводимым как в Казахстане (Лица

пилотов и флаг в небе...), так и в России (Парад Победы в Москве...).

Подводя итог, можно говорить о том, что Российская Федерация и Республика Казахстан являясь наследниками Советского Союза сохраняют общую память о Великой Отечественной войне, и это служит важным фактором сплочения. Общие памятные даты и символы Победы помогают поддерживать интеграционные процессы, выступают эмоционально-культурной основой союзничества. Одновременно эта память скрепляет связь поколений внутри самих стран — молодежь уважает подвиг старшего, а аксакалы передают им свои ценности. Память о войне стала нравственным ориентиром и для нынешних независимых государств, напоминая всем нам о цене мира и необходимости единства перед лицом любых испытаний. При этом сохранение единой системы ценностей, позволяющих избежать политически мотивированной переоценки, является важным элементом межгосударственных отношений.

Список литературы

1. Декларация о переходе межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Казахстан на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и союзничества. Kremlin.ru [Официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6415> (дата обращения 07.02.2026).
2. Как Казахстан стал стратегическим партнером России наряду с КНР и Ираном. РБК [Официальный сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/11/2025/691483f29a794761158fc61> (дата обращения 07.02.2026).
3. Вечная дружба — путеводная звезда для наших народов. Российская газета [Официальный сайт]. URL: https://rg.ru/2025/11/11/prezident-respubliki-kazakhstan-kasym-zhomart-tokaev-vechnaia-druzhiba-putevodnaia-zvezda-dlia-nashih-narodov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fflenta.ru%2F (дата обращения 07.02.2026).
4. Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов (ЕПИР ГО). GOV.KZ [Официальный сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-addis-ababa/press/events/details/2119?lang=ru> (дата обращения 07.02.2026).
5. Более 500 казахстанцев получили звание Героя Советского Союза. Vecher.kz [Официальный сайт]. URL: <https://vecher.kz/ru/article/bolee-500-kazakhstansev-poluchili-zvanie-geroia-sovetskogo-soiuza.html> (дата обращения 07.02.2026).
6. Об участии казахстанцев в Великой Отечественной войне и подвиге Героя Советского Союза Жалела Кизатова. E-history.kz [Официальный сайт]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/50000213> (дата обращения 07.02.2026).
7. Водрузивший знамя Победы. Kazpravda.kz [Официальный сайт]. URL: <https://kazpravda.kz/n/vodruzivshiy-znamya->

- pobedy/ (дата обращения 07.02.2026).
8. Историческое и политическое значение парада Победы 9 мая. Клуб «Валдай» [Официальный сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/znachenie-parada-pobedy-9-maya/> (дата обращения 07.02.2026).
9. Кто из мировых лидеров посещал Парады Победы на Красной площади. Коммерсантъ [Официальный сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7711858> (дата обращения 07.02.2026).
10. Рота Почетного караула Минобороны РК была признана одной из лучших на параде Победы. Diapazon.kz [Официальный сайт]. URL: <https://diapazon.kz/news/11517-rota-pochetnogo-karaula-minoborony-rk-byla> (дата обращения 07.02.2026).
11. Назарбаев прибыл на парад Победы в Москве. MIR24.TV [Официальный сайт]. URL: <https://mir24.tv/news/16360227/koritich@mir24.tv> (дата обращения 07.02.2026).
12. Президент Казахстана посетил военный парад по случаю 75-летия Победы. Akorda.kz [Официальный Официальный сайт]. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_other_events/prezident-kazahstana-posetil-voennyi-parad-po-sluchayu-75-letiya-pobedy (дата обращения 07.02.2026).
13. Президент Касым-Жомарт Токаев и Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама То Лам приняли участие в военном параде. Akorda.kz [Официальный Официальный сайт]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-i-generalnyy-sekretar-ck-kommunisticheskoy-partii-vietnama-to-lam-prinyali-uchastie-v-voennom-parade-745846> (дата обращения 07.02.2026).
14. Президент Касым-Жомарт Токаев посетил военный парад по случаю Дня Победы. Akorda.kz [Официальный Официальный сайт]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-posetil-voennyu-parad-po-sluchayu-dnya-pobedy-943749> (дата обращения 07.02.2026).
15. В Алма-Аты разрешили провести акцию «Бессмертный полк». ТАСС [Официальный сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23828391> (дата обращения 07.02.2026).
16. В Шымкенте реставрируют аллею Славы в парке Абая. Otyrar.kz [Официальный сайт]. URL: <https://otyrar.kz/2025/04/v-shymkente-restavriruyut-alleyu-slavy-v-parke-abaya/> (дата обращения 07.02.2026).
17. Новую Аллею Славы к юбилею Победы открыли в Петропавловске. Mtrk.kz [Официальный сайт]. URL: <https://mtrk.kz/ru/2015/05/09/novuyu-alleyu-slavy-k-yubileyu-pobedy-otkryli-v-petropavlovске/> (дата обращения 07.02.2026).
18. Парк имени 28 гвардейцев-панфиловцев. Sxodim.com [Официальный сайт]. URL: <https://sxodim.com/almaty/place/park->

imeni-28-gvardejtsev-panfilovtsev (дата обращения 07.02.2026).

19. Указ о единой юбилейной медали в ознаменование 70-летия со дня Победы. GOV.KZ [Официальный сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/knb/documents/details/728?lang=ru> (дата обращения 07.02.2026).
20. Памятник Маншук Маметовой установили в Астане. Sarbaz.kz [Официальный сайт]. URL: https://archive.sarbaz.kz/country/pamyatnik-manshuk-mametovoy-ustanovili-v-astane-181891000/?sphrase_id=4951782 (дата обращения 07.02.2026).
21. Память о подвигах: памятник А. Молдагуловой и М. Маметовой в Алматы. Inform.kz [Официальный сайт]. URL: https://www.inform.kz/ru/pamyat-ob-ih-podvigah-vechno-zhiva-pamyatnik-a-moldagulovoy-i-m-mametovoy-v-almaty_a2261260 (дата обращения 07.02.2026).
22. Ровно 15 лет прошло со дня открытия Монумента защитникам Отечества в Астане. Informburo.kz [Официальный сайт]. URL: <https://informburo.kz/novosti/rovno-15-let-proshlo-so-dnya-otkrytiya-monumenta-zashchitnikam-otechestva-v-astane.html> (дата обращения 07.02.2026).
23. 75-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Банк России [Официальный сайт]. URL: https://cbr.ru/cash_circulation/memorable_coins/coins_base/ShowCoins/?

cat_num=5115-0152 (дата обращения 07.02.2026).

24. Юбилейные монеты к 75-летию Великой Победы выпустил Нацбанк Казахстана. Tengrinews.kz [Официальный сайт]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/yubileynnye-monetyi-75-letiyu-velikoy-pobedyi-vyipustil-396252/ (дата обращения 07.02.2026).
25. Лица пилотов и флаг в небе: кадры, которые сделали парад незабываемым. Tengrinews.kz [Официальный сайт]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/litsa-pilotov-flag-nebe-kadryi-kotoryie-sdelali-parad-569537/ (дата обращения 07.02.2026).
26. Парад Победы в Москве: Токаев поприветствовал казахстанских военнослужащих. Tengrinews.kz [Официальный сайт]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/parad-pobedyi-moskve-tokaev-poprivetstvoval-kazahstanskih-569681/ (дата обращения 07.02.2026).

References

1. Declaration on raising interstate relations between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan to the level of a comprehensive strategic partnership and alliance. Kremlin.ru [Official site]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6415> (accessed 07.02.2026).
2. How Kazakhstan became Russia's strategic partner alongside China and Iran. RBC

- [Official site]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/11/2025/691483f29a7947618fcf61> (accessed 07.02.2026).
3. Eternal friendship is a guiding star for our peoples. Rossiyskaya Gazeta [Official site]. URL: https://rg.ru/2025/11/11/prezident-respubliki-kazahstan-kasym-zhomart-tokaev-vechnaia-druzhiba-putevodnaia-zvezda-dlia-nashih-narodov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fflenta.ru%2F (accessed 07.02.2026).
4. Unified platform of online resources of government bodies (EPIR GO). GOV.KZ [Official site]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-addis-ababa/press/events/details/2119?lang=ru> (accessed 07.02.2026).
5. More than 500 Kazakhstanis received the title Hero of the Soviet Union. Vecher.kz [Official site]. URL: <https://vecher.kz/ru/article/bolee-500-kazahstansev-poluchili-zvanie-geroia-sovetskogo-soiuza.html> (accessed 07.02.2026).
6. On the participation of Kazakhstanis in the Great Patriotic War and the feat of Hero of the Soviet Union Zhalel Kizatov. E-history.kz [Official site]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/50000213> (accessed 07.02.2026).
7. The one who raised the Banner of Victory. Kazpravda.kz [Official site]. URL: <https://kazpravda.kz/n/vodruzivshiy-znamya-pobedy/> (accessed 07.02.2026).
8. The historical and political significance of the Victory Parade on 9 May. Valdai Club [Official site]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/znachenie-parada-pobedy-9-maya/> (accessed 07.02.2026).
9. Which world leaders attended Victory Day parades on Red Square. Kommersant [Official site]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7711858> (accessed 07.02.2026).
10. The Honor Guard Company of Kazakhstan's Ministry of Defence was recognized as one of the best at the Victory Parade. Diapazon.kz [Official site]. URL: <https://diapazon.kz/news/11517-rota-pochetnogo-karaula-minoborony-rk-byla> (accessed 07.02.2026).
11. Nazarbayev arrived at the Victory Parade in Moscow. MIR24.TV [Official site]. URL: <https://mir24.tv/news/16360227/koritich@mir24.tv> (accessed 07.02.2026).
12. The President of Kazakhstan attended the military parade marking the 75th anniversary of Victory. Akorda.kz [Official site]. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_other_events/prezident-kazahstana-posetil-voennoi-parad-po-sluchayu-75-letiya-pobedy (accessed 07.02.2026).
13. President Kassym-Jomart Tokayev and General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Vietnam To Lam took part in the military parade. Akorda.kz [Official site]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-i-generalnyy-sekretar-ck-kommunisticheskoy-partii-vetnama-to-lam-prinyali-uchastie-v-voennom-parade-745846> (accessed 07.02.2026).

14. President Kassym-Jomart Tokayev attended the military parade on Victory Day. Akorda.kz [Official site]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-posetil-voennyu-parad-posluchayu-dnya-pobedy-943749> (accessed 07.02.2026).
15. In Almaty, permission was granted to hold the “Immortal Regiment” march. TASS [Official site]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23828391> (accessed 07.02.2026).
16. Shymkent is restoring the Alley of Glory in Abai Park. Otyrar.kz [Official site]. URL: <https://otyrar.kz/2025/04/v-shymkente-restavriruyut-alleyu-slavy-v-parke-abaya/> (accessed 07.02.2026).
17. A new Alley of Glory was opened in Petropavlovsk for the Victory anniversary. Mtrk.kz [Official site]. URL: <https://mtrk.kz/ru/2015/05/09/novuyu-alleyu-slavy-k-yubileyu-pobedy-otkryli-v-petropavlovsk/> (accessed 07.02.2026).
18. Park of the 28 Panfilov Guardsmen. Sxodim.com [Official site]. URL: <https://sxodim.com/almaty/place/park-imeni-28-gvardejtsev-panfilovtsev> (accessed 07.02.2026).
19. Decree on a unified юбилейная medal to mark the 70th anniversary of Victory. GOV.KZ [Official site]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/knb/documents/details/728?lang=ru> (accessed 07.02.2026).
20. A monument to Manshuk Mametova was installed in Astana. Sarbaz.kz [Official site]. URL: https://archive.sarbaz.kz/country/pamyatnik-manshuk-mametovoy-ustanovili-v-astane-181891000/?sphrase_id=4951782 (accessed 07.02.2026).
21. Memory of feats: a monument to A. Moldagulova and M. Mametova in Almaty. Inform.kz [Official site]. URL: https://www.inform.kz/ru/pamyat-ob-ih-podvigah-vechno-zhiva-pamyatnik-a-moldagulovoy-i-m-mametovoy-v-almaty_a2261260 (accessed 07.02.2026).
22. Exactly 15 years have passed since the opening of the Monument to the Defenders of the Fatherland in Astana. Informburo.kz [Official site]. URL: <https://informburo.kz/novosti/rovno-15-let-proshlo-so-dnya-otkrytiya-monumenta-zashchitnikam-otechestva-v-astane-.html> (accessed 07.02.2026).
23. 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945. Bank of Russia [Official site]. URL: https://cbr.ru/cash_circulation/memorable_coins/coins_base/ShowCoins/?cat_num=5115-0152 (accessed 07.02.2026).
24. Commemorative coins for the 75th anniversary of the Great Victory were issued by the National Bank of Kazakhstan. Tengrinews.kz [Official site]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/yubileynyie-monetyi-75-letiyu-velikoy-pobedyi-vyipustil-396252/ (accessed 07.02.2026).
25. Pilots’ faces and a flag in the sky: footage that

made the parade unforgettable. Tengrinews.kz [Official site]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/litsa-pilotov-flag-nebe-kadryi-kotoryie-sdelali-parad-569537/ (accessed 07.02.2026).

26. Victory Parade in Moscow: Tokayev greeted Kazakh servicemen. Tengrinews.kz [Official site]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/parad-pobedyi-moskve-tokaev-poprivetstvoval-kazahstanskih-569681/ (accessed 07.02.2026).

Сведения об авторах

Гришин Яков Яковлевич,

д. ист. наук, профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

grishin.42@mail.ru

Надыров Рустем Нилевич

К.ист. наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

NadyrovRN@mail.ru

Куанышпекова Камила Тимуровна

Магистрант К(П)ФУ ИМОИиВ

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Kamila.kuanyshpekova.02@gmail.com

Information about the authors

Yakov Yakovlevich Grishin,

Doctor of Historical Sciences, Professor

Kazan (Volga Region) Federal University

Russia, Kazan, Kremlevskaya Street, Bldg. 18

grishin.42@mail.ru

Rustem Nilevich Nadyrov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University

Russia, Kazan, Kremlevskaya Street, Bldg. 18

NadyrovRN@mail.ru

Kamila Timurovna Kuanyshpekova

Master's Student, Institute of International Relations, History and Oriental Studies

Kazan (Volga Region) Federal University,

Russia, Kazan, Kremlevskaya Street, Bldg. 18

Kamila.kuanyshpekova.02@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.02.2026

Принята к публикации: 25.02.2026

Information about the article

The article was submitted 15.01.2026

Approved after reviewing 15.02.2026

Accepted for publication 25.02.2026

Criticism of the Iemoto System and Attempts to Transcend Its Boundaries in Japanese Traditional Arts

Критика системы иэмото и попытки преодоления её границ в японских традиционных искусствах

УДК 94 ± 7.03 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-143-150](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-143-150)

Борисова Анастасия Анатольевна¹

¹Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку:
a.borisova@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4807-604X>

Anastasiya A. Borisova ¹

¹Saint Petersburg State University, St.
Petersburg, Russia

Corresponding author:
a.borisova@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4807-604X>

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена системе иэмото — традиционной иерархической структуре организации школ в японских искусствах, на протяжении столетий определяющей их развитие. Целью работы является рассмотрение критики этой системы во второй половине XX века, когда она стала восприниматься как препятствие для творческой свободы и обновления искусств.

Попытки преодоления границ системы проанализированы на материале трех ключевых примеров: бунт молодых актеров театра Но 1970 г., отказавшихся от следования канонам одной школы; внедрение иерархических структур в традиционные танцы Окинава, породившее парадоксальное размывание стилей; и история школы игры на кото Саваи (осн.

ABSTRACT. This article examines the *iemoto* system — a traditional hierarchical structure for organizing schools in Japanese arts that has shaped their development for centuries. The aim of the paper is to analyze the criticism of this system in the second half of the 20th century, when it came to be perceived as an obstacle to creative freedom and the renewal of the arts.

Attempts to transcend the boundaries of the system are analyzed through three key case studies: the revolt of young Noh theater actors in 1970, who refused to follow the canons of a single school; the introduction of hierarchical structures into traditional Okinawan dance, which paradoxically led to a blurring of styles; and the history of the Sawai *koto* school (founded in 1979), established as an open educational institution but

1979 г.), основанной как открытое образовательное учреждение, но неизбежно воспроизведшей ключевые элементы системы иэмото под давлением требований учеников.

Сделан вывод, что устойчивость системы объясняется не только консерватизмом традиции, но и ее природой как социального контракта, воспроизводимого «снизу». Иэмото выполняет востребованную обществом функцию сертификации и институционализированного признания, альтернативы которой в современной Японии не сложилось. Несмотря на критику, система демонстрирует удивительную способность к адаптации, сохраняя свою структурирующую роль.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иэмото, критика системы иэмото, традиционные японские искусства, школа кото Саваи, театр Но, Рёкёу буё

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Борисова А.А. Критика системы иэмото и попытки преодоления её границ в японских традиционных искусствах. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 143-150 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-143-150>

inevitably reproducing key elements of the *iemoto* system under pressure from students' demands.

It is concluded that the system's resilience is explained not only by the conservatism of tradition but also by its nature as a social contract reproduced "from below". The *iemoto* fulfills a socially demanded function of certification and institutionalized recognition, for which no alternative has emerged in contemporary Japan. Despite criticism, the system demonstrates a remarkable capacity for adaptation while retaining its structuring role.

KEYWORDS. *iemoto*, criticism of the *iemoto* system, traditional Japanese arts, Sawai koto school, Noh theater, Ryūkyū buyō

FOR CITATION: Borisova A.A. Criticism of the Iemoto System and Attempts to Transcend Its Boundaries in Japanese Traditional Arts. *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 143-150 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-143-150>

One of the key phenomena in Japanese culture is the *iemoto* system – an organizational structure that has for centuries defined the life of traditional Japanese arts. The term *iemoto* (家元) is literally translated from Japanese as "foundation of the house." This concept has two closely related meanings. On one hand, it refers to the head of a school of traditional art—a person possessing the highest professional and spiritual authority. On the

other hand, *iemoto* denotes the very system of organizing schools, built on a hierarchical "family" principle. Examples of arts governed by the *iemoto* system include the tea ceremony, *ikebana*, *Noh* theater, and others.

For several centuries, the *iemoto* system has remained not just a method of organizing Japan's traditional arts but also an important social institution influencing the country's cultural development.

Originating in the medieval period, it has successfully adapted to the realities of modern society, demonstrating remarkable resilience. At the same time, the second half of the 20th and the beginning of the 21st century have seen a rise in criticism of this system, which is increasingly perceived as an obstacle to creative freedom and the development of the arts.

The relevance of this study is determined by several factors. Firstly, the *iemoto* system continues to function actively in Japan, extending its influence even to new, non-traditional genres, which necessitates understanding the reasons for its vitality. Secondly, the undying interest in Japanese culture raises the question of the extent to which this inherently conservative structure is compatible with ideas of democratic art and individual creative expression.

The purpose of this article is to identify the main points of criticism and examine attempts to move beyond this system in traditional Japanese arts during the second half of the 20th century.

A Brief History of the Iemoto System's Development

The system is based on the principle of *ie* (家) — a traditional family structure whose roots go back to the Kamakura period (1185-1333) and which underlies many organizations in Japan to this day. The *iemoto* system is a direct projection of the *ie* family model onto the professional sphere of art or craft. The *iemoto* system became a unique synthesis of medieval guild organization and the Confucian spiritual principles that for centuries defined Japanese society. Hierarchy, respect for

elders, and unconditional submission to authority — all these values were reflected in the structure of traditional art schools (Lande 2007, 173).

The formation of these schools was completed during the Edo period (1603-1868), a natural result of the development of urban culture. While in earlier periods training in the arts was accessible only to the upper strata of society and took place individually, the Edo period saw the emergence of a new class of townspeople willing to spend money on entertainment, including lessons in the arts. For the first time, learning became a mass phenomenon. The authorities encouraged the creation of schools, as this was a convenient tool for population control. The *iemoto* of schools bore personal responsibility to the authorities for the schools' activities and their students, guaranteeing their loyalty (Grisheleva 1986, 209).

The *iemoto* system has survived several crises. During the transformations of the Meiji period (1868-1912), the feudal clan system was dismantled, and pro-Western modernization began. Many schools fell into decline, and the *iemoto* system seemed an anachronism doomed to disappear. However, later, in the second half of the Meiji period, the role of traditional arts was re-evaluated as a unique national treasure. Some were even incorporated into the compulsory school curriculum. Of course, the proactive stance of the *iemoto* themselves, fighting for the preservation of their schools, greatly contributed to this (Borisova 2012, 103).

Such a state of affairs for the *iemoto* continued until the mid-20th century. Adherence to tradition and meticulous preservation of the canon aligned

with the nationalist policies of the Japanese authorities, and the system itself served as a convenient tool for controlling the schools (Borisova 2012, 106).

The system received another blow after World War II. The American occupation authorities sought to restrict activities, primarily martial arts, considering them hotbeds of militarism. But other art forms, such as traditional theater, also came under strict control.

From the mid-1950s, interest in traditional culture began to revive. The *iemoto* system not only survived — it adapted to new conditions. It proved its worth in preserving tradition and transmitting it through the centuries. The heads of schools, being professionals of the highest caliber, set a consistently high standard of mastery, and students are united by a sense of belonging to a common cause. Moreover, the system expanded beyond Japan: many schools actively open branches and divisions in other countries, including Russia.

Criticism of the Iemoto System

The growth of interest in traditional Japanese culture in the context of new post-war realities also led to a rethinking of the *iemoto* system's existence. This was largely influenced by the democratization of society, close acquaintance with the Western way of life, and the emergence of a new generation raised in an atmosphere of democratic values. The *iemoto* system was accused of excessive conservatism, rigid hierarchy, limiting creative freedom, and the commercialization of tradition.

A well-known example is the revolt of young Noh theater actors in 1970. Unwilling to tolerate the restrictions imposed by the *iemoto* system, the young actors organized their own society, the "Kanze School Students' Union" (Kanze ryū gakusei remmei 観世流学生連盟). Instead of blindly following the interpretations of their own branch, they began borrowing the best techniques from other schools, thereby breaking the system's hermetic seal. Their ideological inspiration was the famous actor Kanze Hisao (観世寿夫) (1925-1978), who declared himself free from the bonds of *iemoto* and refused to join the Noh Theatre Performers' Association (Nōgaku kyōkai, 能楽協会), which is essential for those willing to become a professional Nōgaku (能楽) performer (Anarina 1984, 169). Kanze Hisao criticized the *iemoto* system, pointing out its excessive insularity. According to him, the majority of the audience are not external fans of Noh, but rather amateur students of a famous master. "Under these circumstances, people are attracted not by the quality of the performance, but by the prestigious name of the teacher. This can in no way be called a true transmission of the tradition" (Takemoto 2012, 123). For the conservative elite, this was akin to heresy. However, this démarche exposed a deep crisis in the genre. For centuries, Noh theater existed as "art for the elite", but by the end of the 20th century, this insularity began to turn into isolation. Kanze Hisao's words proved to be truly prophetic. In the late 20th and early 21st centuries, many figures in the Noh theater began to speak of difficult times and even a crisis facing this art form. A particularly severe blow came during the COVID-19 pandemic: for safety reasons, auditoriums were

permitted to be filled to only half capacity, yet often not even 30% of seats were occupied (Nakajima 2021).

Currently, discussions are underway within the world of Noh theater about the need for change to attract audiences and, consequently, to preserve the art form. However, these discussions concern changes in form — such as the use of digital technologies, accelerating the tempo of performances and so on, rather than fundamental internal transformations. Thus, the warning voiced by Kanze Hisao nearly half a century ago remains as relevant as ever: the *iemoto* system, in safeguarding the form, risks losing the living content.

The *iemoto* system also faced significant criticism in Okinawa from those learning traditional dances *Ryūkyū buyō* (琉球舞踊). Until the mid-1980-s, there were only eight schools headed by *iemoto* in this art form (Hateruma 2011, 191). However, at the end of the 20th century, under the pretext of preserving the "purity of tradition", the dance community began to fragment into closed schools and by the end of the century there were more than twenty of them (Hateruma 2011, 192). This immediately created barriers previously unknown to Okinawan artists. Professional dancers suddenly found themselves unable to perform at a festival or organize a concert without the formal approval of the head of the house. An art that had been a community asset for centuries became hostage to the administrative power of the schools.

It should be noted that changing teachers on a student's initiative is categorically frowned upon. This risks expulsion from the school, so students wishing to continue their training must comply

with the school's rules. This is how the tradition continues to be passed down in its unchanged form. Those wishing to change the tradition could found their own school, and in case of *Ryūkyū buyō* that was a path many took. A paradox emerged: the multitude of new schools, each having its own *iemoto*, led to a proliferation and mess of styles, which blurred the canons rather than preserving them (Hateruma 2011, 200).

Furthermore, in the case of Okinawa dances, students also criticize the high cost of training. It is worth noting that complaints about exorbitant fees are heard from a wide variety of schools, not just dance schools. Fees for lesson preparation, various gratitude offerings to teachers and the *iemoto*, etc., place a heavy burden on students. Moreover, the amount of these fees is not specified, as they are formally considered "descendant's gratitude," but the sums can be quite significant. Researcher of traditional Japanese music schools in the USA, Waseda Minako, cites amounts ranging from \$400 to \$5,000 depending on the level of study (Waseda 2008, 115). This pertains to learning traditional Japanese arts in the USA, but it gives some idea of the scale of the sums involved. Without this payment, it is impossible to obtain a license, and consequently, to advance to the next level and become a teacher oneself.

Another striking example of protest against the *iemoto* system is the story of the Sawai *koto* school. In 1974, Sawai Tadao (沢井忠夫), leaving the Miyagi *koto* association (*Miyagi kai*, 宮城会), proclaimed a manifesto of creative freedom (Waseda 2008, 111). His goal was to shatter the hierarchical bonds of the *iemoto* system to

unlock the *koto*'s potential through contemporary music and personal improvisation. Sawai warned colleagues against "withdrawing into their own small worlds", insisting on an open exchange of ideas (Lande 2007, 243). Nevertheless, in 1979, he was compelled to announce the establishment of his own school, the "*Sawai Sōkyokuin*" (沢井箏曲院).

The name itself is telling. Typically, schools of traditional arts use the kanji characters *ha* (派) or *ryū* (流) in their names, indicating affiliation with a particular style or school. However, the character *in* (院) used in the Sawai school's name means "institute, educational institution". This choice underscores the founder's fundamental idea: the school positions itself not as the keeper of a monopolistic canon, but as an open educational institution whose goal is to transmit knowledge and skills without imposing a single correct performance style on its students.

Yet, despite these attempts to avoid the constraints of traditional schools, the Sawai school almost immediately acquired features characteristic of the *iemoto* system, such as issuing licenses to outstanding students and the family inheritance of the *iemoto* head position (Lande 2007, 256). Despite the declared transparency and fairness of the selection process, the very nature of this unmistakably refers to traditional canons.

Remarkably, the students themselves were the initiators of this transformation. In the reality of the Japanese performing arts world, an independent performer is an "invisible person". The lack of affiliation with a recognized school closes the doors to performance halls and the public, while a license from a master serves as a universal

measure of quality (Lande 2007, 252). The case of the Sawai school clearly demonstrates: the *iemoto* system is not an archaic imposition from above, but a resilient social contract reproduced "from below," responding to society's demand for clear hierarchy and professional benchmarks.

Currently, the school is headed by Sawai Tadao's son, Hikaru (比河流) (born 1964), who is referred to as the third-generation *iemoto* (the second being Tadao's wife, Kazue (一恵) (1941-2026)). Thus, the attempt to abandon the *iemoto* system formally failed. Although the Sawai school supports self-expression in music and fosters the talent of outstanding performers, formally it represents the same *iemoto* structure.

Conclusion

The examples examined allow us to understand which features of the *iemoto* system provoke the greatest dissatisfaction. However, such open protests remain rather the exception. Attempts to transcend the boundaries of the *iemoto* system also, as a rule, end in failure: the *iemoto* system is not an archaism imposed from above and preserved merely through the inertia of tradition. It is a kind of social contract that is reproduced "from below", as it responds to society's deep-seated need for clear hierarchies, explicit criteria of mastery, and institutionalized recognition. To date, no stable and universally recognized alternative to the *iemoto* system has emerged in Japan — one that could provide a comparable level of social recognition and professional certification.

Thus, despite criticism, the *iemoto* system demonstrates remarkable resilience, adapting to new conditions and finding support within the very society that continues to need its structuring function.

Список литературы

1. Lande L. Innovating Musical Tradition in Japan: Negotiating Transmission, Identity, and Creativity in the Sawai Koto School. *Doctoral dissertation, University of California, Los Angeles*. 2007. 469 P. https://www.academia.edu/108852904/Innovating_Musical_Tradition_in_Japan_Negotiating_Transmission_Identity_and_Creativity_in_the_Sawai_Koto_School (дата обращения 15.12.2025)
2. Гришелева Л.Д. *Формирование японской национальной культуры (конец XVI – начало XX в.)*. Москва: Наука, 1986.
3. Борисова А.А. Японские традиционные искусства и действия измото в период Мэйдзи (1868-1912). *Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика*. 2012. №2. С. 102-107
4. Анарина Н.Г. *Японский театр Но*. Москва: Наука, 1984.
5. Такэмото Микио (竹本幹夫). Но, покровители и зрители (能、パトロン、観客). *Enacting Culture – Japanese Theater in Historical and Modern Contexts. Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien*. Мюнхен: INDICIUM. 2012. С. 123-134 [https://www.researchgate.net/publication/331645691_Enacting_Culture_Japanese_Thea](https://www.researchgate.net/publication/331645691_Enacting_Culture_Japanese_Theater_in_Historical_and_Modern_Contexts)
6. Накадзима Рёхэй (中島良平). Насколько культурная и художественная деятельность может повысить доходность? Часть 2. Пример общественной организации «Ассоциация исполнителей театра Но» (文化芸術活動はいかに収益力を強化できるのか? Vol.2 公益社団法人能楽協会の事例から). *Записная книжка об искусстве. Серии статей (美術手帳Magazine series)*. 2021. <https://bijutsutecho.com/magazine/series/s37/23563> (дата обращения 23.11.2025) (на яп.яз.)
7. Хатэрума Нагако (波照間長子). Возникновение и развитие школ и течений в танцах Рю:кю: (琉球舞踊における流会派の発生と展開). *История корейского танца (한국무용사학)*. 2011. №12. С. 181-240. https://www.kci.go.kr/kciportal/landing/article.kci?arti_id=ART001558686 (дата обращения 10.12.2025) (на яп.яз.)
8. Waseda M. The Iemoto System in Japanese Performing Arts in Southern California: Its Transformation and Influences on the Diaspora Musical Practices. *Asian Studies Journal of Critical Perspectives on Asia*. 2008. Vol.44, №1. P. 103-128. <https://asj.upd.edu.ph/mediabox/archive/ASJ-44-1-2008/waseda.pdf> (дата обращения 30.11.2025)

References

1. Lande L. Innovating Musical Tradition in Japan: Negotiating Transmission, Identity, and Creativity in the Sawai Koto School. *Doctoral dissertation, University of California, Los*

- Angeles. 2007. 469 P. https://www.academia.edu/108852904/Innovating_Musical_Tradition_in_Japan_Negotiating_Transmission_Identity_and_Creativity_in_the_Sawai_Koto_School (accessed: 15.12.2025)
2. Griseleva L.D. *The Formation of Japanese National Culture (Late 16th – Early 20th Century)*. 1986. Moscow: Nauka (In Russ.)
3. Borisova A.A. Japanese Traditional Arts and Iemoto Activities during the Meiji Period (1868-1912). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2012. No. 2, pp. 102-107 (In Russ.)
4. Anarina N.G. *Japanese Noh Theater*. 1984. Moscow: Nauka (In Russ.)
5. Takemoto Mikio. Noh, patrons and audience. *Enacting Culture – Japanese Theater in Historical and Modern Contexts. Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien*. Munich: INDICIUM. 2012, pp. 123-134. https://www.researchgate.net/publication/331645691_Enacting_Culture_Japanese_Theater_in_Historical_and_Modern_Contexts (accessed: 17.11.2025) (In Jap.)
6. Nakajima Ryohei. How can cultural and artistic activities enhance profitability? Part 2. The case of the public interest incorporated association "Nohgaku Performers' Association". *Art notebook (magazine series)*. 2021. <https://bijutsutecho.com/magazine/series/s37/23563> (accessed: 23.11.25) (In Jap.)
7. Hateruma Nagako. Emergence and development of schools (Ryukaiha) in Ryukyuan dancing. *The History of Korean Dance*. 2011. №12, pp. 181-240. https://www.kci.go.kr/kciportal/landing/article.kci?arti_id=ART001558686 (accessed: 10.12.2025) (In Jap.)
8. Waseda M. The Iemoto System in Japanese Performing Arts in Southern California: Its Transformation and Influences on the Diaspora Musical Practices. *Asian Studies Journal of Critical Perspectives on Asia*. 2008. Vol.44, №1. P. 103-128. <https://asj.upd.edu.ph/mediabox/archive/ASJ-44-1-2008/waseda.pdf> (accessed: 30.11.2025)

Сведения об авторе

Борисова Анастасия Анатольевна,
К.и.н., доцент кафедры японоведения
Санкт-Петербургский государственный
университет, Университетская наб., 7/9,
Санкт-Петербург, 199034
a.borisova@spbu.ru

Information about the author

Anastasia A. Borisova

PhD in History, Associate Professor of the
Department of Japanology
Saint-Petersburg State University, Universi-
tetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, 199034
a.borisova@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.02.2026

Принята к публикации: 25.02.2026

Information about the article

The article was submitted 15.01.2026

Approved after reviewing 15.02.2026

Accepted for publication 25.02.2026

Ways of preserving national and cultural heritage
in the post-Imperial period

Пути сохранения национально-культурного наследия
в посттанзиматский период

УДК | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-151-158](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-151-158)

*Ситдикова Амина Салаватовна¹,
Хисматуллин Булат Ринатович²*

*¹Стамбульский университет,
Стамбул, Турция*

*²Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
bulatbayer@mail.ru*

<http://orcid.org/0000-0002-1133-1935>

*Amina S. Sitdikova¹,
Bulat R. Khismatullin²*

*¹Istanbul University,
Istanbul, Turkey*

*²Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

*Corresponding author:
bulatbayer@mail.ru*

<http://orcid.org/0000-0002-1133-1935>

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается политика Османской империи в области культуры, а именно государственные акты, направленные на сохранение национально-культурного наследия государства в период после публикации эдикта о Танзимате. В этот период происходило усиление закабаления Османского государства иностранными державами и турецкая интеллигенция, сформовавшаяся благодаря развитию образовательной среды, всерьез озадачивается вопросом сохранения культурного наследия государства. В результате правительство издало ряд специальных законов, регламентирующих действия

ABSTRACT. This article examines the cultural policy of the Ottoman Empire specifically the state acts aimed at preserving the national and cultural heritage of the state in the period after the publication of the Tanzimat Edict. During this period, the Ottoman state was being increasingly subjugated by foreign powers and the Turkish intelligentsia, which had been formed through the development of an educational environment, was seriously concerned with the preservation of the state's cultural heritage. As a result, the government issued several special laws regulating actions regarding national-cultural values, which are cited and analyzed in this article.

в отношении национально-культурных ценностей, которые приведены и проанализированы в этой статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Охрана древностей, культурное наследие, Танзимат, реформы культуры, Османская империя.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ситдикова А. С., Хисматуллин Б.Р. Пути сохранения национально-культурного наследия в посттанзиматский период. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 151-158 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-151-158>

KEYWORDS. Antiquities protection, cultural heritage, Tanzimat, cultural reforms, Ottoman Empire.

FOR CITATION: Sitdikova A.S., Khismatullin B.R. Ways of preserving national and cultural heritage in the post-Imperial period. *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 151-158 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-151-158>

Османская империя к середине XIX века претерпевала сложный период после проведения неудачной внешней и внутренней политики. В связи с этим государству были необходимы изменения, направленные на модернизацию различных сфер жизни. Эпохой государственных преобразований в Османской империи принято считать период Танзимата. В эпоху Танзимата на территории Османской империи был проведен ряд преобразований, затронувших различные сферы культуры. В эту эпоху султаном Мустафой Решид-пашей были сделаны шаги в сторону развития светского образования (Еремеев 1992, 277). Как понятие, Танзимат означает полное изменение и перестройку в турецкой политической, административной, экономической и социальной жизни и представляет собой культурное и реформаторское движение, которое подготовило почву для создания конституционной администрации

в Турции, сближения и примирения исламского и христианского миров (Cemaloğlu 2005, 154). После проведения реформ Танзимата культура Османской империи стала подвергаться сильному влиянию западных держав, которое проявилось в открытии учебных заведений, программы обучения в которых базировались на достижениях запада, в распространении западных принципов построения живописи, в приглашении для преподавания иностранных специалистов. В архитектуре Османской империи этого периода получили распространение барокко, классицизм и рококо (Кононенко 2016, 86). В условиях усиления внешнего влияния важной задачей стало сохранение национально-культурного наследия.

Посттанзиматский период в истории Османской империи был периодом динамичных изменений в государстве. Благодаря развитию учебных заведений происходило распространение

просветительских идей, формирование турецкой интеллигенции, которая в свою очередь была озадачена постепенным процессом закабаления государства от стран Европы и искала иные пути развития империи. В условиях подобной политической ситуации распространялись националистические лозунги, идеи османизма, панисламизма, пантюркизма (Гурьянова 2016, 6). Многие из тех, кто относился к распространителям данных идей, были деятелями культуры. Так, один из наиболее известных деятелей того времени, Намык Кемаль, не только занимался общественной деятельностью, но и был поэтом и прозаиком. Эти люди, целью которых был поиск пути спасения империи путем создания новой идентичности и национального «я», стремились создать новую культуру и восприятие при сохранении существующей (Karpat 2009, 264). Османская интеллигенция в конце XIX века использовала культурное наследие для подъема национального самосознания и распространения османизма – объединяющей идентичности, призванной связать многоэтническое и полирелигиозное население империи. Реформы и события, происходившие после них, заложили основу для развития различных подходов сохранения культурного наследия Османской империи.

В посттанзиматский период государство стало понимать важность и необходимость сохранения культурного наследия. Турецкая интеллигенция и иностранные исследователи начали обращаться в официальные учреждения с просьбой об исследовании древностей на территории империи (Yüksel 2021, 214). Начинают активно проводиться работы по обнару-

жению культурных артефактов. Во второй половине XIX века формируется первый нормативный акт в отношении защиты культурных ценностей “Asar-I Atika Nizamnamesi”. Это положение состояло из 7 статей и регламентировало порядок проведения раскопок на территории Османской империи (Coşkun 2021, 85). Согласно этому положению для проведения раскопок было необходимо получение специального разрешения. До этого постановления правовой статус древних артефактов регулировался с помощью исламских норм — фикха. Появление правового документа, регламентирующего работы в отношении древностей, позволяет сделать вывод о росте интереса государства к сохранению древних памятников культуры и развитию правовой системы в этой области.

Одним из путей сохранения национально-культурного наследия империи стало проведение масштабных реставрационных работ. Они были направлены на увековечивание важнейших произведений архитектуры, многие из которых являются доступными для посещения и по сегодняшний день. Во втором постановлении государства в области правового регулирования охраны древностей от 1874 “Asar-I Atika Nizamnamesi” приводится статья, которая предусматривала штрафы и наказания в виде тюремного заключения для тех, кто сносил старинные здания-артефакты. Их реставрация, наоборот, поддерживалась государством, так как архитектурные здания и сооружения являются немаловажной составляющей материального культурного наследия. Интересным является тот факт, что в этом постановлении разрешается частичный вывоз найденных в ходе

легальных раскопок артефактов. Это можно объяснить усилением давления западных держав и их возросшим интересом к объектам культурного наследия, находящимся на территории Османского государства. В 1875 году правительством был издан указ «Tenbih-i Resmî» согласно которому необходимо было уделить внимание сохранению не только самих зданий, но и рельефов, надписей на них (Shaw 2009, 86).

С увеличением количества раскопок и обнаружением новых памятников культуры развивалось и музейное дело. Новая веха развития в османском музееведении началась с назначением на роль директора открытого при поддержке правительства музея «Müze-i Hümayun» Османа Хамди-бея (1842–1910) в 1881 году. Осман Хамди уделял большое внимание развитию музея, организовывал археологические раскопки, которые финансово поддерживались государством, а также внес большой вклад в создание первой школы изящных искусств Sanayi-i Nefise (Shaw 2020, 125). Позже, благодаря большому количеству обнаруженных памятников культуры, здание музея неоднократно расширялось, увеличилось количество корпусов. Не менее важным является и развитие библиотеки при музее, в которой хранилось большее количество османских и иностранных научных работ. Сам Осман Хамди-бей был живописцем и в своих произведениях искусства он умело сочетал западные нормы построения и изображение традиционных сцен жизни османского гражданина. На одних картинах художника встречаются образцы изникской плитки, на других - плитка, украшенная образцами каллиграфии, и бордюры с цветочным

орнаментом, включенные в декорации зданий. В дополнение к архитектурным орнаментам обычно присутствует несколько традиционных предметов, таких как фигура с исламскими узорами, красочное традиционное одеяние и головной убор, рукописи, подсвечники, молитвенные коврики, ковры и лампы. Таким образом, Осман Хамди-бей увековечивал традиционные атрибуты османского быта и вносил свой вклад в сохранение культурного наследия государства.

Новым постановлением государства в области сохранения национально-культурного наследия стало постановление 1884 года. Оно состояло из 37 статей, в нем давалось общее определение того, что можно считать артефактом. Если в статье 1874 года из-за давления западных держав разрешался частичный вывоз найденных в ходе раскопок артефактов, то 8 статья постановления 1884 года строго запрещает вывоз найденных объектов за территорию Османской империи (Çal, 1997, 392). Это постановление было более полным и наделило центральное правительство всеми полномочиями по охране древностей.

Последнее “Asar-I Atika Nizamnamesi” Османской империи было опубликовано в 1906 году и несмотря на то, что это постановление появилось в османский период, в республиканскую эпоху оно также использовалось в качестве Положения о древностях. Все без исключения продукты древних обществ, связанные с изобразительным искусством, наукой, литературой, религией и жизнедеятельностью всех бывших жителей земель, находившихся под контролем Османского правительства, входили

в сферу действия этого постановления. Важнейшим нововведением этого постановления, устранившим недостатки предыдущего, стало включение в него произведений эпохи самой Османской империи и предшествовавших ей исламских обществ (Önge 2018, 11). Был достигнут серьезный прогресс в деле защиты древних артефактов, что отражает рост интереса государства к защите культурного наследия.

Таким образом, в период Османской империи главные полномочия в сфере сохранения национально-культурного наследия имели государственные органы. В посттанзиматскую эпоху правительство стало уделять большее внимание сохранению национально-культурного наследия. Стали появляться постановления, которые регламентировали раскопки и давали определения понятию «артефакт», назначали ответственных в этой области лиц. В посттанзиматскую эпоху Османская империя столкнулась с рядом трудностей, таких как политическая нестабильность, нехватка ресурсов и вмешательство иностранных государств, однако в этот период было создано наследие в области понимания культуры и путей ее сохранения, которое продолжает оказывать влияние и по сегодняшний день. Многие из постановлений, законов и принципов сохранения национально-культурного наследия, введенных в этот период, заложили основу для нынешней политики в этой области.

Список литературы

1. Еремеев Д. Е. История Турции в средние века и новое время / Д. Е. Еремеев; М. С. Мейер. – М: Изд-во Мос. Ун-та, 1992. – 319 с.
2. Cemaloğlu N. Osmanlı Devleti'nde yapılan Tanzimat reformlarının eğitim sistemine etkileri, uygulamaları ve sonuçları (1839-1876) [Электронный ресурс] / N. Cemaloğlu // Sosyal Bilimler Dergisi. – 2005. – № 14. – С. 153-165. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/844598>, свободный. (дата обращения: 20.11.2024).
3. Кононенко Е. И. Османский архитектурный историзм и поиски национального стиля / Е. И. Кононенко // Вестник СПбГУ, Сер. 15, Искусствоведение. – 2016. – №1. – С. 86–97.
4. Гурьянова Т. А. Отражение националистических идеологий в художественной культуре Турции конца XIX — начала XX вв. / Т. А. Гурьянова // Наука, образование и культура, история и археология. – 2016. – С. 5–8.
5. Karpat K. H. The transformation of the Ottoman State, 1789-1908 [Электронный ресурс] / K. H. Karpat // International Journal of Middle East Studies. – 2009. – V. 3. – I.1. – P. 243–281. – URL: [https://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Karpat,%20Transformation%20of%20the%20Ott%20State,%201789-1908%20\(1972\).pdf](https://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Karpat,%20Transformation%20of%20the%20Ott%20State,%201789-1908%20(1972).pdf), свободный. (дата обращения: 20.11.2024).

6. Yüksel E. Osmanlı Müzeciliğinin İşleyişine Bir Örnek: Müze-i Hümayûn Kurşun Mühür Kataloğu [Электронный ресурс] / E. Yüksel // Gaziantep University Journal of social sciences. – 2021. – № 20. – S. 212-238. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/792424>, свободный. (дата обращения: 20.11.2024).
7. Coşkun B.; Kurt H. Türkiye’de kültürel mirasın korunması: tarihsel gelişim ve yerel yönetimlerinin rolü [Электронный ресурс] / B. Coşkun; H. Kurt // Türk İdare Dergisi. – 2021. – № 493. – S. 81-108. – URL: [http://www.tid.gov.tr/kurumlar/tid.gov.tr/tum-sayilar\(2\)/2001-2025/2021/aralik/3-turkiye-de-kulturel-mirasin-korunmasi-tarihsel-gelisim-ve-yerel-yonetimlerin-rolu.pdf](http://www.tid.gov.tr/kurumlar/tid.gov.tr/tum-sayilar(2)/2001-2025/2021/aralik/3-turkiye-de-kulturel-mirasin-korunmasi-tarihsel-gelisim-ve-yerel-yonetimlerin-rolu.pdf), свободный (дата обращения: 20.11.2024).
8. Shaw W. M. K. Osmanlı Müzeciliği / W. M. K. Shaw. – İstanbul: İletişim Yayınları, 2020. – 335 p.
9. Çal H. Osmanlı Devleti’nde Âsâr-ı Atîka Nizamnâmeleri [Электронный ресурс] / H. Çal // Vakıflar Dergisi. – 1997. – №26. – S. 391-400. – URL: <https://s3.amazonaws.com/kaynakca/ff1518c1-4dd7-40df-b128-b353a5f14e0f/171685.pdf>, свободный. (дата обращения: 20.11.2024).
10. Önge M. Kültür mirasını tanımlamak için Türkiye’de kullanılan ilk özgün terim: Âsâr-ı Atîka [Электронный ресурс] / M. Önge // Avrasya Terim Dergisi. – 2018. – №6. – S. 8-14. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/482193>, свободный. (дата обращения: 20.11.2024).

References

1. Yeremeyev D. E. The history of Turkey in the Middle Ages and modern times / D. E. Yeremeyev; M. S. Meyer. – Moscow: Publishing House of Mos. University, 1992. – 319 p.
2. Cemaloglu N. Osmanlı Devleti’nde yapılan Tanzimat reformlarının eğitim sistemine etkileri, uygulamaları ve sonuçları (1839-1876) [Electronic resource] / N. Cemaloglu // Sosyal Bilimler Dergisi. – 2005. – No. 14. – S. 153-165. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/844598>, free. (date of access: 11/20/2024).
3. Kononenko E. I. Ottoman architectural historicism and the search for a national style / E. I. Kononenko // Bulletin of St. Petersburg State University, Ser. 15, Art History. 2016. No. 1. pp. 86-97.
4. Guryanova T. A. Reflection of nationalist ideologies in the artistic culture of Turkey in the late 19th — early 20th centuries / T. A. Guryanova // Science, education and culture, history and Archeology. - 2016. – pp. 5-8.
5. Karpat K. H. The transformation of the Ottoman State, 1789-1908 [Electronic resource] / K. H. Karpat // International Journal of Middle Eastern Studies. – 2009. – V. 3. – I.1. – P. 243-281. – URL: [https://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Karpat,%20Transformation%20of%20the%20Ott%20State,%201789-1908%20\(1972\).pdf](https://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Karpat,%20Transformation%20of%20the%20Ott%20State,%201789-1908%20(1972).pdf), free. (date of request: 11/20/2024).

6. Yuksel E. An Example of the Operation of Ottoman Museology: The Museum-i Hümayûn Lead Seal Catalogue [Electronic resource] / E. Yuksel // Gaziantep University Journal of social sciences. – 2021. – No. 20. – S. 212-238. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/792424>, free. (date of access: 11/20/2024).
7. Coskun B.; Kurt H. Preserving cultural heritage in Turkey: historical development and the role of local governments [Electronic resource] / B. Coskun; H. Kurt // Turk Idare Dergisi. – 2021. – No. 493. – S. 81-108. – URL: [http://www.tid.gov.tr/kurumlar/tid.gov.tr/tum-sayilar\(2\)/2001-2025/2021/aralik/3-turkiye'de-kulturel-miras-in-korunmasi-tarihsel-gelisim-ve-yerel-yonetimlerin-rolu.pdf](http://www.tid.gov.tr/kurumlar/tid.gov.tr/tum-sayilar(2)/2001-2025/2021/aralik/3-turkiye'de-kulturel-miras-in-korunmasi-tarihsel-gelisim-ve-yerel-yonetimlerin-rolu.pdf), free (accessed: 11/20/2024).
8. Shaw W. M. K. Osmanlı Müzeciliği / W. M. K. Shaw. – Istanbul: İletişim Yayınları, 2020. – 335 p.
9. Çal H. Antiquities Regulations in the Ottoman Empire [Electronic resource] / H. Çal // Vakıflar Dergisi. – 1997. – No.26. – S. 391-400. – URL: <https://s3.amazonaws.com/kaynakca/ff1518c1-4dd7-40df-b128-b353a5f14e0f/171685.pdf>, free. (accessed: 11/20/2024).
10. Onge M. The first original term used in Turkey to describe cultural heritage: Asar-ı Atika [Electronic resource] / M. Onge // Avrasya Terim Dergisi. – 2018. – No. 6. – S. 8-14. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/482193>, free (date of access: 11/20/2024).

Сведения об авторах

Ситдикова Амина Салаватовна

Свободный исследователь, магистрант
Стамбульский университет,
Фатих, площадь Беязит, 1/3
amina.sit0509@gmail.com

Хисматуллин Булат Ринатович,

К.и.н., доцент
Кафедра алтаистами, тюркских и центральноазиатских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, каб. 311
bulatbayer@mail.ru

Information about the authors

Sitdikova Amina Salavatovna

Freelance researcher, Master's student
Istanbul University,
Fatih, Beyazit square, 1/3
amina.sit0509@gmail.com

Khismatullin Bulat Rinatovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Department of Altaist, Turkic and Central Asian Studies at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, 1/55 Pushkin St., office 311
bulatbayer@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.02.2026

Принята к публикации: 25.02.2026

Information about the article

The article was submitted 15.01.2026

Approved after reviewing 15.02.2026

Accepted for publication 25.02.2026

The Soviet-Japanese Neutrality Pact and its Perception in Diplomatic Circles (1939–1941)

Советско-японский пакт о нейтралитете и его восприятие в дипломатических кругах (1939–1941)

УДК 94((47).084.8:(520).033.53/.54):341.241.4 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-159-177](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-159-177)

Дегтев Иван Андреевич

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия,*

*Автор, ответственный за переписку:
ivan.degtev@mail.ru*

<https://orcid.org/0000-0001-7091-9328>

Ivan A. Degtev

*Kazan Federal University,
Kazan, Russia,*

*Corresponding author:
ivan.degtev@mail.ru*

<https://orcid.org/0000-0001-7091-9328>

АННОТАЦИЯ. В статье, приуроченной к 85-летию советско-японского пакта о нейтралитете, автор обращается к истокам этого договора и анализирует реакцию дипломатических кругов как до, так и после его подписания. Основываясь на материалах российских архивов и документальных сборниках Государственного департамента США, автор исследует, как дипломаты, работавшие в СССР, США, Франции, Японии и Китае, и политики этих стран воспринимали советско-японский пакт. В первой части работы освещаются международные реакции на нормализацию отношений между СССР и Японией, а также на начавшиеся переговоры о пакте о нейтралитете. Во второй части анализируются точки зрения на причины заключения советско-японского договора

ABSTRACT. This article marks the 85th anniversary of signing of the Soviet–Japanese Neutrality Pact and examines the origins of the agreement as well as the reactions of diplomatic circles both before and after its conclusion. Based on materials from Russian archives and documentary collections of the United States Department of State, the author analyzes how diplomats serving in the USSR, the United States, France, Japan and China, as well as politicians in these countries, perceived the Soviet–Japanese Pact. The first part of the article focuses on international reactions to the rapprochement between the USSR and Japan and to the negotiations that preceded the conclusion of the Neutrality Pact. The second part examines differing interpretations of the motives behind the Soviet–Japanese treaty and the responses it

и отклики, которые он вызвал в разных странах. Автор приходит к выводу, что отношение к пакту было неоднозначным: одни считали его важным стратегическим шагом, в то время как другие осуждали и трактовали как начало нового этапа агрессии. Относительно СССР преобладало мнение, что Москва пошла на заключение соглашения с Токио, стремясь сохранить спокойствие на Дальнем Востоке, учитывая угрозу со стороны Германии. Участие Японии в договоре с Советским Союзом, в свою очередь, рассматривалось как способ продолжить экспансию в Юго-Восточной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СССР, Япония, Вторая мировая война, пакт о нейтралитете.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дегтев И.А. Советско-японский пакт о нейтралитете и его восприятие в дипломатических кругах (1939–1941). *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 159-177 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-159-177>

elicited abroad. Author concludes that attitudes toward the pact were ambivalent: while some observers regarded it as an important strategic step, others condemned it and interpreted it as the beginning of a new phase of aggression. With regard to the Soviet Union, the prevailing view was that Moscow agreed to the treaty in order to maintain stability in the Far East in light of the German threat. Japan's participation in the agreement was largely perceived as a means of facilitating further expansion in Southeast Asia.

KEYWORDS: the USSR, Japan, World War II, the Neutrality Pact.

FOR CITATION: Degtev I.A. The Soviet-Japanese Neutrality Pact and its Perception in Diplomatic Circles (1939–1941). *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 159-177 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-159-177>

В 2025 г., в год знаковых дат в истории российско-японских отношений, исполнилось 80 лет с момента, когда Советский Союз денонсировал пакт о нейтралитете с Японией. Вопрос о непродлении договора с японцами обсуждался на самом высоком уровне, и его окончательное решение стало результатом договоренности, достигнутой между лидерами стран антигитлеровской коалиции на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. В последний день

конференции И. В. Сталин, Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт, поставив подписи под секретным соглашением, договорились о том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников¹.

Денонсация пакта сразу же дала почву для спекуляций о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке. По сообщениям посла

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7а. П. 59. Д. 29. Л. 1.

в Токио Я. А. Малика, японская пресса отреагировала на произошедшее спокойно и даже с некоторым умиротворением². Хотя пропаганда пыталась успокоить население, утверждая, что пакт будет действовать еще год и что денонсация не изменит отношений между двумя странами, политические и военные круги Японии допускали возможность объявления войны Советским Союзом. Однако в министерстве иностранных дел, по сведениям Малика, считали иначе и полагали, что после окончания войны с Германией СССР хотя и усилит давление на Японию, повысит свои требования и, возможно, даже разорвет дипломатические отношения, но не объявит войну³.

Дискуссия и споры, которые развернулись вокруг пакта о нейтралитете и будущего советско-японских отношений на завершающем этапе Второй мировой войны, имели место и в самом начале, когда страны только обсуждали условия будущего договора. В связи с 85-летием подписания советско-японского пакта автор статьи обращается к истокам этого документа и рассматривает реакцию дипломатических кругов как до, так и после его заключения.

Восприятие советско-японских переговоров

После поражения Квантунской армии в боях на Халкин-Голе и заключения советско-германского пакта о ненападении японское руководство приняло окончательное решение о пересмотре взглядов на характер взаимоотношений с Советским Союзом.

Международные события вновь сделали актуальной некогда утратившую свою практическую значимость идею подписания пакта о ненападении с СССР. Информирова НКИД, поверенный в делах в Токио Н. И. Генералов писал, что некоторые японские политики рассматривали вариант заключения соглашения с Москвой и что восстановление отношений и сближение с Советским Союзом были, по их мнению, необходимы для противодействия Великобритании на Тихом океане [Документы 1992, 111]. По данным резидента советской разведки в Токио Рихарда Зорге, труднее всего протолкнуть эту точку зрения было в рядах Квантунской армии, руководство которой с нежеланием шло на такой шаг [Русский архив 2000, 160].

Хотя идея пакта с СССР активно обсуждалась как в японской прессе, так и политических и дипломатических кругах, на практике она не получила достаточной поддержки — ни со стороны японского правительства, ни со стороны армии и флота. Поскольку кабинет генерала Абэ Нобуюки исходил из принципов нормализации и снижения напряженности в отношениях с Москвой, отношение к пакту в это время было отрицательным или, в лучшем случае, пассивным [Тобэ 2015, 360, 376]. При этом ряд иностранных дипломатов в Японии испытывали тревогу по поводу возможного советско-японского сближения и договора. Послы Великобритании, Франции и Польши, — Роберт Крейги, Шарль Арсен-Анри, Тадеуш Ромер, —

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891. Л. 234.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891. Л. 241.

обеспокоенные ходом переговоров между Москвой и Токио, в ноябре 1939 г. сообщали своим правительствам, что если не будут приняты меры для улучшения отношений между Японией, с одной стороны, и США, Великобританией и Францией, с другой, то руководство Японии, особенно в случае прихода к власти «экстремистов», может добиться политического соглашения с Советским Союзом. Это угрожало британо-французским интересам на Дальнем Востоке и могло привести к захвату Японией колоний европейских держав, считали они [FRUS 1939 1955, 92]. В Вашингтоне, напротив, не испытывали опасений и пытались успокоить своих союзников. Там полагали, что даже если такой договор был бы достигнут и сопровождался соглашениями о рыболовстве, сахалинских концессиях, разграничении границ и торговле, то это не принесло бы двум странам существенных и долгосрочных материальных выгод, а имело бы лишь временный психологический эффект [Там же, 93].

Дискуссия и споры вокруг советско-японского пакта достигли своего пика в декабре 1939 г. Чтобы снизить градус напряженности и развеять многочисленные слухи, официальный представитель МИД Японии Сума Якитиро на пресс-конференции с иностранными журналистами заявил, что заключение пакта о ненападении не входило в планы по урегулированию японо-советских противоречий [Там же, 95]. Заявление Сума привлекло внимание прессы, включая спекулятивные статьи на эту тему, и для того чтобы убедиться в достоверности распространяемой информации, советник посольства США Юджин Думэн обратился за

разъяснением к внешнеполитическому ведомству. Воспользовавшись американским запросом, японский МИД публично подтвердил правдивость слов Сума и еще раз озвучил позицию страны относительно пакта с СССР [Там же, 98].

Ситуация вокруг соглашения и, как следствие, реакция на него со стороны различных кругов изменилась только в 1940 г., когда после отставки Абэ в январе новый кабинет министров возглавил адмирал Ёнай Мицумаса. Разделяя политический курс своего предшественника и избегая участия в глобальном противостоянии, Ёнай сосредоточился на укреплении отношений с Советским Союзом, и уже 2 июля посол в Москве Того Сигэнори предложил наркому иностранных дел В. М. Молотову начать переговоры о пакте о нейтралитете. Следует отметить, что немаловажным стимулом для этих переговоров стали действия Германии в Европе. В апреле — июне, не в силах противостоять Вермахту, одна за другой пали Дания, Норвегия, Нидерланды, Бельгия и Франция. Казалось, что и Великобритания, несмотря на продолжающееся сопротивление, потерпит поражение. Военные успехи немецкого руководства, испытывавшего временные трудности в отношениях с японцами, произвели на последних большое впечатление [Krebs 2006, 187]. «Германская военная машина и система, а также блестящие успехи ударили японцам в голову как крепкое вино» [Grew 1944, 282], — с иронией отмечал американский посол в Токио Джозеф Грю. «Последствия для Дальнего Востока калейдоскопических изменений, произошедших в Европе за последние два месяца, становятся все более очевидными, — сообщал

посол США в Чунцине Нельсон Джонсон в Госдепартамент в июле 1940 г. — С крахом французского сопротивления в Европе влияние Франции на Дальнем Востоке практически сошло на нет, и Индокитай теперь, по сути, является лишь пешкой в игре силовой политики» [FRUS 1940 1955, 406–407]. «Престиж Германии вновь возрос, и есть все основания полагать, что это явление оказывает влияние на политику Японии» [Там же], — заключал дипломат.

В советском полпредстве также отмечали влияние европейской войны на трансформацию внешней политики Японии. В обзоре для НКВД, подготовленном по материалам японской прессы за апрель — май 1940 г., советник Малик делал вывод, что в условиях, когда вопрос о Голландской Ост-Индии, ключевом направлении южной экспансии, становился все более актуальным, Япония была бы не прочь, хотя бы на некоторое время, обеспечить безопасность своих северных границ, т.е. границ с СССР. «В случае необходимости проведения “позитивных действий” на юге, — писал Малик в мае, — Япония будет рассматривать границы с СССР на севере в качестве своего тыла» [Обзор]. Из этого следовало вполне естественное стремление Японии иметь политическое соглашение с Советским Союзом.

Иными словами, поражение Франции и Нидерландов открывало перед Японией двери к их колониям, Французскому Индокитаю и Голландской Ост-Индии, богатым природными ресурсами и стратегическим сырьем, в которых остро нуждалась японская экономика. «В рамках нашего экономического “блока”, Японии, Маньчжоу-го и Китая (яп. нити ман си кэйдзай

бурокку), добыча таких важных ресурсов крайне мала. Южные моря (яп. нантё:) являются сокровищницей (яп. хо:ко), способной обеспечить поставки не только олова и каучука, которые даже Соединенные Штаты не могут производить в достаточном количестве, но и других важнейших ресурсов. Поэтому мы должны стремиться к вытеснению влияния Европы и Америки из юга и одновременно с этим укреплять с регионом экономические связи, прилагая усилия для политического освоения ресурсов и промышленной экспансии» [Нихонгайко: бунсё 2013, 36], — говорилось в документе, подготовленном 3-м отделом Департамента стран Европы и Азии МИД, который занимался вопросами Южной и Северной Америки и заморских территорий США. Таким образом, урегулирование отношений с СССР приобретало новое значение и становилось частью политики продвижения Японии в сторону Юго-Восточной Азии.

Однако начатые Того переговоры были прерваны т.н. «большим землетрясением», которое устроил министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ, затеяв масштабную кадровую чистку МИД как внутри страны, так и за ее пределами. 22 августа 1940 г., ровно через месяц после своего вступления в должность, Мацуока издал указ об отзыве и возвращении на родину 40 дипломатических работников: 5 послов, 19 посланников, 6 советников и 10 генеральных консулов [FRUS 1940 1959, 650]. Формальной причиной этого решения стала их западная ориентация и утрата связи с Токио [Там же, 644], однако реальной целью была перестройка системы, которая лучше бы отражала

международные реалии и соответствовала интересам Японии. В результате этих перестановок был отозван и Того, чья работа не устроила новое руководство МИД. Его место занял генерал-лейтенант Татэкава Ёсицугу, с которым Мацуока неоднократно пересекался в Китае, Маньчжоу-го и Швейцарии.

Содержание бесед между Молотовым, Того и Татэкава часто было известно иностранным дипломатам в Москве. Они узнавали об этом либо через официальные дипломатические каналы, либо непосредственно от самих японских послов. Особенно активным в этом плане был Татэкава, и на одной из встреч с американским послом Лоуренсом Штейнгардтом он не только пересказал разговор с Молотовым, что, вероятно, было санкционировано центром, но и открыто заявил, что японское правительство было заинтересовано в пакте с СССР и готово было пойти на значительные уступки в этом вопросе [Там же, 670]. Не в последнюю очередь к этому подталкивала ситуация в Китае и желание решить проблему политической и экономической поддержки Москвой режима Чан Кайши. По словам Татэкава, японские власти были крайне заинтересованы в том, чтобы Советский Союз публично объявил о прекращении своей помощи Китаю. Это должно было оказать политическое и психологическое давление на Чан Кайши и подтолкнуть его к заключению мира с Японией. В обмен на такое признание Токио не стал бы возражать против того, чтобы Москва продолжала поставлять оружие Чунцину, хотя и в меньших объемах, чем раньше, уверял Татэкава [Там же, 671]. «Из всего, что сказал посол, — суммировал Штейн-

гардт, — у меня сложилось впечатление, что Япония больше всего на свете желает — и за это она готова заплатить весьма высокую цену — некой публичной декларации или общего соглашения с Советским Союзом, которое, по мнению японского правительства, будет иметь мощный политический эффект во всем мире и ускорит заключение договора с Китаем» [Там же].

После того как советско-японские переговоры зашли в тупик из-за предъявляемых требований и нежелания сторон идти на уступки, многие политики и дипломаты вскоре также узнали об их неудачном исходе. «По-видимому, русские требуют от Японии так много и предлагают так мало, что маловероятно, что советско-японский пакт о ненападении будет заключен в ближайшем будущем, — писал госсекретарь США Корделл Халл, — если только русские неожиданно не снизят свои требования или развитие событий не заставит японцев решить, что они должны заключить пакт с Россией, чего бы это им ни стоило» [Там же, 678]. Хотя предоставленная Татэкава информация указывала на то, что заключение японо-советского пакта могло не состояться из-за отказа Токио принимать требования Москвы, Штейнгардт, тем не менее, был прав в своей оценке, что СССР по-прежнему стремился к соглашению с Японией, но только на своих условиях [Там же].

Реакция на «дипломатический блицкриг»

После небольшого перерыва с февраля 1941 г. советско-японские переговоры вновь стали набирать обороты. Потерявший терпение

Мацуока решил взять инициативу в свои руки и отправиться в Москву, а затем в Берлин и Рим, и на обратном пути на несколько дней задержаться в советской столице. О планах японского министра посетить СССР в Кремле узнали от полпреда К. А. Сметанина: «Мацуока сообщил, что в конце февраля намерен выехать через Москву в Берлин и Рим для встречи с Гитлером, Риббентропом, Муссолини и Чиано с тем, чтобы приветствовать их от имени японского правительства в связи с заключением Тройственного пакта и обменяться мнением по взаимно интересующим вопросам. Одновременно он сообщил, что предполагал бы встретиться в Москве с руководителями нашего правительства и нашими вождями»⁴.

Анализ дипломатических документов позволяет предположить, что главной целью европейской поездки Мацуока было подписание соглашения с СССР. С этой точки зрения, визит в Берлин и Рим рассматривался скорее как проявление доброй воли и попытка понять настроения в отношении японо-советского пакта. Британский посол в Москве Стаффорд Криппс, основываясь на сообщениях из Токио, указывал на неизбежность появления такого договора и 20 февраля 1941 г. оповестил Штейнгардта о предстоящем визите Мацуока в Москву. Однако американский посол не располагал достаточной информацией, чтобы оценить вероятность заключения японо-советского пакта и проверить достоверность заявлений Татэкава на эту тему [FRUS 1941 1956, 913]. Но уже 11 марта, за день до отъезда Мацуока, Татэкава в весьма откровенной беседе сообщил

ему, что поездка в Берлин была «прикрытием» (“camouflage”) и что на самом деле Мацуока хотел поговорить с Молотовым и убедить его подписать пакт [Там же, 915]. Схожее мнение высказывал посол Грю. Помимо общих консультаций и сбора фактов, визит японского министра в Берлин он связывал с конкретными целями и, прежде всего, урегулированием японо-советских отношений [Там же, 917]. Позднее его прогноз подтвердился в разговоре между сотрудником американского посольства и членом семьи Того, с которым Мацуока консультировался по поводу своей поездки в СССР [Там же, 962; Того 1996, 216].

Посетив Европу, Мацуока вернулся в Москву, чтобы продолжить начатые в марте переговоры со Сталиным и Молотовым. Проведя несколько встреч с Адольфом Гитлером и Иоахимом Риббентропом в Берлине, Мацуока убедился, что отношения между Германией и Советским Союзом ухудшились. Немцы не проявили ни интереса к пакту четырех держав, что, как показывают записи бесед, дипломат встретил без особого удивления, ни к посредничеству в японо-советских отношениях и даже, казалось, выступали против попыток Мацуока наладить сотрудничество с Москвой. Риббентроп, говоря об ухудшении германо-советских отношений, намекал на возможность войны с СССР. «Немецкие армии на востоке были готовы к наступлению в любой момент. — пояснял рейхсминистр. — Если Россия когда-нибудь займет позицию, которая может быть истолкована Германией как угроза, то фюрер ее сокрушит» [DGFP 1962, 379]. О том, что Германия

⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 24. П. 224. Д. 7. Л. 112.

держала на западной границе СССР 150 дивизий, а на случай конфликта с ним имела в распоряжении 160–180 дивизий, открыто заявлял и Гитлер [Там же, 388–389]. Военные маневры Германии преподносились как «оборона», и, хотя немецкое руководство допускало, что «Россия может пойти по ложному пути» [Там же, 405], оно, тем не менее, стремилось убедить Мацуока, что Сталин вряд ли решился бы на такой шаг. Все это было сделано для отвлечения внимания и в обстановке строгой секретности: японскому министру не стали сообщать о плане «Барбаросса», ограничившись лишь некоторыми намеками. То, что в задачи немцев не входило информирование японцев о предстоящем нападении Германии на СССР, подтверждается директивой начальника штаба Верховного командования вермахта Вильгельма Кейтеля от 5 марта 1941 г. «О плане “Барбаросса” японцы ничего не должны знать» [Директива], — говорилось в документе.

Не имея достоверных сведений, Мацуока мог оценить вероятность германо-советской войны лишь как 50 на 50. Более того, даже несмотря на сообщения и разведданные, поступавшие от посла в Берлине Осима Хироши и военного атташе Бандзай Итиро, Мацуока до последнего отказывался верить в возможность конфликта между Германией и СССР. О том, что многие в японском МИД, начиная с самого министра, приуменьшали возможность такой войны, отмечал в своих мемуарах и Того [Того 1996, 217]. Например, 6 июня 1941 г. на аудиенции у императора Мацуока высказал предполо-

жение, что вероятность соглашения между двумя странами была выше, чем вероятность войны. Он оценивал эти шансы как 60 на 40 [Hosoya 1980, 91, 316].

На встрече с Молотовым Мацуока призвал посмотреть на улучшение отношений между СССР и Японией «под углом зрения больших проблем»⁵ и выступил за заключение пакта. «Если сравнивать нынешнее время с тем периодом, когда впервые со стороны СССР было сделано предложение о заключении пакта о ненападении, — говорил министр, — то можно сказать об этом так: сейчас заключение пакта явилось бы хорошим, мастерским ударом, — то, что в игре в бейсбол называется “master-hit”, когда мяч получает удар как следует и направляется ударом, куда следует»⁶. Мацуока готов был подписать пакт, но уже без предварительного решения торговых, экономических и других проблем, на чем ранее настаивала японская сторона. Кроме того, он также рассматривал возможность денонсации Портсмутского и Пекинского договоров в пользу нового соглашения. На этом Мацуока исчерпал свои уступки и вновь озвучил то, о чем Татэкава неоднократно сообщал Молотову: о невозможности ликвидации концессий на Северном Сахалине и о продаже этой части острова Японии.

У советского наркома нашлось что возразить японскому гостю, но, чтобы не усложнять и без того непростые переговоры, в которых был заинтересован СССР, Молотов призвал изменить форму договора и подписать пакт о нейтралитете: без всяких условий, в порядке

⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 383. Л. 7.

⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 383. Л. 9.

дипломатического блицкрига. «Ставить сейчас вопрос о покупке [у Японии] группы северных Курильских островов или о покупке Южного Сахалина или другие аналогичные вопросы — вряд ли будет целесообразным, т.к. для этого еще многое не подготовлено»⁷, — заявлял Молотов. Единственное, о чем, по его мнению, пришлось бы договориться, — это ликвидация нефтяных и угольных концессий на Дальнем Востоке. Молотов считал необходимым и целесообразным принять это условие, учитывая, что «все остальные предложения советское правительство сняло, чтобы облегчить соглашение»⁸. В качестве компенсации Советский Союз обязался возместить денежные вложения и поставлять определенное количество нефти в Японию на протяжении нескольких лет. Мацуока принял предложение Молотова, но не согласился с выдвинутыми условиями. В то время как нарком настаивал на одновременном подписании протокола о ликвидации концессий, японский министр предлагал сначала заключить пакт и только потом переходить к обсуждению данного вопроса.

Несовпадение позиций и невозможность договориться по проблеме усложняли переговоры. Обсуждение условий пакта протекало сложно и противоречиво. Молотов оставался при своем мнении и призывал собеседника выполнить «одно минимальное условие»⁹, Мацуока, в свою очередь, напоминал об отсутствии

полномочий подписывать протокол о ликвидации концессий. В качестве компромисса японский гость предложил Молотову передать специальное письмо, в котором говорилось бы о скором заключении торгового и рыболовного соглашений и о готовности сторон решить проблему концессий «в духе примирения и взаимных уступок»¹⁰. «Если советское правительство не может согласиться на подписание только пакта о нейтралитете, то, к его [Мацуока] сожалению, не получится того “master-stroke” (“удачного удара”), который он искренне желал бы сделать, и поэтому придется разрешение вопроса о политическом соглашении оставить в руках Татэкава»¹¹. Мацуока всерьез обдумывал возможность покинуть Москву, не подписав столь важный для его страны и личного престижа документ. Он телеграфировал в Токио, что Молотов не проявлял к нему симпатий и что шансы на заключение пакта почти равны нулю [Bergamini 1972, 786–787]. В конце концов было найдено решение, которое удовлетворило обе стороны.

12 апреля, накануне отъезда, после завершения насыщенной культурной программы в Москве, включавшей посещение двух институтов Академии наук, Трехгорной мануфактуры и спектакля «Три сестры» А. П. Чехова во МХАТ, Мацуока был неожиданно приглашен на прием к Сталину. В течение следующих двух часов, которые он провел на переговорах

⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 383. Л. 17.

⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 383. Л. 22.

⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 383. Л. 38.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 383. Л. 47.

¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 383. Л. 44.

в Кремле, были приняты важнейшие политические решения. Стороны смогли устранить препятствия и прийти к заключению пакта о нейтралитете, чего не удавалось добиться до этого. Как и на встречах с Молотовым, в беседе со Сталиным Мацуока призвал смотреть на улучшение японо-советских отношений с точки зрения глобальных проблем, «имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами» [1941 год 1998, 70]. Разрешать «мелкие вопросы», как называл их Мацуока, конечно, было также нужно, но «не сейчас, а впоследствии» [Там же]. Сталин согласился с его высказыванием и добавил, что, поскольку вопрос о пакте четырех держав был снят с повестки дня и в нем пока не нуждалась Германия, он решил заключить соглашение с Японией. «Этот вопрос, безусловно, назрел. Это будет первый шаг, и серьезный шаг к будущему сотрудничеству по большим вопросам. <...> 30 лет Россия и Япония смотрят друг на друга как враги. Между Россией и Японией была война. Был заключен мир, но мир не принес дружбы. Поэтому он присоединяется к мнению Мацуока о том, что если пакт о нейтралитете будет заключен, то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе» [Там же, 71–72].

Вместо протокола о ликвидации концессий Мацуока предложил Сталину ограничиться передачей Молотову конфиденциального письма, на которое нарком должен был ответить своим письмом. Вождь выразил готовность принять это условие и определил срок, в течение которого должны были быть ликвидированы концессии, — два-три месяца. Однако после возражений Мацуока о невозможности устрани-

нить проблему за такое короткое время и совместного обсуждения было принято решение изменить формулировку в тексте письма с «*в течение двух-трех месяцев*» на «*в течение нескольких месяцев*» [Там же, 74].

Согласовав последние редакционные правки, Мацуока попросил обеспечить ему телеграфную связь с Токио, чтобы получить санкцию императора на подписание пакта. Вслед за этим каждая сторона назначила специалистов для подготовки документов. От СССР в работе участвовали заместители Молотова А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский, заведующие 2-м Дальневосточным и Правовым отделами НКВД С. К. Царапкин и А. П. Павлов, а также сотрудник центрального аппарата наркомата Е.Г. Забродин. Японию представляли советники, 1-й и 3-й секретари посольства в Москве Ниси Харукико и Миякава Фунао, Сайто Киурё и Хироока Тамоцу, а также директор Департамента Европы и Азии МИД Сакамото Тамао. Работа продолжалась весь вечер 12 апреля и первую половину следующего дня. Наконец, 13 апреля, в воскресенье, в 14:45 часов Молотов, Мацуока и Татэкава поставили подписи под пактом о нейтралитете. Подписание закончилось в 15:00, после чего состоялся торжественный завтрак.

Новость о том, что СССР и Япония подписали договор о нейтралитете, советские граждане и иностранные дипломаты узнали еще днем 13 апреля по «Московскому радио» [FRUS 1941 1956, 942]. Однако первой в печати об этом сообщила главная газета страны и официальный рупор партии большевиков «Правда». На первой странице 103 номера от 14 апреля были размещены текст договора и декларации

о взаимном признании и уважении территориальной целостности и неприкосновенности МНР и Маньчжоу-го, фотография, запечатлевшая Молотова во время церемонии подписания, и вступительная статья, в которой кратко анализировались отношения с Японией за последние 30 с лишним лет и оценивалось значение пакта [Правда 1941, 1]. На следующий день эту же новость опубликовали «Известия». В газете содержалась та же информация, что и в «Правде», но с некоторыми дополнениями: к основному тексту было включено заявление премьер-министра Коноэ Фумимаро, а также отклики из зарубежных СМИ — из Японии, США, Великобритании, Германии, Китая, Франции и Швеции [Известия 1941, 1–2].

Согласно донесениям сотрудников ТАСС в Токио, японская пресса уделяла пакту о нейтралитете большое внимание и писала о том, что за политическим соглашением последует подписание торгового договора¹². В то же время, как отмечал в своем дневнике посол Грю, журналисты были склоны рассматривать пакт скорее со сдержанным одобрением, чем с энтузиазмом [Grew 1944, 329]. В связи с этим, чтобы обеспечить должное освещение, правительство Японии, по сведениям Грю, направило ведущим изданиям секретные инструкции, как должны были выглядеть статьи на данную тему. В частности, не следовало создавать впечатление, что Япония не была в восторге от заключения пакта; не нужно было упоминать об оппозиции ему со стороны антисоветских кругов;

не разрешалось говорить о слабости СССР, приведшей к подписанию пакта, и не следовало касаться договоренностей, которыми обменялись стороны [Там же, 329].

По мнению Associated Press, советско-японский договор не влиял на текущую ситуацию в международных отношениях, однако в будущем, при определенных обстоятельствах, мог стать причиной серьезных изменений¹³. Газета Washington Post связывала пакт с расширением японской агрессии в Юго-Восточной Азии и одновременно с этим выражала недовольство участием и ролью в нем СССР. «Таким образом, — писала она, — Россия становится соучастником будущих японских агрессий точно также, как в августе 1939 г. ее договор с Германией способствовал германской агрессии. Советский Союз разжег большой пожар и в настоящее время, по-видимому, решил его не ослаблять»¹⁴.

В свете различных интерпретаций редакторы пяти калифорнийских газет — Marysville Appeal-Democrat, Long Beach Press Telegram, Madera Tribune, Oroville Mercury Register, Santa Barbara News Press — предприняли попытку понять, какая из подписавших сторон получала наибольшую выгоду. Все издания сходились во мнении, что пакт способствовал укреплению позиций Японии в Тихом океане, что, в свою очередь, ухудшало положение США и Великобритании в регионе. Подчеркивалось, что Япония не должна была проявлять излишнюю агрессивность в отношении Соединенных

¹² ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 1

¹³ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 6.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 6.

Штатов, что могло бы быть опасным для «восточного раздражителя» (“Oriental aggravator”) [Lindsay Gazette 1941, 16]. Как писала Madera Tribune, «бросать вызов реальной державе — это совсем не то же самое, что наступать на пятки не имеющему флота, плохо вооруженному и неподготовленному государству, как Китай» [Там же]. Для Советского Союза газеты видели преимущество пакта в том, что если страна окажется втянутой в войну на западе, Япония не нападет на нее на востоке. При этом Oroville Mercury Register с тревогой отмечала, что любой шаг, который укреплял Японию и позволял ей отвести войска от границы с СССР — а пакт о нейтралитете, согласно изданию, именно это и делал, — наносил сокрушительный удар по Китаю [Там же]. В этом смысле пакт подталкивал Японию к захвату новых территорий на юге и нанесению удара по США. Опасность заключалась в том, что, связав военно-морские силы Соединенных Штатов в Тихом океане, Япония повышала вероятность победы Германии в войне в Европе.

Интересную точку зрения высказывала турецкая газета Tasvir-i Efkar. Сравнивая Японию с Германией, редакция сомневалась в выгоде, которую японцы планировали извлечь от соглашения с СССР. «Все затруднения и бедствия, с которыми сталкивается Германия, возникли в результате пакта 1939 г. Самая большая ошибка Германии состояла в том, что она надеялась на то, что война закончится уничтожением Польши. <...> Со дня объявления войны Германия находится в тупике. Уничтожение

Франции ничего не дало ей. Вслед за этим ей надо было бы броситься на Британские острова. Однако германские войска не смогли перейти Ла-Манш, и Германия начала ряд новых войн, не связанных с уничтожением Британской империи»¹⁵. Похожий сценарий прогнозировали и для Японии. Авторы статьи предполагали, что если она последует примеру своей союзницы и нападет на США и Великобританию, то окажется в точно таком же положении. «В связи с этим еще неизвестно, получила ли Япония выгоду или убыток [от пакта с СССР]»¹⁶, — подчеркивалось в материале.

В дипломатических кругах подписание советско-японского пакта вызвало неоднозначную, а местами и негативную реакцию. Для французского МИД пакт стал полной неожиданностью и, по мнению главы отдела Дальнего Востока Жана Шовеля, означал немедленное нападение Японии на Сингапур или, по крайней мере, на Голландскую Ост-Индию [FRUS 1941 1956, 941]. В целом в дипломатическом корпусе вишистской Франции пакт оценивали по-разному. Как сообщал полпред А. Е. Богомолов, прогермански настроенные дипломаты преувеличивали его значение в пользу Германии и Японии, считая пакт дипломатической победой последней. Представители пробританской позиции сначала объясняли соглашение как попытку «натравить» Японию на США и Южный Китай, но спустя некоторое время уже видели в нем средство самозащиты СССР на случай войны с Германией. «В конечном счете, — заключал Богомолов в телеграмме замнаркому

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 179.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 590. Л. 179.

Лозовскому, — возникла очень выгодная для нас ситуация. Ни прогерманцы, ни проангличане не могут сказать, что этот пакт только за них или только против них. Всем осталось только признать, что это — очень выгодный пакт для СССР и что значение этого пакта тем больше, чем меньше ясности в международной ситуации, т.к. пакт, действительно, богат всякими возможностями и очень мало связывает Советский Союз»¹⁷.

В отличие от французского МИД в Госдепартаменте США не спешили с выводами о продвижении Японии в сторону европейских колоний. В официальном пресс-релизе от 14 апреля было сказано, что японо-советский пакт не стал неожиданностью, хотя и оставались сомнения относительно того, согласятся ли лидеры двух стран оформить его в письменном виде [FRUS 1931–1941 1943, 186]. Данная умеренная риторика и попытки с помощью нее успокоить американскую общественность стали результатами утренней встречи между госсекретарем Халлом и послом Номура Китисабуро в тот же день. На ней японский дипломат стремился заверить, что японо-советский пакт не был направлен против США. В условиях напряженных отношений и текущих переговоров между странами Номура просил Токио следить за освещением договора в прессе и избегать преувеличений, которые могли бы представить его как угрозу для американцев. «Я считаю, что было бы разумно не будоражить американское общественное мнение» [The “MAGIC” 1977, A-34], — писал он.

Несмотря на сдержанные заявления официальных лиц США, заключение пакта вызвало

определенное недовольство Белого дома. «Нет необходимости распространяться о причинах этого недовольства, — спустя год отмечал советник посольства СССР в Вашингтоне А. А. Громыко в своем отчете для НКВД. — Причины эти те же, что вызывали недовольство правительства Соединенных Штатов Америки советско-германскими отношениями» [Документы 2010, 186].

В Китае, после того как стало известно о подписании пакта, первоначальная реакция правительства, по словам военного атташе В. И. Чуйкова, была «чрезвычайно нервной» [Чуйков 1983, 140]. В стране царили растерянность и даже паника, однако со временем эти чувства стали угасать, и во многом благодаря встречам Молотова с китайским послом Шао Лицзы и беседам Чан Кайши с послом А. С. Панюшкиным. Учитывая важность советской поддержки в войне против Японии, большая часть лидеров Гоминьдана пришла к выводу, что реакция на пакт должна быть максимально спокойной и сдержанной. В связи с этим 15 апреля Ван Шицзэ, министр пропаганды гоминьдановского правительства, лично встретился с лицами, ответственными за пропаганду, общественную работу и работу с молодежью в партии и стране. В ходе этих бесед он настоятельно рекомендовал избегать любых «экстремистских антисоветских высказываний», подчеркивая, что нигде и ни у кого не должно быть таких настроений [Ян 2021, 71]. «Всем газетам и журналам было дано указание не выступать с нападками на Советский Союз и не касаться моментов, побудивших нас заключить договор с Японией» [Чуйков 1983, 141], — вспоминал Чуйков.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 25. П. 180. Д. 984. Л. 93.

Рассматривая реакцию иностранных дипломатов в Москве, можно сказать, что советско-японский пакт не стал для них большой неожиданностью. Так или иначе, послы знали о переговорах, которые велись между Молотовым и Татэкава, и полагали, что пакт о ненападении или нейтралитете, — это лишь вопрос времени. Штейнгардт был убежден, что основными причинами подписания пакта стали страх Японии оказаться втянутой в конфликт с США против своей воли и стремление СССР подготовиться к возможной войне с Германией [FRUS 1941 1956, 942]. По поводу последнего в беседе с Лозовским дипломат отмечал, что на месте советского правительства он поступил бы точно так же, учитывая наличие опасного соседа на западе и стремление обеспечить мир на востоке [Документы 1998, 727]. Например, контр-адмирал Кларк Вудвард, ветеран военно-морского флота США, участник Испано-американской и Первой мировой войн, как и Штейнгардт, считал, что советско-японский пакт не представлял угрозы для Соединенных Штатов. Самый главный вывод, который можно было сделать из этого пакта, по его мнению, состоял в том, что СССР готовился к войне с Германией и пытался обезопасить свои дальневосточные границы с помощью соглашения с Японией [Detroit Evening Times 1941, 10]. Аналогичную точку зрения высказывал Криппс. Он писал, что основным преимуществом СССР был его восточный тыл, который обеспечивал защиту на случай обострения ситуации в Европе [FRUS 1941 1956, 951].

Однако большее впечатление на дипломатов произвело другое событие: неожиданное

появление Сталина и Молотова на Ярославском вокзале перед отбытием японской делегации в Токио. В своих донесениях в МИД французский посол Эрик Лабонн и тот же Криппс единодушно связывали беспрецедентное публичное поведение Сталина с готовностью СССР принять меры для защиты своей восточной границы в условиях угрозы со стороны запада [Там же, 953]. Сотрудники германского посольства в Москве также оценили символический жест советского вождя, который был адресован не только японцам, но и присутствовавшим на перроне немцам. Этот жест был особенного важен, если учесть постоянные слухи о неизбежной войне между Германией и Советским Союзом. Зная, что среди провожавших Мацуока был Вернер Шуленбург, Сталин демонстративно обнимал и прощался с японским министром, а также выказывал знаки внимания немецкому послу. «Сталин громко спросил обо мне, — общал Шуленбург в письме Риббентропу, — а когда нашел, подошел, обнял за плечи и сказал: “Мы должны оставаться друзьями, и Вы должны все для этого сделать!” Затем Сталин обратился к исполняющему обязанности военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал: “Мы останемся с Вами друзьями в любом случае”. Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым привлек всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей при этом» [DGFP 1962, 537].

Интересные подробности проводов японской делегации содержатся в донесении военного атташе германского посольства в Москве

Ганса Кребса. Документ, найденный в Архиве Вооруженных сил Германии во Фрайбурге, переведенный на русский язык и опубликованный петербургскими историками, детально описывает обстановку, которая царила во время прощания с главой японской дипломатии. Характеристика Сталина, его радушие и гостеприимство к немецким дипломатам, «сердечное приветствие» в адрес японских солдат, соответствующее веселому настроению прощального завтрака, и объятия с германским послом — краткое изложение того, о чем дипломат телеграфировал руководству в Берлин. Он, как и другие наблюдатели, видел в странном поведении Сталина не просто «одностороннее объяснение в любви» японцам и, особенно, немцам. «Исходя из понимания русской психологии, — писал Кребс, — я могу предположить следующее: Россия, а значит, Сталин, вероятно, подозревает, что Германия недовольна пактом с Югославией, более чем недружественным коммюнике по Венгрии и, возможно, также заключением пакта с Японией. Возможно, в связи с нашими стремительными и решающими военными успехами на Балканах, Сталин опасается, что Россия зашла слишком далеко. Короче говоря, он счел целесообразным именно в этот момент наглядно продемонстрировать добрую волю в отношении Германии» [Полторак, Зотова 2025, 177]. Кребс полагал, что «русская любезность» Сталина была продиктована обеспокоенностью в связи с действиями Германии вблизи границ СССР, что совпадало с мнением многих других дипломатов.

Заключение

В дипломатических кругах советско-японский пакт вызвал смешанные чувства. Многие зарубежные наблюдатели, несомненно, восприняли его как важный стратегический шаг, предпринятый СССР и Японией. В отношении Советского Союза преобладала точка зрения, что Москва пошла на заключение соглашения с Токио, чтобы сохранить относительный мир на Дальнем Востоке, учитывая угрозу со стороны Германии. Участие Японии в договоре с СССР рассматривалось преимущественно как способ продолжить свою экспансию на юг, хотя к тому времени японское руководство еще не сделало окончательного выбора между северным и южным направлением удара. В странах Западной Европы пакт вызвал серьезные опасения и еще большую тревогу за будущее своих колоний, которые и так находились под угрозой японского нападения. В США новость о заключении советско-японского пакта встретили с некоторым недовольством, но при этом не выразили разочарования по этому поводу. Начавшиеся переговоры с японцами давали пусть и небольшой, но все же шанс на урегулирование отношений, смягчение позиций или хотя бы отсрочку военного конфликта между двумя державами.

Список источников и литературы

1. *Документы внешней политики. Т. XXII. 1939: в 2 кн. Кн. 2: 1 сентябрь – 31 декабря.* Москва: Международные отношения, 1992.

2. *Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7–2). Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-е – 40-е годы. Документы и материалы.* Москва: ТЕРРА, 2000.
3. Тобэ Р. Политика Японии в отношении Советского Союза в 1931–1941 гг.: проблема японо-советского пакта о ненападении. *Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография.* Москва: МГИМО–Университет, 2015. С. 359–389.
4. *FRUS: Diplomatic Papers, 1939. Vol. III. The Far East.* Washington: United Press Government Printing Office, 1955.
5. Krebs G. The German Nazi Party a Model for Japan's 'New Order' 1940–1? *Japanese–German Relations, 1895–1945. War, Diplomacy and Public Opinion.* London, 2006, pp. 180–200.
6. Grew J. *Ten Years in Japan.* New York: Simon and Schuster, 1944.
7. *FRUS: Diplomatic Papers, 1940. Vol. IV. The Far East.* Washington: United Press Government Printing Office, 1955.
8. Обзор «Европейская война и Япония», подготовленный по материалам японской прессы за апрель – май 1940 г. советником полпредства СССР в Японии Я. А. Маликом. *Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина.* URL: <https://www.prilib.ru/item/1316747> (дата обращения: 09.02.2025).
9. Нихон гайко: бунсё. Дайнидзи о:сю: тайсэн то нихон: дайнисацу дзё:. Тайсэн но сёсо: то тай нампо: сисаку [*Японские дипломатические документы: Вторая мировая война в Европе и Япония. Т. 2. Кн. 1. Различные аспекты Великой войны и политика в отношении юга*]. – Токио: Рокуити сёбо:, 2013. – С. 1–674. (на яп. яз.)
10. *FRUS: Diplomatic Papers, 1940. Vol. I. General.* Washington: United Press Government Printing Office, 1959.
11. *FRUS: Diplomatic Papers, 1941. Vol. IV. The Far East.* Washington: United Press Government Printing Office, 1956.
12. Того С. *Воспоминания японского дипломата.* Москва: Новина, 1996.
13. *DGFP, 1918–1945. Series D (1937–1945). Vol. XII: the War Years, February 1 – June 22, 1941.* Washington: United States Government Printing Office, 1962.
14. Директива начальника штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля № 24 о сотрудничестве Германии с Японией. *Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина.* URL: <https://www.prilib.ru/item/1321720> (дата обращения: 06.03.2025).
15. Hosoya C. The Japanese–Soviet Neutrality Pact. *The Fateful Choice: Japan's Advance into Southeast Asia, 1939–1941.* New York: Columbia University Press, 1980, pp. 13–114.
16. Bergamini D. *Japan's Imperial Conspiracy.* New York: Pocket Books, 1972.

17. 1941 год: в 2 кн. Кн. 2. Москва: Международный фонд «Демократия», 1998.
18. Правда. 1941. 14 апреля.
19. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1941. 15 апреля.
20. Lindsay Gazette. 1941. May 9.
21. FRUS: Diplomatic Papers, 1931–1941. Vol. II. Japan. Washington: United Press Government Printing Office, 1943.
22. The “MAGIC” Background of Pearl Harbor. Vol. I: Appendix (February 14, 1941 – May 12, 1941). Washington: Department of Defense, 1977.
23. Документы внешней политики СССР. Т. XXV. 1942: в 2 кн. Кн. 1: 2 января – 30 июня. Тула: ЗАО «Гриф и К», 2010.
24. Чуйков В. И. Миссия в Китае. Москва: Воениздат, 1983.
25. Ян И. Советско-японский договор 13 апреля 1941 г.: реакция Китая. Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 2. С. 67–76.
26. Документы внешней политики. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941: в 2-х кн. (3-х ч.). Кн. 2 (2): 2 марта 1941 – 22 июня 1941. Москва: Международные отношения, 1998.
27. Detroit Evening Times. 1941. April 20.
28. Полторак С. Н., Зотова А. В. «Россия хочет чего угодно, только не войны...». О проходах 13 апреля 1941 г. И. В. Сталиным министра иностранных дел Японии Ё. Ма-

цуки накануне Великой Отечественной войны. Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 171–185

References

1. Documents of Foreign Policy. Vol. XXII. 1939: in Two Books. Book Two: September 1 – December 31. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1992. (In Russ.)
2. Russian Archive: Great Patriotic War. Vol. 18 (7-2). Soviet-Japanese War of 1945: History of a Military-Political Confrontation of Two Powers in the 30s – 40s. Documents and materials. Moscow: Terra Publ., 2000. (In Russ.)
3. Tobe R. Japan's Policy toward the Soviet Union, 1931–1941: the Japanese-Soviet Nonaggression Pact. Russian-Japanese Relations in a Parallel History Format. Moscow: MGIMO–University, 2015, pp. 359–389. (In Russ.)
4. FRUS: Diplomatic Papers, 1939. Vol. III. The Far East. Washington: United Press Government Printing Office, 1955.
5. Krebs G. The German Nazi Party a Model for Japan's 'New Order' 1940–1? Japanese–German Relations, 1895–1945. War, Diplomacy and Public Opinion. London, 2006, pp. 180–200.
6. Grew J. Ten Years in Japan. New York: Simon and Schuster, 1944.
7. FRUS: Diplomatic Papers, 1940. Vol. IV. The Far East. Washington: United Press Government Printing Office, 1955.

8. Review "The European War and Japan", prepared on the basis of the materials of the Japanese press for April – May 1940 by the adviser to the USSR plenipotentiary mission in Japan Ya. A. Malik. *Presidential Library*. URL: <https://www.prilib.ru/en/node/1316747> (accessed: 09.02.2025). (In Russ.)
9. Nihon gaiko: bunsho. Dainiji o:shu: taizen to nihon: dainisatsu jo:. Taisen no shoso: to tai nampo: shisaku [*Documents on Japanese Foreign Policy. The Second World War in Europe, 1939–1941. Vol. 2. Part 1. Japan's policy towards the European War and the advance into Southeast Asia*]. Tokyo: Rokuichi Shobo, 2013, pp. 1–674. (In Japanese)
10. *FRUS: Diplomatic Papers, 1940. Vol. I. General*. Washington: United Press Government Printing Office, 1959.
11. *FRUS: Diplomatic Papers, 1941. Vol. IV. The Far East*. Washington: United Press Government Printing Office, 1956.
12. Togo S. *The Memoirs of a Japanese Diplomat*. Moscow: Novina, 1996. (In Russ.)
13. *DGFP, 1918–1945. Series D (1937–1945). Vol. XII: the War Years, February 1 – June 22, 1941*. Washington: United States Government Printing Office, 1962.
14. Directive of the Chief of Staff of the Supreme High Command of the Wehrmacht V. Keitel No. 24 on Cooperation between Germany and Japan. *Presidential Library*. URL: <https://www.prilib.ru/item/1321720> (accessed: 06.03.2025). (In Russ.)
15. Hosoya C. The Japanese–Soviet Neutrality Pact. *The Fateful Choice: Japan's Advance into Southeast Asia, 1939–1941*. New York: Columbia University Press, 1980, pp. 13–114.
16. Bergamini D. *Japan's Imperial Conspiracy*. New York: Pocket Books, 1972.
17. *1941: in Two Parts. Part Two*. Moscow: Mezhdunarodnyj Fond "Demokratiya", 1998. (In Russ.)
18. *Pravda*. 1941. April 14. (In Russ.)
19. *Izvestiya Sovetov Deputatov Trudyashchikhsya SSSR*. 1941. April 15. (In Russ.)
20. *Lindsay Gazette*. 1941. May 9.
21. *FRUS: Diplomatic Papers, 1931–1941. Vol. II. Japan*. Washington: United Press Government Printing Office, 1943.
22. *The "MAGIC" Background of Pearl Harbor. Vol. I: Appendix (February 14, 1941 – May 12, 1941)*. Washington: Department of Defense, 1977.
23. *Documents of Foreign Policy of the USSR. Vol. XXV. 1942: in Two Books. Book One: January 2 – June 30*. Tula: ZAO "Grif i K", 2010. (In Russ.)
24. Chuikov V. I. *Mission to China*. Moscow: Voenizdat, 1983. (In Russ.)
25. Yang I. Soviet-Japanese Treaty of April 13, 1941: the Reaction of China. *Historical Journal: Scientific Research*, 2021, № 2, pp. 67–76. (In Russ.)
26. *Documents of Foreign Policy. Vol. XXIII. 1940 – June 22, 1941: in Two Books. Book Two: March*

2 – June 22, 1941. Moscow: Mezhdunarodnye
otnosheniya, 1998. (In Russ.).

27. *Detroit Evening Times*. 1941. April 20.

28. Poltorak S. N., Zotova A. V. "Russia Wants Anything but War...". On April 13, 1941, Stalin's April 13, 1941 Farewell to the Japanese Foreign Minister Yo. Matsuoka on the Eve of the Great Patriotic War. *Herald of an Archivist*, 2025, № 1, pp. 171–185. (In Russ.)

Information about the article

The article was submitted 15.01.2026

Approved after reviewing 15.02.2026

Accepted for publication 25.02.2026

Сведения об авторе

Дегтев Иван Андреевич

Соискатель, кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет
ivan.degtev@mail.ru

Information about the author

Ivan A. Degtev

Applicant,
Department of Sinology and Asia-Pacific Studies,
Institute of International Relations, History and Oriental Studies,
Kazan Federal University
ivan.degtev@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.02.2026

Принята к публикации: 25.02.2026

Official Visits and Summit Meetings between the Leaders of Japan and the People's Republic of China as an Indicator of the Normalization of Bilateral Relations (2014–2019)

Официальные визиты и саммиты лидеров Японии и КНР как индикатор нормализации двусторонних отношений (2014-2019)

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-178-193](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-178-193)

Храмова Юлия Вадимовна¹

¹ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний
Новгород, Россия

Автор, ответственный за переписку:
khramova.yul@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-7897-3244>

Yulia V. Khramova¹

¹ Lobachevsky University,
N. Novgorod, Russia

Corresponding author:
khramova.yul@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-7897-3244>

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу официальных визитов и саммитов между руководством Японии и Китайской Народной Республики в период с 2012 по 2019 гг. как индикатора процесса нормализации двусторонних отношений после резкого ухудшения в начале 2010-х гг. Проблема исследования заключается в отсутствии системного анализа контактов на высшем уровне как самостоятельного показателя стабилизационных усилий сторон, несмотря на их широкое упоминание в политических и аналитических работах. Цель статьи состоит в выявлении динамики форматов и тематического наполнения встреч между премьер-министром Японии Синдзо Абэ и высшими ру-

ABSTRACT. This article examines official visits and summit meetings between the leaders of Japan and the People's Republic of China from 2014 to 2019 as an indicator of the normalization process following the sharp deterioration of bilateral relations in the early 2010s. The research problem lies in the lack of systematic analysis of high-level contacts as an independent measure of stabilization, despite their frequent mention in studies on East Asian diplomacy. The aim of the article is to assess the dynamics of the formats and thematic content of meetings between Japanese Prime Minister Shinzo Abe and the Chinese leadership, represented by President Xi Jinping and Premier Li Keqiang. The study focuses on official

ководителями Китая председателем Си Цзиньпином и премьером Государственного совета Ли Кэцяном. В работе анализируются официальные визиты и встречи на полях международных форумов, а также то, каким образом в ходе саммитов затрагивались вопросы истории, безопасности и экономики. В результате показано, что встречи в рассматриваемый период носили асимметричный и ограниченный характер и отражали не полноценную нормализацию, а попытки минимальной стабилизации отношений. Научная новизна статьи заключается в трактовке визитов и саммитов как индикатора нормализации, а не как вторичного элемента дипломатического взаимодействия.

Ключевые слова. Япония, КНР, Сенкаку, Дяоюйдао, исторический вопрос, экономическое сотрудничество

Для цитирования: Храмова Ю.В., Официальные визиты и саммиты лидеров Японии и КНР как индикатор нормализации двусторонних отношений (2014-2019). *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 178-193 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-178-193>

visits and summit meetings held on the margins of international forums, with particular attention to references to historical issues, security concerns, and economic cooperation. The findings demonstrate that summit diplomacy during this period reflected a limited and asymmetrical form of stabilization rather than full normalization. The novelty of the article lies in treating leader-level visits and summits as an indicator of normalization efforts, rather than as a secondary or purely symbolic element of diplomatic interaction.

Keywords. Japan, People's Republic of China, Senkaku Islands, Diaoyu Islands, historical issues, economic cooperation

For citation: Khramova Y.V., Official Visits and Summit Meetings between the Leaders of Japan and the People's Republic of China as an Indicator of the Normalization of Bilateral Relations (2014–2019). *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 178-193 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-178-193>

Введение

Си Цзиньпин был избран генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Китая 15 ноября 2012 г. Примерно в то же время, 26 декабря 2012 г., в Японии Синдзо Абэ вновь стал премьер-министром и сформировал свое второе правительство, которое сохранялось до сентября 2020 г. Таким образом, почти на протяжении восьми лет и в Японии, и в Китае со-

хранялась относительная кадровая стабильность на высшем уровне, что стало редким случаем в истории двусторонних японо-китайских отношений, особенно на фоне частой смены премьер-министров в Японии в постбиполярный период. Устойчивость обоих лидеров у власти создала уникальные условия для развития отношений между Японией и Китаем.

Резкое ухудшение японо-китайских отношений после национализации Японией островов Сенкаку в 2012 г. поставило вопрос о способах их последующей стабилизации в условиях сохраняющихся противоречий. Актуальность статьи обусловлена сохраняющейся нестабильностью японо-китайских отношений и отсутствием устойчивых механизмов их нормализации на фоне противоречий в сфере безопасности, истории и экономического сотрудничества. В существующих исследованиях динамика нормализации, как правило, анализируется через призму отдельных политических решений, экономического взаимодействия или изменений в стратегическом балансе, тогда как системный анализ контактов на высшем уровне как самостоятельного индикатора нормализации остается частичным. Научная новизна данной работы заключается в том, что официальные визиты и встречи на полях международных форумов между руководителями Японии и КНР в 2014-2019 гг. рассматриваются не как вторичный дипломатический фон, а как показатель попыток восстановления двусторонних отношений, с акцентом на частоту, формат и тематическое наполнение встреч.

В этот период на начальном этапе наиболее отчетливо проявилась напряженность по трем направлениям: безопасность, история и экономика.

Национализация Японией спорных островов в 2012 г. обострила уже существовавший территориальный конфликт. Ряд инцидентов в 2013 г. в Восточно-Китайском море показал, что присутствуют риски непреднамеренной эскалации. Япония утверждала, что китайские

корабли вблизи островов Сенкаку совершали провокационные сближения с морскими силами самообороны, а один из эпизодов включал применение РЛС управления огнем, что, по японской трактовке, выходит за рамки наблюдения и направлено против японских морских и воздушных целей в районе спорной акватории (外務省 2013). Китайская сторона эти обвинения отвергла. Кризис дополнился объявлением Китаем в ноябре 2013 г. зоны опознавания ПВО, охватывающей и спорные острова, что Япония восприняла как шаг, создающий риск эскалации (外務省 2013).

Также дестабилизирующее воздействие продолжал оказывать «исторический вопрос». Посещение премьер-министром С Абэ храма Ясукуни в декабре 2013 г. вызвало резкую реакцию Пекина в виде дипломатических заявлений и протестов (Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China 2013). В 2014 г. КНР закрепила ряд общенациональных памятных дат, связанных с войной с Японией, включая 3 сентября (День победы в Войне сопротивления), 13 декабря (день памяти жертв Нанкинской резни), а также 30 сентября (День памяти павших героев) (Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China 2014). История стала не только предметом двустороннего конфликта, но и фактором, влияющим на треугольник Япония-США-Китай. Вашингтон впервые публично выразил «разочарование» действиями японского лидера, что осложняло для Токио двусторонние отношения с союзником.

В контексте экономической повестки внимание уделяется тому, каким образом в ходе указанных встреч обсуждались вопросы

экономического сотрудничества, включая отношение Японии к инфраструктурным и региональным инициативам, продвигаемым Китаем. На первоначальном этапе Япония не формулировала публичной позиции по инициативе «Пояс — путь» как целостному проекту, однако в отношении китайской инфраструктурной повестки в целом Токио занял осторожную линию. В 2014-2015 гг. в официальных заявлениях японской стороны подчеркивалась необходимость обеспечения прозрачности, надлежащего управления, экономической целесообразности и долговой устойчивости инфраструктурных проектов, прежде всего в контексте обсуждения участия в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (Сэкине Эйити 2015, 168). Параллельно в 2015 г. была институционализирована концепция «качественной инфраструктуры», закрепившая данные требования как базовые ориентиры японской внешнеэкономической политики.

Чтобы оценить динамику попыток стабилизации после ухудшения начала 2010-х гг., целесообразно анализировать контакты лидеров Японии и КНР и частоту и формат саммитов в период с марта 2013 г. по декабрь 2019 г., а также то, каким образом вопросы истории, безопасности и экономики упоминались во время встреч. В выборку входят два типа встреч: официальные визиты и встречи на полях международных форумов. Со стороны Японии рассматриваются визиты и встречи премьер-министра Синдзо Абэ, со стороны КНР — председателя Си Цзиньпин и премьера Госсовета Ли Кэцян.

Началом устойчивого диалога на высшем уровне в рассматриваемый период можно считать первую двустороннюю встречу С. Абэ и Си Цзиньпина в ноябре 2014 г. С 2015 г. контакты приобретают регулярный характер: ежегодно фиксируются не менее двух встреч на высшем уровне. В 2016-2017 гг. складывается стабильный формат: две встречи С. Абэ и Си Цзиньпина и одна встреча с Ли Кэцяном в год преимущественно на полях многосторонних форумов. Переход к фазе активной нормализации происходит в 2018 г., когда фиксируется наибольшее число двусторонних контактов, включая взаимные официальные визиты. В 2019 г. интенсивность контактов сохраняется, также реализуются взаимные визиты, приуроченные к крупным международным мероприятиям.

Анализ официальных визитов и саммитов

В ноябре 2014 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ посетил Пекин для участия в саммите АТЭС, в рамках которого состоялся первый личный диалог лидеров Японии и Китая после смены высшего руководства в обеих странах. Заявления МИД КНР и Японии по итогам встречи показали, что возобновление контакта на высшем уровне сопровождалось не сближением позиций, а озвучиванием напряженных вопросов двусторонних отношений.

Исторические вопросы являются ключевым фактором в китайской позиции. Заявления Пекина подчеркивают, что без надлежащего отношения к истории невозможно подлинное восстановление доверия: «вопрос истории затрагивает чувства более 1,3 млрд китайцев...

Япония лишь при соблюдении своих обещаний, в том числе «Заявлении Мураяма», сможет развивать по-настоящему дружественные, ориентированные на будущее отношения со своими соседями» (Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China 2014). Тем самым Пекин намекает на то, что официальная позиция Японии по историческим вопросам остается недостаточной. Также в китайском заявлении говорится, что «правительство Японии будет и впредь придерживаться достигнутых предыдущими правительствами договоренностей по историческим вопросам». В японском заявлении такая ремарка отсутствует.

Экономическая повестка этой встречи выражена сдержанно. Пекин минимизировал внимание к экономическим выгодам или другим положительным инициативам, сфокусировав официальное сообщение на политико-дипломатических аспектах. Это позволяет предположить нежелание китайской стороны в публичной риторике преувеличивать степень потепления, не акцентируя любые конкретные проекты сотрудничества в официальном заявлении. Япония, напротив, подчеркивает интерес к возобновлению диалога и расширению сотрудничества в качестве «второй и третьей по величине экономик мира» (外務省 2014).

Тем не менее, Пекин подчеркивает значимость «Соглашения из четырех пунктов», заключенного накануне встречи, на которой стороны договорились улучшать китайско-японские отношения в соответствии с духом этого соглашения. Считается, что подписание этого документа является триумфом китайской

стороны, так как Японию «вынудили открыто признать существование разных позиций» по территориальному вопросу островов Сенкаку / Дяоюйдао (Sun 2014). В этом соглашении Китай фактически адресует Японии три условия «улучшения» отношений: 1) ясная позиция Японии по истории, 2) конструктивная оценка китайского подъема и 3) подтверждение того, что Токио продолжит путь «мирного государства», что явно служит отсылкой к проводившимся администрацией Абэ изменениям в сфере безопасности. Японское изложение встреч и показывает, что Абэ выстроил свои тезисы как ответ на второе и третье требования, исключив упоминание вопроса истории: 2) он охарактеризовал «мирное развитие Китая благоприятной возможностью для международного сообщества и Японии» 3) отдельно подчеркнул, что «Япония продолжит следовать по пути миролюбивой нации».

В японском официальном заявлении акцент сделан на восстановлении доверия через взаимодействие в различных областях. С. Абэ даже упомянул свое посещение китайского багета в Токио и важность культурного обмена. Китайское заявление, наоборот, носит более сдержанный тон. Китайские СМИ даже указали, что встреча состоялась «по просьбе японской стороны» (Zhang 2014). Таким образом, уже формулировка подчеркивает инициативу Японии, а не равновесие сторон.

В совокупности, ноябрьская встреча 2014 г. не разрешила ни одной фундаментальной проблемы, но стала индикатором того, что обе стороны готовы искать механизмы временного

снижения напряженности без решения глубинных противоречий. После этой встречи возобновились рабочие контакты министерств, прошли консультации по линии правящих партий и бизнес-ассоциаций, увеличился поток делегаций местных властей. В то же время Китай не снял претензий по реформе японского законодательства в сфере безопасности, а Япония продолжила подготовку к дальнейшему укреплению оборонной политики.

Встреча в Ханчжоу в рамках саммита G20 в сентябре 2016 г. показывает, что к этому моменту вопросы безопасности занимали центральное место японской повестки. В японском заявлении подробно отражены вопросы Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, а также угроза со стороны Северной Кореи (外務省 2016).

Абэ напрямую связывает стабильность двусторонних отношений со стабильностью в Восточно-Китайском море, называя «особую активность» китайских государственных судов «крайне прискорбной» и требуя отказаться от одностороннего повышения напряженности. В японском заявлении указано что стороны договорились возобновить прерванные переговоры о реализации соглашения 2008 г. по совместной разработке ресурсов в Восточно-Китайском море, а также ускорить запуск двустороннего механизма коммуникации между военными и морскими силами. Пекин же в своем официальном сообщении не упомянул о таких договоренностях. КНР говорит о «ключевой фазе» отношений, где «отсутствие прогресса равносильно регрессу» (Ministry of Foreign

Affairs People's Republic of China 2016). В тексте присутствуют императивные формулировки: «должны придерживаться...», «надо предотвратить...», что создает впечатление наставления или требования.

Используемая обеими сторонами лексика по вопросам безопасности («Восточно-Китайское море», «кризисный менеджмент» и «механизмы связи») указывает на обсуждение рисков инцидентов в том числе вокруг районов включающих спорные острова Сенкаку / Дяоюйдао, причем японский текст использует более жесткие оценочные формулировки.

Тема Южно-Китайского моря в итоговом заявлении КНР преподнесена не как совместно обсуждаемая проблема, а как предостережение Японии от каких-либо непродуманных высказываний и действий по этому вопросу, «чтобы не сорвать процесс улучшения китайско-японских отношений». Этот момент подчеркивает, что Китай считает участие Японии в обсуждении ситуации вокруг ЮКМ нежелательным и влияющим на динамику двусторонних отношений.

Об экономическом сотрудничестве Китай говорит в общих формулировках: «повысить уровень практического сотрудничества», «продвигать взаимную выгоду», «углублять межрегиональные обмены», тогда как Япония предлагает пять конкретных направлений сотрудничества (энергетика, вопросы старения населения, финансы, туризм, предотвращение катастроф) и упоминает необходимость отмены китайских ограничений на импорт японских продуктов питания, продвижение экспорта

японского риса и визит крупной бизнес-делегации (около 230 человек) как «отличной возможности» для восстановления деловых контактов.

Историческая проблематика в 2016 г. заметно «обезличена» по сравнению со встречей 2014 г. Китайское заявление вновь привязывает двусторонние отношения к «четырем политическим документам» и к достигнутому в конце 2014 г. соглашению из четырех пунктов, подчеркивая необходимость «правильно обращаться с историческими вопросами» и «не допускать появления новых проблем» для «сокращения препятствий». Но уже отсутствуют упоминание «чувств 1,3 млрд китайцев» и конкретных документов, например, «заявления Мураямы». Японское коммюнике не включает тему истории и вновь подтверждает приверженность соглашению из четырех пунктов 2014 г., отмечая необходимость «увеличивать плюсы и уменьшать минусы» в отношениях.

В целом на саммите в Ханчжоу 2016 г. Токио и Пекин расставили разные приоритеты. Вопросы безопасности, такие как ситуация в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, явно преобладали в японской повестке. Экономика играла вспомогательную роль, создавая положительный фон в контексте сложных политических разногласий. Исторические темы практически не обсуждались и не становились предметом открытых споров.

В совокупности выявленные различия в риторике и содержании отражают более широкий контекст двусторонних отношений середины 2010-х гг. В 2016 г. отношения Японии

и Китая оставались сдержанными под воздействием совокупности факторов, включая сохранявшиеся исторические разногласия (оценки Второй мировой войны и символику памяти), территориальные разногласия вокруг Сенкаку / Дяоюйдао и активизацию региональной политики КНР. Япония, стремясь к восстановлению экономических связей и политического диалога, тем не менее не могла игнорировать вопросы безопасности и продолжала настаивать на международных нормах. Китай же был заинтересован в стабильности отношений, в том числе с учетом проведения саммита G20 в Ханчжоу.

В 2018 г. попытки стабилизации приобрели практический вид. 8-11 мая 2018 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян совершил официальный визит в Японию впервые за восемь лет после визита Вэнь Цзябао в 2010 г. Риторика итоговых заявлений показывает улучшение двусторонних отношений после периода напряженности. Японская сторона говорит о «новом старте» и желании вывести отношения на новый уровень (外務省 2018), китайская — о возвращении отношений в «нормальное русло» и намерении обеспечить их устойчивое развитие (Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China 2018).

Содержательно это важно тем, что стороны закрепили улучшение двусторонних отношений не общими заявлениями, а пакетами конкретных договоренностей. По итогам визита были подписаны 2 межправительственных соглашения и 8 меморандумов о сотрудничестве. Среди них выделяются меморандум в области

безопасности и меморандум в сфере экономического сотрудничества.

Подписание «Меморандума о морском и воздушном механизме взаимодействия», идея которого впервые была озвучена еще в 2008 г., предусматривает создание процедур предотвращения инцидентов в Восточно-Китайском море. По сути, это заявление институционализирует управление конфликтом вокруг Сенкаку / Дяоюйдао. Оно не решает территориальный спор и не ограничивает китайскую активность, но закрепляет правила поведения и каналы связи. Подписание этого меморандума показывает, что политическое руководство стремится урегулировать вопросы безопасности, чтобы улучшение японо-китайских отношений не было сорвано случайным инцидентом на море или в воздухе. Также стоит отметить, что Китай встроил эту тему в высказывания Абэ, то есть преподнес, что идея прозвучала с японской стороны, в то время как у японцев это подается как совместная инициатива.

Заключение «Меморандума по поводу японо-китайского экономического сотрудничества в третьих странах» направлено на выработку политических мер, способствующих выходу японских и китайских компаний на рынки стран третьего мира совместными усилиями. С китайской стороны это интерпретируется как шаг к участию Японии в реализации проектов, связанных с инициативой «Пояс — путь», тогда как Токио подчеркивает ограниченный и условный характер такого сотрудничества (Iida 2018, 5-6). В японском тексте явно говорится о поддержке международных стандартов

(прозрачность, открытость, эффективность) при сотрудничестве в рамках китайских проектов. Однако китайцы не упоминают озвученные японцами условия о прозрачности. Тем не менее, заметно большее стремление Китая к экономическому сотрудничеству, особенно в сравнении с риторикой 2014 и 2016 гг. КНР отмечает вклад Японии в свое развитие и заявляет о готовности вместе защищать свободную торговлю. Такое стремление к налаживанию экономического сотрудничества с Японией можно интерпретировать как реакцию Пекина на разворачивающуюся торговую войну между США и КНР.

В заявлении МИД КНР тема истории появляется прежде всего как часть аргументации вокруг 40-летия Договора о мире и дружбе и так называемого «политического фундамента» отношений, а не как тема открытой конфронтации между лидерами. МИД КНР говорит о необходимости «читать уроки истории» и призывает Японию «продемонстрировать это конкретными действиями». В этом же контексте КНР напоминает о необходимости придерживаться принципа «одного Китая», а Токио в ответ, по китайской версии, подтверждает, что сохраняет лишь негосударственные контакты с Тайванем в рамках Совместного коммюнике 1972 г. Таким образом, тайваньская тема в 2018 г. присутствует явно, в отличие от встреч 2014 и 2016 гг., где она остается на уровне намеков.

Японское заявление очень подробно останавливается на теме гуманитарных и культурных связей. Приводятся цифры по туризму, взаимная помощь при стихийных бедствиях, даже

символический жест с ибисами. Китайское же заявление упоминает культурно-гуманитарные обмены лишь общей фразой без деталей. Это показывает стремление Токио подчеркнуть активизацию гуманитарных и культурных обменов, что важно для формирования положительного мнения о КНР у японской аудитории, тогда как для Пекина этот вопрос является второстепенным по сравнению с политикой и экономикой.

Таким образом, тематика двух заявлений совпадает по крупным направлениям, но Китай опускает некоторые темы, важные для Японии (например, вопросы безопасности), в то время как Япония не упоминает отдельные чувствительные для Китая моменты (Тайвань), хотя китайская сторона утверждает, что эти вопросы поднимались и японский лидер выразил по ним позицию. Это свидетельствует о различии в приоритетах и в том, что каждая сторона считает нужным донести до общественности.

Первый за семь лет официальный визит Синдзо Абэ в Пекин в октябре 2018 г. стал логическим развитием курса на стабилизацию японо-китайских отношений, обозначенного в ходе визита Ли Кэцзяна в Японию в мае 2018 г. На фоне уже начавшейся торговой войны между США и КНР в официальных заявлениях по итогам майской встречи было заметно смещение акцента с конфликтных сюжетов на защиту свободной торговли, стабильности торговых правил и расширение экономического сотрудничества. Октябрьский визит Абэ развил и закрепил эту линию через подписание 52 меморандумов о сотрудничестве на рынках третьих

стран, запуск диалогов по инновациям и интеллектуальной собственности, а также обозначил символически значимое завершение программы Официальной помощи развитию с переходом к партнерской модели взаимодействия (外務省 2018).

Преемственность прослеживается и в обращении с чувствительными политическими вопросами. В октябре 2018 г. темы истории и Тайваня были зафиксированы в китайской риторике как элементы «политического фундамента» двусторонних отношений и увязаны с Договором о мире и дружбе 1978 г. (Xinhua 2018). Вместе с тем на предыдущем этапе, в мае 2018 г., тайваньский вопрос выносился китайской стороной в отдельный пункт и напрямую связывался с требованием строгого соблюдения Японией принципа одного Китая. Изменение формы упоминания Тайваня нельзя объяснить снижением внешнего давления со стороны США. К октябрю 2018 г. конфронтация США-КНР не ослабла. Скорее изменились приоритеты публичной подачи двусторонней повестки. В ходе официального визита Абэ Пекин стремился закрепить «нормализацию» и вывести на первый план экономическое сотрудничество, поэтому чувствительные темы были оставлены в более общей рамке.

Схожая логика проявилась и в сфере безопасности. Уже в мае 2018 г. Китай в публичных заявлениях избегал прямого упоминания Восточно-Китайского моря, ограничиваясь общими формулами доверия, тогда как японская сторона осторожно продвигала тему практических механизмов предотвращения инцидентов.

В октябре эта модель была воспроизведена практически без изменений, что указывает на закрепившееся распределение ролей в публичной риторике сторон.

Таким образом, встреча Абэ и Си в октябре 2018 г. не открыла новый курс в японо-китайских отношениях, а зафиксировала достигнутый в мае того же года компромисс направленный на снижение уровня публичной конфронтации, институционализацию экономического взаимодействия и сознательное выведение спорных вопросов за рамки официальной риторики.

Визит С. Абэ в КНР для участия в саммите КНР-Япония-РК в декабре 2019 г. и его встречи с Си и Ли показывают характерный для периода 2018-2019 гг. процесс нормализации японо-китайских отношений в первую очередь через экономическое сотрудничество, тогда как формулировки по вопросам истории и безопасности остаются дипломатически сдержанными, направленными на снижение публичной конфликтности, но не устраняющими структурные расхождения.

В официальном отчете МИД Японии по итогам встречи Абэ-Си подчеркивается, что «не может быть подлинного улучшения... без стабильности в Восточно-Китайском море» (外務省 2019). Аналогично на первой официальной встрече с Абэ в 2014 г. Си связывал улучшение отношений со следованием Японией курсу на «мирное развитие» (Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China 2014). Абэ настойчиво призвал КНР к «позитивным шагам» в вопросе Восточно-Китайского моря, включая острова

Сенкаку, причем спорный объект прямо назван в японском документе, что демонстрирует готовность Токио фиксировать предмет разногласий публично, а не ограничиваться нейтральной формулой про стабильность в Восточно-Китайском море.

Си Цзиньпин в публичном сообщении избегает прямого названия спорных островов или Восточно-Китайского моря. Но указывает на необходимость «наращивать взаимное доверие в сфере безопасности и более активно выстраивать конструктивные отношения в области безопасности» (Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China 2019).

Экономическая тематика стала точкой максимального согласия сторон, но с некоторыми нюансами. На встрече Абэ-Ли оба политика фиксируют необходимость как можно скорее заключить Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и ускорить переговоры по трехстороннему соглашению о свободной торговле Япония-КНР-РК. При этом китайская сторона акцентирует возможности расширения взаимовыгодного сотрудничества (в том числе в сфере услуг, инноваций и на рынках третьих стран), тогда как японская сторона указывает, что поддержит сотрудничество в третьих странах лишь при соблюдении международных стандартов ссылаясь на «Принципы G20 по качественной инфраструктуре», одобренные на саммите в Осаке (外務省 2019). В свою очередь, конкретные проблемы, поднятые японцами (например, китайские ограничения на импорт японских продуктов питания (введенных после аварии на Фукусиме),

или вопросы интеллектуальной собственности), китайцы в публичном изложении опускают, концентрируясь на возможностях сотрудничества. Наконец, японская сторона отдельно отмечает объявленное 19 декабря 2019 г. решение КНР о возобновлении импорта японской говядины как позитивный сигнал в развитии двусторонних отношений.

Устойчивой чертой китайских официальных сообщений 2016-2019 гг. является отсутствие в публичных формулировках конкретизации спорных исторических сюжетов при сохранении отсылок к «четырем политическим документам» и установке «помнить уроки истории и ориентироваться на будущее» (Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China 2019).

Заключение

Анализ динамики контактов Синдзо Абэ и Си Цзиньпина позволяет условно выделить три этапа эволюции двусторонних отношений. В 2012-2014 гг. преобладала фаза жесткой конфронтации и фактической «заморозки» политического диалога на высшем уровне, обусловленная обострением территориального спора вокруг Сенкаку / Дяоюйдао и усилением взаимной негативной риторики на фоне посещения японскими премьер-министрами храма Ясукуни. Период 2014-2016 гг. можно охарактеризовать как управляемую разрядку: стороны вернулись к контактам лидеров, согласовали базовые принципы «управления разногласиями» и постепенно отказались от наиболее острых формулировок, хотя фундаментальное недоверие сохранялось. Наконец, в 2017-2019 гг. отношения вступили в фазу нормализации при со-

храняющейся политической напряженности. Токио и Пекин расширили экономическое сотрудничество, запустили механизмы предотвращения инцидентов на море и начали совместные проекты в «третьих странах», но при этом не разрешили ни территориальные, ни историко-политические противоречия.

Такая эволюция японо-китайских отношений в указанный период обусловлена изменением как внешних, так и внутренних факторов. Во-первых, усиление американо-китайской конфронтации и рост неопределенности в политике США (от «поворота в Азию» до курса администрации Д. Трампа) подталкивали Токио и Пекин к нормализации отношений как способу страховки от внешних кризисов. Во-вторых, внутренняя политика кабинета Абэ направленная на консолидацию власти и продвижение оборонных реформ создавала у Японии ресурс одновременно отстаивать вопросы безопасности и искать политическую «перезагрузку» с КНР для укрепления своих региональных позиций. В-третьих, высокая экономическая взаимозависимость и интересы деловых кругов обеих стран, а также конкретные политические задачи (подготовка государственного визита Си в Японию, необходимость успеха саммитов и трехсторонних форматов) стимулировали лидеров к расширению экономической повестки при формальном сохранении прежних спорных вопросов.

Список литературы

1. Протокол пресс-конференции министра иностранных дел (основные тезисы) (февраль 2013 года) (外務大臣会見記録 (要旨) (平成25年2月)). 外務省. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/kaiken/gaisho/g_1302.html (дата обращения: 06.01.2026). (на яп.яз.)
2. О заявлении Министерства обороны Китая относительно «зон опознавания ПВО в Восточно-Китайском море» (заявление министра иностранных дел) (中国国防部による「東シナ海防空識別区」の発表について (外務大臣談話)). 外務省. 平成25年11月24日. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/page4_000293.html (дата обращения: 06.01.2026). (на яп.яз.)
3. The Statement by Foreign Ministry Spokesperson Qin Gang on Japanese Prime Minister Shinzo Abe's Visit to the Yasukuni Shrine. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. December 26, 2013. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/fyrbt/202405/t20240530_11349252.html (дата обращения: 13.01.2026).
4. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Remarks on the Commemorative Activities to be Held by the Chinese Government Celebrating the Victory of the War Against Japanese Aggression. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. August 15, 2014. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/fyrbt/202405/t20240530_11349327.html (дата обращения: 13.01.2026).
5. Сэкине Эйити. (関根栄一) Цели создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций китайским правительством и дальнейшие перспективы (中国政府によるアジアインフラ投資銀行設立の狙いと今後の展望). 季刊中国資本市場研究. 2015; Vol. 8. No. 4. 164-176頁 (на яп.яз.)
6. Xi Jinping Meets Japanese Prime Minister Shinzo Abe. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. November 10, 2014. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2721_663446/2724_663452/202406/t20240607_11409472.html (дата обращения: 27.11.2025).
7. Японо-китайская встреча на высшем уровне (日中首脳会談). 外務省. 平成26年11月10日. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_000999.html (дата обращения: 27.11.2025). (на яп.яз.)
8. Sun. Y. Understanding China and Japan's Four Point Consensus: A Breakthrough or Political Expediency? *Stimson*. November 13, 2014. URL: <https://www.stimson.org/2014/understanding-china-and-japans-four-point-consensus-a-breakthrough-or-political-expediency/> (дата обращения: 12.12.2025).
9. Zhang. Y. Xi calls on Japan for trust building. *China Daily*. November 10, 2014. URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2014-11/10/content_18894048.htm (дата обращения: 27.11.2025).
10. Встреча на высшем уровне между Японией и Китаем (日中首脳会談). 外務省. 平成

- 28年9月5日. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page1_000246.html (дата обращения: 28.11.2025). (на яп.яз.)
11. Xi Jinping Meets with Prime Minister Shinzo Abe of Japan. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. September 05, 2016. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2016zt/XJPCXBZCESGJTLDRDSYCFHJCHY-GHD/202406/t20240606_11380931.html (дата обращения: 28.11.2025).
12. Визит в Японию Ли Кэцзяна, премьер-министра Государственного совета КНР; японо-китайская встреча на высшем уровне и торжественный ужин (李克強・中国国务院総理の訪日 日中首脳会談及び晩餐会). 外務省. 平成30年5月9日. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page1_000526.html (дата обращения: 30.11.2025). (на яп.яз.)
13. Li Keqiang Holds Talks with Prime Minister Shinzo Abe of Japan Stressing to Strive to Achieve Long-term, Healthy and Stable Development of China-Japan Relations // *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. May 10, 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2721_663446/2724_663452/202406/t20240607_11409691.html (дата обращения: 30.11.2025).
14. Iida M. Japan's Reluctant Embrace of BRI? *SWP Working Paper*. 2018; Session Nr. 3. P. 1-6.
15. Визит премьер-министра Абэ в Китай (обзор) (安倍総理の訪中(全体概要)). 外務省. 平成30年10月26日. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_004452.html (дата обращения: 08.01.2026). (на яп.яз.)
16. Xi meets Japanese Prime Minister, urging effort to cherish positive momentum in ties. *Xinhua*. October 26, 2018. URL: https://www.xinhuanet.com/english/2018-10/26/c_137561102.htm (дата обращения: 08.01.2026).
17. Японо-китайская встреча на высшем уровне (переговоры) и официальный ужин с председателем КНР Си Цзиньпином (習近平・国家主席との日中首脳会談・夕食会). 外務省. 令和元年12月23日. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_003013.html (дата обращения: 30.12.2025). (на яп.яз.)
18. Xi Jinping Meets with Prime Minister Shinzo Abe of Japan. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. December 23, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyxw/202405/t20240530_11328727.html (дата обращения: 30.12.2025).
19. Японо-китайская встреча на высшем уровне и рабочий обед (премьер Госсовета КНР Ли Кэцян) (日中首脳会談・昼食会(李克強・国务院総理)). 外務省. 令和元年12月25日. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page6_000469.html (дата обращения: 30.12.2025). (на яп.яз.)
20. Li Keqiang Holds Talks with Prime Minister Shinzo Abe of Japan. *Ministry of Foreign*

Affairs People's Republic of China. December 25, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/jj/2019zt/dbczrhldrhy/202406/t20240606_11379341.html (дата обращения: 30.12.2025).

References

1. Press Conference by Minister for Foreign Affairs Fumio Kishida (February 2013). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/kaiken/gaisho/g_1302.html (accessed: 06.01.2026). (In Jap.)
2. Statement by the Minister for Foreign Affairs on the announcement on the "East China Sea Air Defense Identification Zone" by the Ministry of National Defense of the People's Republic of China. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. November 24, 2013. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/page4_000293.html (accessed: 06.01.2026). (In Jap.)
3. The Statement by Foreign Ministry Spokesperson Qin Gang on Japanese Prime Minister Shinzo Abe's Visit to the Yasukuni Shrine. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. December 26, 2013. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/fyrbt/202405/t20240530_11349252.html (accessed: 13.01.2026).
4. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Remarks on the Commemorative Activities to be Held by the Chinese Government Celebrating the Victory of the War Against Japanese Aggression. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. August 15, 2014. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/fyrbt/202405/t20240530_11349327.html (accessed: 13.01.2026).
5. Eiichi Sekine. The Aim and Future Prospects of the establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank by the Chinese Government. *Quarterly China Capital Markets Research*. 2015; Vol. 8. No. 4. P. 164-176 (In Jap.)
6. Xi Jinping Meets Japanese Prime Minister Shinzo Abe. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. November 10, 2014. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2721_663446/2724_663452/202406/t20240607_11409472.html (accessed: 27.11.2025).
7. Japan-China Summit Meeting. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. November 10, 2014. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_000999.html (accessed: 27.11.2025). (In Jap.)
8. Sun. Y. Understanding China and Japan's Four Point Consensus: A Breakthrough or Political Expediency? *Stimson*. November 13, 2014. URL: <https://www.stimson.org/2014/understanding-china-and-japans-four-point-consensus-a-breakthrough-or-political-expediency/> (accessed: 12.12.2025).
9. Zhang. Y. Xi calls on Japan for trust building. *China Daily*. November 10, 2014. URL:

- https://www.chinadaily.com.cn/world/2014-11/10/content_18894048.htm (accessed: 27.11.2025).
10. Japan-China Summit Meeting. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. September 5, 2016. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page1_000246.html (accessed: 28.11.2025). (In Jap.)
11. Xi Jinping Meets with Prime Minister Shinzo Abe of Japan. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. September 05, 2016. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2016zt/XJPCXBZCESGJTLDRDSYCFHJCXY-GHD/202406/t20240606_11380931.html (accessed: 28.11.2025).
12. Premier of the State Council of China Li Keqiang Visits Japan Japan-China Summit Meeting and Banquet. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. May 9, 2018. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page1_000526.html (accessed: 30.11.2025). (In Jap.)
13. Li Keqiang Holds Talks with Prime Minister Shinzo Abe of Japan Stressing to Strive to Achieve Long-term, Healthy and Stable Development of China-Japan Relations // *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. May 10, 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2721_663446/2724_663452/202406/t20240607_11409691.html (accessed: 30.11.2025).
14. Iida M. Japan's Reluctant Embrace of BRI? *SWP Working Paper*. 2018; Session Nr. 3. P. 1-6.
15. Prime Minister Abe Visits China. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. October 26, 2018. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_004452.html (accessed: 08.01.2026). (In Jap.)
16. Xi meets Japanese Prime Minister, urging effort to cherish positive momentum in ties. *Xinhua*. October 26, 2018. URL: https://www.xinhuanet.com/english/2018-10/26/c_137561102.htm (accessed: 08.01.2026).
17. Japan-China Summit Meeting and Dinner. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. December 23, 2019. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_003013.html (accessed: 30.12.2025). (In Jap.)
18. Xi Jinping Meets with Prime Minister Shinzo Abe of Japan. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. December 23, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyxw/202405/t20240530_11328727.html (accessed: 30.12.2025).
19. Japan-China Summit Meeting and Working Lunch (Premier Li Keqiang of the State Council). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. December 25, 2019. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page6_000469.html (accessed: 30.12.2025). (In Jap.)
20. Li Keqiang Holds Talks with Prime Minister Shinzo Abe of Japan. *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. December 25, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/jj/2019zt/dbczrhldrh/202406/t20240606_11379341.html (accessed: 30.12.2025).

Сведения об авторе

Храмова Юлия Вадимовна,

аспирант 3-ого курса Института междуна-
родных отношений и мировой истории

ННГУ им. Н.И. Лобачевского

ННГУ им. Н.И. Лобачевского

603005 Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

khramova.yul@gmail.com

Information about the author

Yulia V. Khramova

3rd-year PhD student, Institute of Interna-
tional Relations and World History, Loba-
chevsky University

Lobachevsky University

Ulyanova str., 2, Nizhny Novgorod, 603005

khramova.yul@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.02.2026

Принята к публикации: 25.02.2026

Information about the article

The article was submitted 15.01.2026

Approved after reviewing 15.02.2026

Accepted for publication 25.02.2026

**On Cham Ahiér Ethnic Community Brahmanism Transformations
in Ninh Thuan and Binh Thuan Province, Vietnam
(via Life Cycle Rituals Expression)**

**О трансформации брахманизма в этнической общине Чам
Ахиер в провинциях Ниньтхуан и Биньтхуан, Вьетнам
(через выражение ритуалов жизненного цикла)**

УДК 39 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-151-160](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-151-160)

Фан Куоц Ань ¹

*¹ Университет Ван Ланга, Хошимин,
Вьетнам*

*Автор, ответственный за переписку:
phanquocanh57@gmail.com*

Phan Quoc Anh ¹

*¹ Van Lang University,
Vietnam*

*Corresponding author:
phanquocanh57@gmail.com*

АННОТАЦИЯ. Этническая община Ахиер Чам, проживающая преимущественно в провинциях Ниньтхуан и Биньтхуан, является наиболее многочисленной из общин Чам. Они исповедуют брахманизм. Несмотря на раннее распространение и утрату многочисленных культурных традиций, брахманизм сильно «локализован». В данном исследовании рассматривается эволюция брахманизма в этнической общине Ахиер Чам в провинциях Ниньтхуан и Биньтхуан, Вьетнам, на основе древних брахманистских учений о ритуалах жизненного цикла. Показано, что многие брахманистские ритуалы рождения и совершеннолетия были заменены местными обычаями в общине Ахиер Чам. Патриархальные верования брахманизма

ABSTRACT. The Ahier Cham ethnic community, which primarily resides in Ninh Thuan and Binh Thuan, is the most numerous of the Cham communities that practice other religions. They are Brahmanic. Despite its early introduction and the loss of numerous cultural legacies, Brahmanism has been heavily “localized.” The study examines the evolution of Brahmanism in the Ahier Cham ethnic community in Ninh Thuan and Binh Thuan, Vietnam, based on ancient Brahmanism teachings in life-cycle rituals. It demonstrates that many Brahmanism birth and adulthood rituals have been replaced by indigenous customs in the Ahier Cham community. The patriarchal beliefs of Brahmanism have been radically altered by the matriarchal system. Although there are some

были радикально изменены матриархальной системой. Хотя некоторые следы брахманизма сохранились, например, традиция запрета совершения брачного акта в течение трех ночей, свадебные обряды контролируются матриархальной системой. Наиболее тесно связанные с брахманизмом обычаи — это похороны, особенно идея «реинкарнации и освобождения». Учитывая, что Создатель изображается как «Мать земли По Инынагар», а законы, регулирующие брак и поклонение кутам, являются строгими, брахманизм «чамизированным — локализованным» в региональную религию. Кроме того, исследования показывают, что местные обычаи развивались под влиянием внешних факторов, что привело к появлению характерных культурных нюансов чамской культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Тямы Ахиер, брахманизм, ритуалы жизненного цикла, культ Кут, матриархальная система, тямский культурный колорит

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фан Куог Ань. О трансформации брахманизма в этнической общине Чам Ахиер в провинциях Ниньтхуан и Биньтхуан, Вьетнам (через выражение ритуалов жизненного цикла). *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 151-160 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-151-160>

traces of Brahmanism, such as the tradition of forbidding the consummation of the wedding night for three nights, wedding rites are overseen by the matriarchal system. The customs that most closely adhere to Brahmanism are funerals, particularly the idea of "reincarnation and liberation." With the Creator portrayed as the "Mother of the land Po Inư Nagar" and stringent laws governing matrimony and Kut worship, Brahmanism was? "Chamized—localized" into a regional religion. Additionally, studies reveal that indigenous customs have developed alongside external influences, resulting in distinctive Cham cultural nuance.

KEYWORDS. Ahier Cham ethnic, Brahmanism, Life-cycle rituals, Kut worship, Matriarchal system, Cham cultural nuance

FOR CITATION: Phan Quoc Anh. On Cham Ahiér Ethnic Community Brahmanism Transformations in Ninh Thuan and Binh Thuan Province, Vietnam (via Life Cycle Rituals Expression). *Modern Oriental Studies*. 2026; Volume 8 (№1). P. 151-160 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-151-160>

1. Introduction

In Ninh Thuan and Binh Thuan (Panduranga), there are roughly 55,000 members of the Cham ethnic group. When compared to other religious groupings of Cham people, the Ahiér Cham (Cham people who practice Brahmanism) are the largest group.

The Cham people who practice Brahmanism refer to themselves as *Ahier*, which is associated with the yang, while the Cham people who practice Bani Islam refer to themselves as *Awal*, which is associated with the yin, under the framework of the “duality union” between the two religious communities. The Bani Islam Cham worship the one deity, the saint Alah (called *Po Awluah (Allah)* by the Cham people), and the angel Muhammad, while the Brahman Cham adhere to the polytheistic doctrines of Hinduism. (*Phan Quoc Anh, 2019, p.108-109*)

From the nation's establishment (192 AD), the Cham people embraced Brahmanism, or Hinduism; other religions, like Bani Islam (Cham Awal), were introduced to them later. Temples, sculptures, Kut statues, and other tangible cultural artifacts are all products of Brahmanism, or Hinduism. The Ahiér Cham group is home to the majority of the oldest intangible cultural artifacts. Despite being referred to as Cham Brahman, the Brahman religion has undergone significant localization or transformation within this society. The study examined the ideas of the universe, gods, life, death, reincarnation, and liberation that are conveyed via the life cycle ceremonies of the Ahiér Cham people with those of ancient Brahmanism in order to identify that transformation.

2. On cosmology

2.1. Creator ideas

The Brahmanical idea holds that man must become one with the “major universe” (Brahman) since he is a “microcosm” (Atman). Brahman is described as the “supreme cosmic spirit” in the Upanishads. As soul or breath, Brahman is also Atman. The force that generates and rules the universe, the source of all life, and the first reality, Brahman is omniscient and almighty. According to Hoang Tam Xuyen, Brahman is “that from which all things are born, that through which all things grow, that into which all things enter after their dissolution.” Therefore, the highest creator god in Brahmanism is Brahma. The goddess Po Inr Nagar, also known as the “Mother of the Land,” is the creator of the Cham people. As the primary cause of the Cham people's Brahmanic change, this is the largest and most basic distinction. Brahman, the greatest Creator, is a male god who has been transformed into a goddess by the Cham matriarchy. Po Inr Nagar might have been the first “native” deity to exist. The goddess “Mother of the Land,” Po Inr Nagar, reappeared to rule over the spiritual life of the Cham people when the Champa state and the Brahman caste vanished. The matriarchy still persists in the entire Cham society today for the same basic reason. Even Nevertheless, for thousands of years, Brahmanism and Bani Islam have been patriarchal religions.

2.2. Yin and yang unified concept

The Cham people refer to the dual unification notion as *tanaow-binai* or *lakei-kamei* philosophy, which is highly consistent and can be simply understood as male-female or male-female. From the Su-

preme Creator, who created the universe, to the tiniest items, including reproductive movements in rites, costumes, offerings, and ritual equipment, it encompasses and regulates everything, both physical and abstract. The majority of people worldwide, particularly those from agricultural civilizations that use wet rice, understand the concept of dual yin-yang union; nonetheless, study has not yet discovered a way to achieve the Cham people's high degree of consistency. But it can be explained that the Cham people combined the fertility beliefs of the rice-growing agricultural people of Southeast Asia with the dual fertility symbol *linga-yoni* of Shivaism, elevating it to the point where it covered and dominated all concepts, from spiritual life to secular objects and phenomena.

2.3. *Of divines*

According to Hoang Tam Xuyen's book *Ten Major Religions in the World*, "the Brahman religion that later developed into Hinduism has up to 300,000 gods." (Hoang Tam Xuyen, 1999, p.189). Southeast Asian peoples, including the Cham, have polytheistic indigenous beliefs. Since both religions share the idea of animism, the Brahman doctrine's foundation is polytheistic or pantheistic, making it simple to integrate with existing religions when it first appeared in Cham society. To this day, the Cham Ahiér people maintain the belief that there are gods in all three strata of the universe (*heaven, earth, and space*).

According to the Ninh Thuan Cham Cultural Research Center, there are currently 116 main gods invited in Cham ceremonies, including "native" gods bearing the mark of the matriarchal regime of the Cham people, such as the Mother

Goddess of the Land—*Po Inur Nugar*, the Father Goddess—the sky *Yang Po*—*Yang Amur*, and kings like the gods worshiped in towers in Ninh Thuan. When gods from ancient Indian Brahmanism were introduced to Champa, they were still worshipped by the Cham people, but they were supplanted by "local" gods or had new names in the Cham language. The Cham people revere God Shiva, known as *Po Ginuer Matri*. Goddess *Bhagavati*, Shiva's bride, was turned into the Mother Goddess of the Land (*Po Inur Nugar*), while the divine cow *Nandil* became *Kapil*, a character in Cham folktales¹. *Yang Apui*, the fire god, succeeded *Agni*. Furthermore, the Cham people have several "indigenous" gods, including the god of Mound, mountain god, sea god, earth god, mother goddesses of the land, ancestor gods, profession gods, and dozens of person gods associated with historical and cultural events. The primary gods of Brahmanism are now exclusively seen on Cham sculptures in Central Vietnam. This demonstrates that Brahmanism, the Champa dynasty's official religion, represented the elite class and is associated with the royal culture. Although individuals are required to observe theocratic rules (worshiping cows and the fertility symbol *linga-yoni* of Shivaism), they nevertheless practice their indigenous traditions.

The Cham Ahiér's life cycle rites therefore hardly ever invoke the names of the Brahman gods. Along with the Indian gods, the Cham human gods are always requested to participate in burial rites or Kut ceremonies: As for *Po Pan*, *Po Klaong Girai*, *Po Ramê*, *Po Sah Inur*, *Po Klaong Kasat*, *Po Cei Tathun*, *Po Tang*, *Po Gihlau*, *Po Riyak*, and *Po Dam*... The Cham people's old human gods' existence and accomplishments are honored by the masters'

singing and playing of the Kanhi (Kadhar) instrument. In addition, numerous female goddesses are invited, including the Lady of Maram (*Po Inur Nugar Hamu Ram*), the Lady of Ba Rau (*Po Inur Nugar Murau*), and the Lady of Taha (*Po Inur Nugar Taha*)².

3. Life cycle rituals

According to Brahmanism, humans must go through four phases³. During the four periods, humans must strive for four vital goals:

- 1/ *Dharma* (obligation, morality).
- 2/ *Artha*, which means wealth and success.
- 3/ *Kama* (love).
- 4/ *Liberation* (Moksha).

From conception to release, humanity must undergo numerous rites and complex sacrifices over those four times. Perhaps no other religion has as many rituals for humans as Brahmanism. A.L. Basham estimates that up to 40 rituals (*Sanshora*) occur throughout a person's life (A.L. Basham, 1969, p.171-200). There are various restrictions on exceedingly elaborate sacrifices in ancient Brahmanism, with "family sacrifice" including up to 12 different sorts of rites for *humans*. (Hoang Tam Xuyen, 1999, p.175).

3.1. Birth stage

When a kid is not yet born, Brahmanism prescribes three rituals: one to aid conception (*Garbhadhana*), one to aid birthing (*Punsavana*), and one to keep the embryo in the womb till full term (*Simantonnayana*). When the infant is born, the birth ritual (*Giataharma*) is performed prior to

the cutting of the umbilical cord. During that rite, the priest recites a *mantra* into the infant's ear, places honey in the child's mouth, and names the child. The next significant ritual is the first solid meal ceremony (*Annaprasana*), which occurs when the kid is 6 months old.

When the child reaches the age of three, a hair-cutting ritual is performed, leaving only a tuft of hair on the head. It should be noted that all of the ceremonies listed above are only conducted for boys (A.L. Basham, 1969, p.180). According to Indian Brahmin custom, the second birth ceremony (*Upanayana*) is only done by the three upper castes (*Brahmin, Kristrya, and Vaissya*). The Brahmin child is performed at the age of eight, the Kristrya child at eleven, and the Vaisya child at twelve. Following this rite, the kid is recognized as a full member of society and given the sacred cord (*Yidjnopavita*). This ritual is not a sexual maturity ceremony in Islam, such as circumcision (for men) or chastity (for women). Following the ceremony, the child begins his or her educational journey.

However, the current Cham Brahmins' life cycle rites do not include any rituals for children as specified by the Brahman philosophy. The taboos in Cham birth rituals are primarily indigenous traditions. Some birth rituals may be indigenous Cham culture or inspired by other ethnic groups, such as the ceremony to worship the mother giving birth, the custom of lying on fire, the ceremony to offer to ancestors, and the wearing of the "*Ikak tamrak*" amulet to ward off evil spirits. These rites are shared by several ethnic groups in Southeast Asia.

¹ Авторы Many authors. *Cham folk tales*. National Culture Publishing House, Hanoi 2000, p.98

3.2. Coming of age ceremony

According to Brahmanism in India, the child (only boys) studies the *Vedas* after executing the sacred thread rite (*Yidjnopavita*). After finishing the studies, he is purified, becomes a *Snatara*, and returns home to marry. Brahmanism holds that marriage has three primary purposes: to fulfill religious responsibilities through sacrificial rites, to have children to continue the family line so that when he dies, he can rest in peace in the hereafter, and to have sexual pleasure. The Ahiér Cham, on the other hand, do not regard maturity rituals as important. While Brahmanism dictates that birth and maturity ceremonies are primarily for boys and that the husband's job is to carry on the family line and execute sacrificial rituals, the Cham Brahmanians place these responsibilities on the wives. *Obviously, Cham matriarchy has radically altered patriarchal Brahmanism*. It is one of the issues resulting from Brahmanism, which creates disparities between Indian culture and Cham cultural subtleties.

3.3. Wedding ceremony

The Cham wedding ceremony is entirely managed by the matriarchal system, with the

bride's family taking the initiative to marry a spouse for their daughter. All of the ceremonies, including the engagement ceremony and wedding ceremony, as well as the worship rites, are indigenous. It is worth noting that the bride and groom are not permitted to consume anything throughout the three days of the wedding. Many researchers have noticed the lovely aspect of "forbidding consummation for three nights" in the Cham wedding ritual, but the origin of this custom has not been explained.

According to the research, this is a tradition left by the Brahmanism doctrine: "Brahmanism regards sex as sacred. The newlyweds are not permitted to have intercourse during the wedding's three days." (*Hoang Tam Xuyen, 1999, p.171-201*). Thus, the Cham Ahiér people's wedding ceremony contains traces of Brahmanism.

3.4. On Funerals and the Concept of Reincarnation and Liberation

3.4.1. On reincarnation and liberation

Only the Cham Ahiér's funeral has the greatest Brahmanical traditions among the life cycle

² According to legend, the above goddesses are all daughters of the Lady of the Land Po Inur Nugar. In Cham language, Po means lord, Inur means mother, and Nugar means country. The following names are the place names, the places where the daughters of the Lady of the Land Po Inur Nugar are worshiped (author).

The four periods are:

- From the moment the sacred band is worn, the child is considered to have become a Brahmanian. From then on, the child must live and study at the home of the teacher of scriptures. - When he has understood the *Vedas*, the child (who has grown up) returns home to get married. From now on, the boy has become the "master of the house" (*giuhastha*).
- When he is old and has descendants to continue the family line, the man leaves home to practice asceticism in the forest to become a *vanaprastha* with the purpose of meditating, repenting, and cleansing the soul from all worldly ties.
- When he is old and weak, he returns, becoming a homeless wandering old man. (*A.L. Basham. The wonder that was India, 1999*).

ceremonies. The concept of “reincarnation and liberation” from the Vedic time before the Common Era is still present in the Cham Ahiér's mind in the twenty-first century.

The Vedic liberation theology has three stages. The *Upanishads* express the liberation idea of rebirth from the third stage of *Brahmanism*. During this stage, people must cultivate their true selves in order to eventually perfect them. When the true self is perfected, *Atman* becomes *Brahman*, which signifies liberation from reincarnation. Later, Buddhism and Jainism adopted reincarnation and freedom as their ideology, further developing the concept of “karma and reincarnation.”

The notion of “karma and reincarnation” is not expressed in the Cham people's burial rites. This is mirrored in the Cham people's distinction between burial rites for various sorts of deceased individuals. If a person dies “completely,” or “normally, well,” they will have a grand cremation ceremony, their souls will be liberated, and the 9 pieces of frontal bones (after cremation) will be placed in the main kut tomb of the family (*Mutai siam* are cases of complete death, death at home, death at the age of 50 or older, having a family, and marrying a person of the same ethnicity and religion). In the mortal world, if a person dies “incompletely” (as *Mutai bhao*—not meeting the above criteria for “complete” death), the soul will not be liberated and will be placed in the cold auxiliary kut outside the family kut tomb to return to the ancestral gods, regardless of how well they lived. Thus, unlike the post-Vedic sects, the Cham Ahiér's life and death do not follow the law of “cause and effect” and are not influenced by

“karma” or “retribution”.

3.4.2. Class distinction

In today's Cham society, the separation between classes has nearly vanished, just the term remains. However, in burial rites, that concept is still obvious, as funerals for clans by class have been regulated since ancient times. No matter how wealthy the deceased is today or what rank they have in the new society, if they are from a low-class clan, they will be given tiny funerals or even buried rather than burned. Burial, according to Cham beliefs, implies going to Hell. Many people are impoverished, but when they die, they are given a grandiose burial and released if they belong to a high-class clan. As is well known, Brahmanism is a religion with strict class inequalities, and its dogma is designed to protect the clergy's interests. When this ideology was adopted into Champa society, it became a tool for the Champa dynasties to maintain their dominance and preserve the nobility. Caste differences eventually dissolved, as did royal and divine power. Today, caste distinctions exist solely in funeral ceremonies presided over by Brahmin priests.

3.4.3. About sacrifice

Brahmanism contains several spells, charms, and extremely complex sacrifices. This trait also has a significant impact on the lives of the Cham people. Hundreds of festivals and sacrifices held throughout the year, along with a series of spells, charms, and hefty offerings subject to rigorous laws, demonstrate the Vedic period's strong influence (*Doan Chinh, 1999, p.62*). Cham Brahman dignitaries must memorize a large number of sacrificial scriptures, which consist of a sequence of

intricate and abstract rites, motions, and spells that can be difficult to grasp at times. The craftspeople must be familiar with hundreds of funeral songs, drawings of charms, prayers, incantations, and ritual gestures. These complicated rites are carried out in accordance with a precise and consistent set of rules, primarily based on ancient Cham literature. Many dignitaries performing the event know it by heart, but not all ceremonies have a complete comprehension of its significance. When queried, the masters respond, "As in the past, so it is now." Scientists unanimously agree that philosophical ideas and beliefs concerning spiritual life are the most durable. Perhaps this explains why, despite numerous periods of cultural disturbance, Brahmanism continues to dominate the Cham Ahiér people's spiritual life.

3.5. Kut worship

Brahmanism in India does not have the custom of keeping 9 pieces of the frontal bone after cremation like the Cham Brahmanism of today. Brahmanism's teachings stipulate, "After cremation, everyone bathes, and three days later, the unburned bone fragments and ashes are collected and thrown into the Ganges River." (*Hoang Tam Xuyen, 1999, p.198*). Chinese documents also tell us that in the past, the Cham people did not have the custom of keeping 9 pieces of the frontal bone to enter Kut: "... When carrying the dead near a river, they stop crying; they put the body on a pile of firewood and burn it, then collect the ashes and put them in an earthen jar, throw them into the river, then everyone goes home, avoiding saying a word, perhaps so that the soul of the dead cannot find its way back." (*Maspero, 1928, p.27*). Thus, the custom of entering Kut and worshipping Kut of the Cham Brahmanism is not a belief of Brahmanism and did not

exist before. So where did the Cham people's custom of worshipping Kut come from? When did it start? Mr. Su Van Ngoc in the article *The Funeral of the Thuan Hai Brahman Cham People* believes that "the custom of cutting off heads when burning the dead originated from the story of Um Murup, son of King Rum Muk, a Brahman prince who was fascinated by Islam and betrayed his father and was later beheaded as an example." (*Su Van Ngoc, 1978, p.183*).

According to numerous historical documents, there was no practice of bringing bones back for devotion during the Champa period. After cremation, the ashes were scattered in both major and small rivers and streams. If they belonged to monarchs, they were placed in the sea; if they belonged to rich nobles, they were placed in rivers; and if they belonged to poor laborers, they were placed in streams, ditches, or ponds. According to mythology, from King Po Auluah to Po Klaong Girai, kings' bones were buried in towers, while nobles' bones were deposited in mausoleums. Poor laborers' ashes were still interred in water. The bones of poor people were not buried in cisterns under stone symbols for worship until Po Klaong Girai ascended the realm, thanks to an occurrence immortalized in the Cham legend about the "Lac King" (Po Klaong Girai). According to the explanations provided above, ancestor worship is a spiritual necessity for Southeast Asian inhabitants who follow indigenous cultural practices. Worshipping kut as a symbol of the deceased is an ancient ancestor worship belief of the Cham people, which was restored to strengthen the community and meet the demand for ancestor worship in subsequent generations. Research suggests that the practice of worshipping kut stems from Hinduism.

4. Conclusion

According to certain similarities between pre-Brahmanism and Brahmanism features expressed in the Cham Ahiér's life cycle ceremonies, Brahmanism is no longer an original religion but has been "Chamized/Indigenized" into a form of ethnic religion, or a local religion. This religion has no dogma or canon law, but it does have stringent laws for the matriarchal structure, particularly in Kut worship. For example, to be emancipated and enter Kut to the ancestors, one must undergo all transitional ceremonies, have a husband and wife, die "completely," and perform a complete funeral ceremony. The Cham people voluntarily respect these regulations. That demonstrates the Cham Brahman community's faith in its own religion. The Cham Brahman society has been firmly established due to the severe and persistent laws of a new sort of religion among the Cham people.

Brahmanism, often known as Hinduism, later entered Champa and was venerated by several kingdoms and sects, and artifacts of Indian gods can still be found across Central Vietnam. However, for the Cham people, Brahmanism, with its caste-protecting traits, mostly reached the royal class, nobles, and Brahman clergy, while the lower classes retained their indigenous traditions. Brahmanism did not become a universal religion in Cham civilization. One half was walled off to world Brahmanism; in the other, as the royal class and aristocracy disappeared, Brahmanism gradually lost its place in Cham culture. That was the social environment in which indigenous traditions might emerge and dominate the people's spiritual lives. Exogenous Brahmanism was combined with endogenous indigenous traditions throughout the localization

process. The Cham people have filtered and eliminated what is not appropriate for the people's lives from the Brahman ideology and replaced it with indigenous aspects acceptable by the Cham people, resulting in a national religion and a local religion. This religion is responsible for the ideals that define the unique, rich, and diversified traditional Cham culture.

References

1. Bui Khanh The (Editor). *Cham — Vietnamese Dictionary*. Social Sciences Publishing House, Hanoi, 1995, p.219.
2. Hoang Tam Xuyen (Editor). *Ten Major Religions in the World*. Translated by Duong Thu Ai and Phung Thi Hue. National Political Publishing House, Hanoi, 1999, p.110.
3. Many authors. *Cham folk tales*. National Culture Publishing House, Hanoi 2000.
4. A.L. Basham. *The wonder that was India*. Russian translation, London 1969, p.171-200.
5. Doan Chinh. *History of ancient Indian philosophy*. Youth publishing house, 1999, p.62.
6. Maspero. G. L. *Kingdom of Champa (Le royaume du Champa)*. Paris, 1928. Translated by Dao Tu Khai, p.27.
7. Su Van Ngoc. *The Funeral of the Thuan Hai Brahman Cham People*. In: *Ethnological issues in South Vietnam*, volume 2, book 2, Ethnic Department — Institute of Social Sciences in Ho Chi Minh City 1978, p.183.

Сведения об авторе

Фан Куог Ань

Доцент, Ph.D.

Университет Ван Ланга

Email: phanquocanh57@gmail.com

Tel: +84 913 882 368 (WhatsApp)

Information about the Author

Phan Quoc Anh

Associate Professor, Ph.D.

Van Lang University

Email: phanquocanh57@gmail.com

Tel: +84 913 882 368 (WhatsApp)

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.02.2026

Принята к публикации: 25.02.2026

Information about the article

The article was submitted 15.01.2026

Approved after reviewing 15.02.2026

Accepted for publication 25.02.2026

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании

«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещение основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений

и внешней политики (исторические науки);

- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (ки-тайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (фило-логические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редаклегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный. В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учреждения (в соответствии с наименованием,

указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» ("Corresponding author:").

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости

каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований,

щена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных приводится <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок Chicago, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных при-

водится <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова **«Вклад авторов:»** (**“Contribution of the authors:”**).

должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам

в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название статьи. Название журнала, где была издана статья*. Город: издательство; год. С. (страницы, на которых разме-

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, дате одобрения после рецензирования и дате принятия статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;

одобрена после рецензирования 08.12.2021;

принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;

approved after reviewing 08.12.2021;

accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/*другое*

Исторические/*другие науки*

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия*

²*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

АННОТАЦИЯ: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные восточноведческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*

History/*other studies*

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

ABSTRACT: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. The volume of an abstract is 100-300 words.

KEYWORDS: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

FOR CITATION: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / other) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.
Table 1. Table’s name.

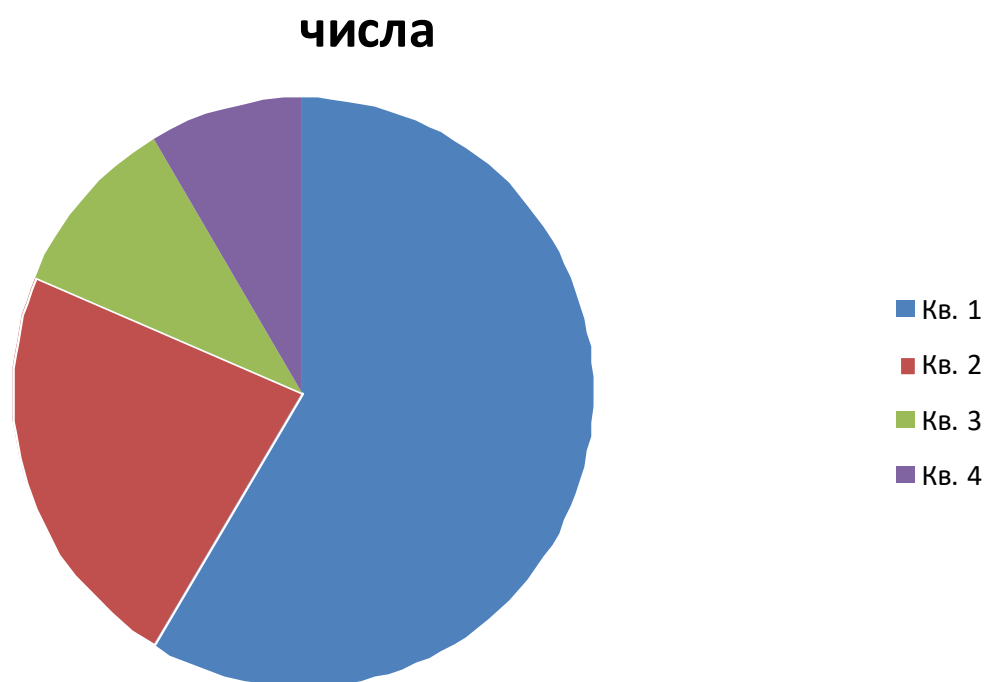

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本《罗西亚国史》研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

Information about the article

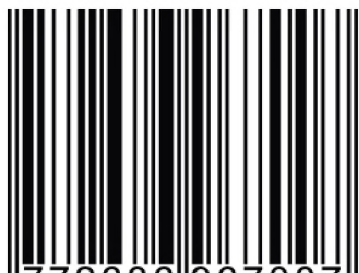
The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

[illegible]

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >